
Государственному историко-культурному музею-заповеднику
«Московский Кремль» более двухсот лет

Об одной из самых больших коллекций оружия, хранящейся в Оружейной
палате, читайте на стр. 20

Из российской истории	
<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Великокняжеская мудрость 4
Из российской истории	
<i>Татьяна Харламова</i>	Клинок булатной стали 20
Штрихи к портрету	
<i>Евгения Гордиенко</i>	Просто физик 28
Это интересно	
<i>Татьяна Комарова</i>	Генетическая ловушка для золушек и королей 36
Новое имя	
<i>Андрей Вертихин</i>	Мечтать о женщине 42
Рассказ	
<i>Эджернон Блэквуд</i>	Западня 50
<i>Варвара Клюева</i>	Черный юмор Санта-Клауса 114
Вернисаж	
<i>Ксения Аносова</i>	Я никогда бы не стал заниматься современным искусством 65
Судьба творца	
<i>Ирина Опимах</i>	Караваджо 74
Забытые страницы	
<i>Всеволод Гаршин</i>	Сигнал 88
Поэзия	
<i>Анатолий Пшеничный</i>	Стихи 96
Минувшее	
<i>Денис Логинов</i>	Княгиня-свобода 100
Детектив	
<i>Анна и Сергей Литвиновы</i>	Ее последняя любовь... 136
Кроссворд. Эрудит	188

Главный редактор, Генеральный директор	Кизилев Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка и иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич
Главный бухгалтер	Бижко Любовь Александровна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, e-mail: sales@smena-online.ru

---

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано **ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»:**
142300, МО, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 14 000 экз.

Зак. № 3347

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.01.2012

Выпуск издания в 2012 году осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Андрей Акуличев

г. Волгоград

Финал последнего романтика

Мы возводили замки на песке,
Чертили недоступные созвездья...
Но вот часы пробили вдалеке —
Настал неотвратимый миг возмездья!

Развеян пепел призрачных костров,
Не в силах мы соединить осколки,
И пыль далеких знойных берегов
Не веет уж, как прежде, с книжной полки.

Теперь один, один у нас закон,
Который действует железно:
Что выгоду приносит — есть резон,
А что одни убытки — бесполезно.

Из чего сделано стихотворение

Нет красок, есть полутона,
Оттенки, блики, светотени,
Есть эхо канувшего сна,
И нота запаха сирени.

Нет четких явственных границ,
Нет правил, догм и установок,
Есть череда размытых лиц,
Но нет гравюр и гравировок.

Нет жестких, выверенных схем,
Нет кадров и изображений,
Есть зеркала, есть сотни тем...
И пелена отображений.

Светлана
Бестужева-Лада

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ МУДРОСТЬ

Он стал первым русским князем, признанным всеми европейскими государями: Киевская Русь в его правление была вполне европейским государством, статусе которого подкреплялся многочисленными брачными союзами княжеских сыновей и дочерей.

Он оставил завещание, в котором предостерегал сыновей от междоусобиц и убеждал жить в честной любви. Если бы сыновья выполняли отцовские волю, возможно, Русь избежала бы и татаро-монгольского ига, и нашествия рыцарей Тевтонского ордена, а Петру Первому не пришлось бы «рубить окно в Европу», ибо Россия входила бы в число крупных европейских государств.

Но у истории нет сослагательного наклонения...

Ярослав Владимирович или Ярослав Мудрый (978–1054) — сын крестителя Руси князя Владимира Святославовича и полоцкой княжны Рогнеды, отец, дед и дядя многих правителей Европы, в крещении получил имя Георгий (или Юрий).

Впервые упоминание о нем встречается в «Повести временных лет», где он назван третьим сыном из четырех, родившихся у Владимира от Рогнеды. Так что перспективы, как бы теперь сказали, у княжича Ярослава были весьма скромными, тем более, что, помимо родных братьев, имелось еще семь или восемь сводных — от других жен отца.

Достигнув более или менее зрелого возраста, Ярослав получил в удел Ростовское княжество, где ничем себя не прославил и вел обычную жизнь удельного князя. Единственным исключением можно считать основание города Ярославля,

названного в честь князя, который, по легенде, секирой убил священную медведицу и приказал срубить на неприступном мысу над Волгой небольшую деревянную крепость, названную по его имени — Ярославль.

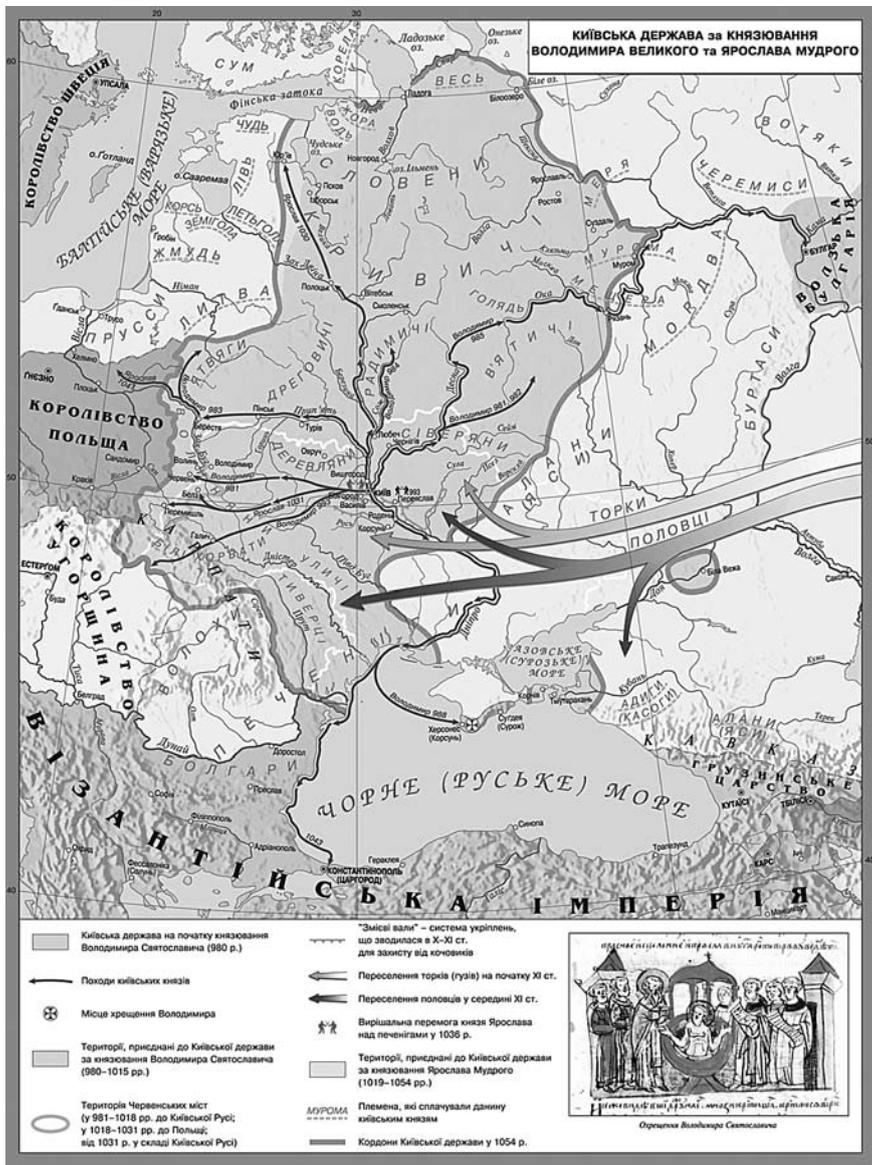
Эти события нашли отражение на гербе города. Предполагают, что Ярославль был основан в 1010 году не как город, а как крепость на Стрелке — месте слияния Волги и Которосли — для защиты Ростова. Впервые о Ярославле, как у городе, упоминается в летописях лишь семьдесят лет спустя в связи со вспыхнувшим там восстанием смердов.

Политическая карта Руси одиннадцатого века выглядела следующим образом:

*Ярослав
Мудрый,
державший
в руке грамоту
об основании
города Юрьева
в 1032 г.*

Заслуживши мѣста Юрева
(Бѣлот Черкѣи)
Кіевскому князю
Ярославу Мудрому
(978-1054)

После смерти своего старшего брата Вышеслава Ярослав был в 1011 году посажен своим отцом на

княжение в Новгороде — в обход тоже старшего, но сводного брата Святополка, который тогда был в неми-

лости у Владимира и даже одно время находился в заключении. Рассудительный и спокойный Ярослав импонировал своему отцу гораздо больше, чем амбициозный и склонный к внезапным припадкам гнева Святополк. Но старый князь жестоко ошибся.

Став князем новгородским, Ярослав решил ликвидировать давнюю зависимость Новгорода от Киева и стать совершенно независимым государем обширной Новгородской области. Главной причиной этого было недовольство решением Владимира посадить на киевский престол одного из своих младших сыновей — Бориса, выразившееся во вполне конкретном действии: после трех лет своего княжения Ярослав отказался платить отцу ежегодную дань в 2000 гривен, как делали все новгородские посадники.

Новгородцы, славившиеся своим независимым и бунтарским нравом, да, к тому же, еще тяготившиеся зависимостью от Южной Руси и налагаемой на них данью, с восторгом поддержали своего князя.

Неизвестно, чем закончился бы бунт сына против отца (разгневанный Владимир готовился лично идти против него и велел уже исправлять дороги и строить мосты), но внезапно великий князь заболел и скончался. Великокняжеским столом завладел старший в роде Святополк, которого освободили из темницы и объявили своим князем взбунтовавшиеся киевляне.

В этом моменте, однако, существует много противоречивых вер-

сий. Согласно одной из них, опасаясь любимого киевлянами Бориса и желая сделаться единодержавным правителем всей Руси, Святополк умертвил трех братьев — Бориса, Глеба и Святослава. Но во многих других источниках упоминается о том, что князь Борис, например, всегда признавал старшинство Святополка и не мыслил о том, чтобы сделаться в обход его великим князем. Про князя Глеба упоминаний меньше, но суть их та же. А уж Святослав вообще, по-видимому, «попал под раздачу». Судя по всему, его убили «на всякий случай».

Так что до сих пор неясно, кто именно «подсадил» на киевский стол Святополка, которого киевляне, мягко говоря, недолюбливали, по чьему приказу были умерщвлены его братья, и что спасло Ярослава от той же участи: Святополк не скрывал своего намерения расправиться и с этим сводным братом. Правда, не с помощью наемных убийц, а силами своей дружины. Но к этому следует добавить, что женат Святополк был на дочери польского короля Болеслава Храброго, правда, недолго — всего три года, и имя принцессы, умершей в возрасте восемнадцати лет, в летописях и хрониках даже не указывается.

Ярослав не стал дожидаться, подобно Борису и Глебу, когда его отправят следом за братьями. Он срочно помирился с новгородцами, которые имели все основания быть недовольными своим князем: женатый на шведской принцессе Ингигерде (в святом крещении — Ирине), он отда-

вал явное предпочтение наемной варяжской дружине.

Варяги же, никогда не отличавшиеся особой гуманностью нравов, да еще чувствовавшие себя под надежной защитой, возбуждали против себя население жестокостью и насильями, дело доходило до кровавого возмездия со стороны новгородцев, а Ярослав в таких случаях обыкновенно принимал сторону наемников и однажды казнил многих граждан, заманив их к себе хитростью.

Тем не менее, новгородцы довольно легко согласились помирииться с Ярославом, поскольку отказать ему в помощи в войне против Святополка означало бы вынудить своего князя к бегству. Следовательно, опять возобновилась бы зависимость от Киева, и пришлось бы принимать нового посадника — а какого, неизвестно. Кроме того, Ярослав мог вернуться из-за моря с варягами и отомстить Новгороду, что, принимая во внимание характер князя, было вполне реально. Но каким бы там князь ни был, а к нему уже успели привыкнуть, равно как и к независимости от Киева.

Так что собрав тысяч сорок новгородцев и несколько тысяч варяжских наемников, которых он нанял раньше для войны с отцом, Ярослав двинулся против Святополка. Тот, помимо поддержки тестя — польского короля, заручился еще помощью печенегов, что в глазах русских, прежде всего, киевлян, было откровенным предательством.

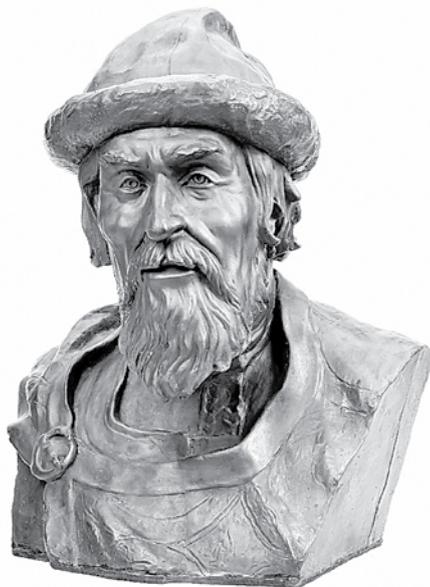
В 1016 году Ярослав разбил войско Святополка близ города Любеча и поздней осенью занял Киев. Он щедро награждал новгородскую дружину, оделив каждого воина десятью гривнами. В летописях сказано:

«... И отпусти их всех домой, — и, дав им правду, и устав списав, тако рекши им: по се грамоте ходите, якоже списав вам, такоже держите...»

Увы, на этом братоубийственная война не закончилась. Два года спустя собравшийся с силами Святополк осадил Киев. С помощью войск польского короля ему удалось разбить войска Ярослава и захватить Киев. Но тут Болеслав Храбрый совершил ошибку: вместо того, чтобы передать киевский стол Святополку, сам сделал попытку утвердиться в нем. Но киевляне, возмущенные неистовствами его дружины, начали убивать поляков, и Болеслав должен был поспешно оставить Киев, лишив Святополка военной помощи.

А Ярослав, вернувшись в Новгород после поражения, счел за благо не искушать более судьбу и приготовился бежать «за море». Но новгородцы изрубили суда князя, а ему заявили о своей прежней готовности биться за него с Болеславом и Святополком. Более того, они собрали деньги, заключили новый договор с варягами конунга Эймунда и сами вооружились.

Весной 1019 года это войско во главе с Ярославом осуществило новый поход на Святополка. В битве на реке Альте Святополк был раз-

бит, его знамя захвачено, сам он ранен, но ему удалось бежать. Конунг Эймунд спросил у Ярослава: «Прикажете ли убить его, или нет?», — на что Ярослав витиевато ответил:

«...Ничего этого я не сделаю: ни настраивать никого не стану к (личному, грудь на грудь) сражению с Князем Святополком, ни порицать кого-либо, если он будет убит».

Святополк бежал в Польшу и по дороге умер, причем место его погребения так и осталось неизвестным, а в историю он вошел под зловещим и красноречивым прозвищем «Окаянный». Хотя его сводный брат, получивший впоследствии прозвище «Мудрый», с одинаковым успе-

хом мог бы тоже называться окаянным, но... победителей, как известно, не судят, а возвеличивают.

Успевший уже овдоветь, проведя несколько лет в бездетном браке, Ярослав в 1019 году женился на дочери шведского короля Олафа Шетконунга, тоже Ингегерде, и тоже без затей крещеной Ириной. За эту принцессу сватался конунг Норвегии Олаф Харальдсон, но вынужден был удовлетвориться рукой ее младшей сестры — Астрид. Повидимому, шведский король считал киевского князя более выгодным и «перспективным» зятем.

В качестве свадебного подарка от Ярослава Ингегерда-Ирина полу-

---

чила город Альдейгаборг (теперь — Ладога) с прилегающими землями, которые и носили с тех пор непонятное большинству потомков название Ингерманландии (земли Ингегерды).

Четыре года спустя Ярославу пришлось выдержать еще одно вторжение «братских войск» на киевские земли. Его сводный брат, тьмутараканский князь Мстислав, взяв в союзники воинов из племен хазар и касогов, захватил Чернигов и все левобережье Днепра. После этой победы Мстислав перенес свою столицу в Чернигов и, направив послов к бежавшему в Новгород Ярославу, предложил разделить с ним земли по Днепру и прекратить войны:

«Садись в своем Киеве, ты — старший брат, а мне пусть будет эта сторона».

Ярослав был вынужден согласиться, впервые проявив то, что впоследствии восславят как его мудрость. Левобережье сохранилось за Мстиславом, а правобережье за Ярославом, который больше десяти лет после этого, будучи великим князем Киевским, предпочитал находиться в Новгороде, пока в 1036 году не скончался Мстислав.

Но за эти десять лет сводные братья в трогательном единстве завоевывали все новые земли и сохраняли прежние владения: Ярослав помог Мстиславу подавить мятеж в Тьмутаракани и восстановить спокойствие в княжестве, а Мстислав, в свою очередь, поддержал Ярослава в походе на племя чудь, когда был заложен город Юрьев (ныне Тарту в Эстонии).

*Ростов
Великий —
первое княжение
Ярослава Мудро-
го (слева)*

*Ярославль.
Ярослав Мудрый
заложил его
в период ростов-
ского княжения
(справа)*

В том же 1030 году против короля Мешко II в Польской земле поднялось восстание, народ убивал епископов, священников и бояр. При активном содействии обоих братьев и их дружин на польский престол был посажен король Безприм, а заодно отобраны города Пермышь и Червен с немалыми территориями вокруг них.

Добычу разделили по-братски: множество пленных поляков расселили по обоим берегам Днепра. Как принято считать, в этой военной кампании участвовал Харальд III Суровый, будущий король Норвегии и зять Ярослава. Грозный викинг влюбился в старшую дочь киевского князя Елизавету, прозванную «шелковинкой» за тонкий стан. Но Елизавета была еще слишком молода, а

Харальд был всего лишь претендентом на норвежский трон, так что сватовство вежливо отклонили — до лучших времен.

В 1036 году во время охоты скоропостижно и по непонятным причинам умер Мстислав. Реакция Ярослава была молниеносной и вполне логичной: он взял под свою руку земли скончавшегося брата, а последнего и самого младшего сводного брата — псковского князя Судислава — заточил в темницу.

Только после этого Ярослав в 1036 году окончательно перебрался со всем своим двором, дружиной, чадами и домочадцами из Новгорода в Киев. Со дня смерти его отца, Владимира Крестителя, прошло больше двадцати лет. Мудрый Ярослав не торопил события.

Сам он больше не воевал: подросли сыновья, которым Ярослав и доверил руководство дружиной и походами. Зато собственноручно в честь победы над печенегами заложил знаменитый собор Святой Софии в Киеве, причем для росписи храма были вызваны художники из Константинополя. Своих достойных мастеров в Киевской Руси тогда еще не было.

Зато уже появился и рос авторитет Киева в Европе. Именно в Киев к Ярославу бежал английский принц Эдуард Изгнанник, к нему же обратился за помощью очередной претендент на польский престол Казимир I, внук Болеслава Храброго. Ярослав помог потомку бывшего врага занять польский трон, а сестра Ярослава

Мария стала польской королевой. Этот брак был заключен параллельно с женитьбой сына Ярослава Изяслава на сестре Казимира — Гертруде, в знак союза с Польшей.

Княжение Ярослава ознаменовалось последним враждебным столкновением Руси с греками. В 1043 году один из русских купцов был убит в ссоре с греческим. Не получив удовлетворения за обиду, Ярослав послал к Византии большой флот, под начальством старшего сына Владимира Новгородского и воеводы Вышаты. В 1046 г. был заключен мир, пленные с обеих сторон возвращены, и дружественные отношения скреплены браком любимого сына Ярослава Всеволода с греческой царевной Анной.

В дальнейшем Ярослав все реже прибегал к силе оружия и все чаще — к заключению брачно-политических союзов. Благо дети в его семье рождались едва ли не ежегодно, и многие из них, как Всеволод, уже достигли брачного возраста.

Известно, правда, что для поддержания мира на северных границах Ярослав ежегодно отправлял варягам по 300 гривен серебра. Причем плата эта была слишком малой, скорее символической, но она обеспечивала мир с варягами и защиту северных земель. Ярослав первым издал закон о престолонаследии, согласно которому наследование шло не от отца к сыну, а от старшего брата младшему. А братьев было много.

О браке Всеволода уже упоминалось. Владимир, князь новгородский, был женат на дочери графа Штаденского Леопольда — Оде. Изяслав взял в жены сестру польского короля Гертруду. Святослав, князь черниговский, был женат на греческой принцессе Цецилии, дальней родственнице константинопольского императора. Игорь взял в супруги германскую принцессу Кунигунду, и только Вячеслав, скончавшийся в возрасте двадцати двух лет, не успел обзавестись семьей.

Дочери заключили еще более блестящие браки, все три стали королевами: Елизавета вышла замуж за короля норвежского, а после его смерти — за короля датского, Анастасия стала женой короля Венгрии Андраша I, а младшая Анна вышла замуж

за короля Франции Генриха I, оставив о себе прочную память не только в документах, но и в скульптурных изображениях как Анна Русская.

При Ярославе Мудром Киев часто сравнивали по красоте с Константинополем. Один западный хронист уже в то время считал Киев чрезвычайно большим и крепким городом, в котором около 400 церквей и 8 рынков. Другой называл Киев соперником Константинополя, «блестящим украшением». При нем же был заложен каменный Софийский собор в Новгороде, вместо сгоревшего деревянного.

Княжение Ярослава важно, прежде всего, как эпоха высшего процветания Киевской Руси, после которого она быстро стала клониться к упадку, а значение самого Ярослава в русской истории основывается, главным образом, не на удачных войнах, а на династических связях с Западом и — главное! — на его трудах по внутреннему устройству земли русской.

Ярослав много содействовал распространению христианства на Руси, развитию необходимого для этой цели просвещения и подготовке священнослужителей из русских. Он построил в Киеве монастырь святого Георгия и монастырь святой Ирины (в честь ангела своей супруги). Не щадил средств на церковное благолепие, но также украсил Киев многими постройками, обвел его новыми каменными стенами, устроив в них знаменитые Золотые ворота (в подражание таким же цареградским), а

над ним — церковь в честь Благовещения.

Недаром его дочь Анна, ставшая королевой Франции, с тоской вспоминала о красоте оставленного ею родного города, сравнения с которым Париж тех времен категорически не выдерживал. Лишь с византийским великолепием можно было сравнить столицу Руси во времена Ярослава Мудрого.

Князь прилагал немало усилий и для внутреннего благоустройства православной церкви и успешного развития христианской веры. Когда в конце его княжения надо было поставить нового митрополита, Ярослав велел Собору русских епископов поставить митрополитом русского священника Иллариона, желая устранить

зависимость русской духовной иерархии от Византии. Помимо этого он велел переводить книги рукописные с греческого на славянский, причем сам покупал оригиналы и почти все читал, будучи одним из образованнейших людей своего времени. Переводы же были помещены в библиотеку построенного им Софийского собора для общего пользования.

Для распространения грамоты Ярослав велел духовенству обучать детей, а в Новгороде, по позднейшим летописным данным, устроил училище на 300 мест. При Ярославе приехали в Русь из Византии церковные певцы, научившие русских осьмогласному (демественному) пению.

Наиболее известным остался Ярослав в памяти потомков как зако-

*Владимир Нагоров.
«Ярослав Мудрый»*

нодатель: ему приписывается древнейший русский памятник права — «Устав», или «Суд Ярославль», более известный, однако, под названием «Русская правда». Многие историки, впрочем, считают, что «Русская правда» — это сборник законов и обычаев, составление которого Ярослав лишь начал, и который продолжал пополняться и расширяться на протяжении всего XII века.

Кроме «Русской правды», при Ярославе появился церковный устав, или Кормчая книга — перевод византийского «Номоканона», многие пункты из которого действительны и по сей день.

Своей законодательной деятельностью, заботами о распространении христианства, о церковном благолепии и просвещении Ярослав так возвысился в глазах древнерусских людей, что получил прозвание Мудрого.

Немалую роль в его деятельности играла и забота о внутреннем благоустройстве земли, ее спокойствии и безопасности: он был князем-«нарядником» земли. Подобно своему отцу, заселял степные пространства, строил города (Юрьев, Дерпт, Ярославль), продолжал политику предшественников по охране границ и торговых путей от кочевников и по защите интересов русской торговли в Византии. Огородил острожками южную границу Руси со степью и в 1032 году начал ставить здесь города.

Время Ярослава было эпохой таких деятельных сношений с государствами Запада, каких в будущем

уже не было. Он правил 37 лет, из них в Киеве — только 17, но за это время сумел сделать колоссально много. При нем, в частности, появились монеты с надписью «Ярославле серебро». На одной ее стороне был изображен Иисус Христос, на другой — Георгий Победоносец, святой покровитель Ярослава.

Тогда же возникли первые русские монастыри. Помимо киевских, он основал монастыри Святого Георгия (Юрьев монастырь) в Новгороде и Киево-Печерский монастырь, превратившийся впоследствии в лавру. Ему же православные обязаны и появлением в церковном календаре дня святого Георгия (26 ноября), так называемого «Юрьева дня», позже снискавшего себе печальную известность в связи с крепостным правом.

Умер Ярослав Мудрый 20 февраля 1054 года на руках сына Всеволода, пережив на четыре года свою жену и на два года старшего сына Владимира, и оставив Киевскую Русь на пике ее расцвета. А историков — в абсолютном недоумении, которое до сих пор так и сохраняется. Загадочность фигуры Ярослава практически не имеет аналогов в русской истории. О нем не написано ни одного серьезного исследования.

Даже после смерти он продолжал загадывать загадки. Его саркофаг в Софийском соборе Киева, где князя официально погребли, вскрывали три раза: в 1936, в 1939 и в 1964 годах, и проводили, мягко го-

вора, не вполне квалифицированные исследования. Например, в отчете 1964 года, выдержки из которого печатались в «Вестнике» АН СССР, сообщается, что рост князя был 172—175 см, и что он был хромым: по одной из версий — от рождения, по другой — в результате ранения в битве. Правая нога князя Ярослава была более длинной, чем левая, из-за повреждения тазобедренного и коленного суставов.

В саркофаге были также обнаружены и женские останки, о чем писал академик Михаил Герасимов еще в 1939 году. Известный скульптор и антрополог осуществил реконструкцию лица Ярослава по его черепу. На основе этой реконструкции в 1862 году был создан скульптурный образ Ярослава в памятнике «Тысячелетие России» в Новгороде. Памятники Ярославу Мудрому также установлены в Белой Церкви, Киеве, Харькове и Ярославле.

Значит, останки князя в конце тридцатых годов в саркофаге были! Мистификациями академик Герасимов никогда не занимался. Он мог только (теоретически) использовать при реконструкции древнейший из портретов киевского князя, который был выполнен при жизни Ярослава на известной фреске в соборе святой Софии. Но, к сожалению, часть фрески с портретами Ярослава и его жены Ингерды после войны была утрачена. Сохранилась лишь копия, сделанная в 1651 году с еще целой фрески придворным живописцем

литовского гетмана А. Радзивила, которая находится сейчас в частной коллекции.

В 2009 году саркофаг был вскрыт в четвертый раз, и останки снова отправили на экспертизу. При вскрытии были обнаружены советские газеты «Известия» и «Правда», датированные 1964 годом, — это удалось установить со стопроцентной вероятностью. А вот результаты генетической экспертизы, опубликованные в марте 2011 года, гораздо менее точны: в гробнице оказались не мужские, а только женские останки, причем составленные из двух скелетов, датирующихся совершенно разным временем: один скелет одного времени с Киевской Русью, а второй на 1000 лет древнее, то есть времен скифских поселений.

Женские останки киевского времени, по утверждению ученых-антропологов, принадлежат женщине, при жизни много занимавшейся тяжелым физическим трудом, то есть, явно не княжеского рода. Вот тут кончаются антропология и археология, и начинается настоящий детектив с мистико-религиозным уклоном.

На след праха Ярослава Мудрого может указать захороненная вместе с ним икона Николы Мокрого, которая была вывезена из Софийского собора представителями украинской греко-католической церкви при отступлении их из Киева осенью 1943 года вместе с немецкими оккупантами. Икона была обнаружена в Свято-Троицком храме, но... в Бру-

клине, то есть совсем на другом континенте, в Америке, в 1973 году. По мнению некоторых историков, останки великого князя Ярослава также следует искать в США, ибо Свято-

Троицкий собор в Бруклине в настоящее время находится в распоряжении Украинской православной церкви в США и под юрисдикцией Константинопольского патриархата.

Воистину, нет пророка в своем отечестве! Ярослав Мудрый формально не входил в число святых

русской православной церкви: только в 2005 году, по благословению патриарха Алексия II, в церковный месяцеслов был внесен день поминовения благоверного князя Ярослава Мудрого — 5 марта. Хотя Ярослав почитался христианами сразу после смерти и впервые как Святой упоминается в...«Деяниях перво-священников Гамбургской церкви», датируемых 1075 годом.

Поскольку Ярослав был женат на дочери шведского короля и устраивал династические браки своих дочерей исключительно с королями, он сам и его имя неоднократно упоминаются в скандинавских сагах, где он фигурирует под именем «Ярислейва Конунга Хольмгарда», то есть «Ярослава князя Новгородского». Правда, если не затруднять себя переводом и изучением других источников, то вполне реально в один прекрасный день прочитать, что Ярослав на самом деле был варяжским вождем, пришедшим на дикую Русь, и установившим там, наконец, европейский порядок. Никто не будет затруднять себя размышлениями о том, что дикими-то были как раз все еще языческие скандинавские страны...

Тем более, что прецеденты имеются. Еще в середине позапрошлого века профессор Санкт-Петербургского университета Сенковский, переводя на русский язык «Сагу об Эймунде», обнаружил, что варяг Эймунд вместе с дружиной был нанят Ярославом Мудрым. В саге рассказывается, как конунг Ярислейф (Ярослав) сражал-

ся с конунгом Бурислейфом (Борисом), причем в саге Бурислейфа лишают жизни варяги по распоряжению Ярислейфа.

Затем некоторые исследователи, на основании все той же саги, поддерживали гипотезу, что смерть Бориса — «дело рук» варягов, присланных Ярославом Мудрым, и эта гипотеза до настоящего времени имеет как своих сторонников, так и противников, но, увы, не имеет серьезных исследователей.

Древнерусские же летописцы в «Повести временных лет» объявляют Ярослава мудрым потому, что он... построил храмы Святой Софии в Киеве и Новгороде, то есть посвятил главные храмы городов Софии — премудрости божьей, которой посвящен и главный храм Константинополя, показав тем самым, что русская церковь стоит наравне с церковью византийской.

Хорошо еще, что вошла в историю работа князя «Русская правда», ставшая первым известным сводом законов на Руси, что династические браки его самого и его детей позволили Киевской Руси стать на один уровень с другими государствами

Европы. Что хотя бы зарубежные исследователи признают Ярослава Владимировича «первым европейским правителем Руси».

Увы, и последним — на долгое время. Умирая, Ярослав разделил землю русскую между сыновьями и оставил завещание, в котором предостерегал сыновей от междоусобиц и убеждал жить в тесной любви...

Но это желание мудрого князя так и осталось мечтой. □

*Памятник
Ярославу Мудрому
у Золотых ворот,
Киев*

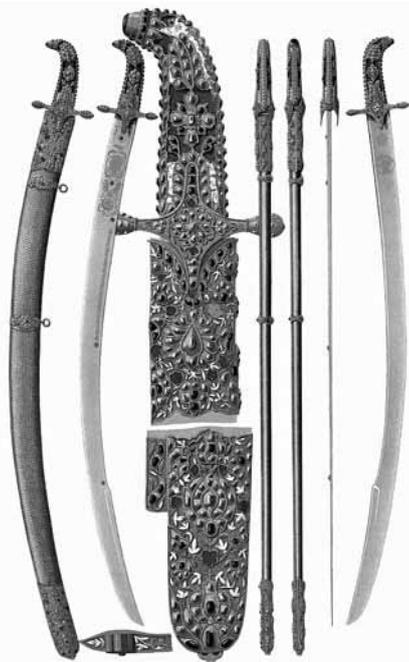
Клинок булатной стали

Татьяна Харламова

Государственному историко-культурному музею-заповеднику «Московский Кремль» уже более двухсот лет. Здесь хранятся около тысячи ценных и уникальных экспонатов. А в Оружейной палате находится одна из самых больших коллекций — коллекция оружия

Русские императоры считали своим долгом заботиться о коллекциях Оружейной палаты, регулярно пополняя их уникальными реликвиями. Ведь каждое старое ружье, сабля или копье несут в себе информацию из прошлого, за каждым экспонатом тянется шлейф тайн. Нужно только суметь их разгадать. Над некоторыми ученые бьются годами. Кому это ружье предназначалось? Кому принадлежало? В каких сражениях участвовало?

В экскурсии по Оружейной палате нас сопровождает Алексей Левыкин, бывший заведующий палатой, а ныне — директор Государственного Исторического музея. Мы останавливаемся перед витриной, за сте-

клом которой красуется шлем, известный с детства каждому по картинкам в учебниках истории.

— До сих пор, — поясняет Алексей, — неизвестно, почему этот шлем принято называть «кучумовским». Он был изготовлен в Иране в XVI веке и подарен царю Алексею Михайловичу боярином Шереметевым. Возможно, этот шлем символизирует власть московского государства над Сибирью, покорение Сибири. Беда в том, что Москва была долгое время деревянной, часто горела, и в огне исчезали летописи, документы, так что теперь трудно докопаться до истины.

Один из самых древних и загадочных экспонатов — рогатина тверско-

го князя Бориса Александровича. Выкованная из булатной стали, она покрыта надписями, миниатюрами. Историки до сих пор гадают, что на них изображено: иллюстрации к литературным произведениям или просто бытовые сцены. По одной из версий, великолепная рогатина была свадебным подарком к жениху Ивана III на дочери тверского князя.

Основа коллекции создавалась русскими князьями, которые были, прежде всего, полководцами. При каждом князе находился личный ору-

жейный арсенал, так называемый «доспех». Дмитрий Донской, к примеру, завещал своим детям несколько золотых сабель. Хранящиеся в палате старейшие кольчуги сотканы из шестнадцати тысяч колец, вряд ли современный «рыцарь» продержался бы в такой хотя бы час. Князья же в двенадцатикилограммовых рубашках сражались сутками... На груди кольчуги — медные бляшки с надписью «Князь Петр Иванович Шуйский». Он участвовал в походе на Казань, покорял Дерпт. В 1564 году погиб в битве с поляками под Оршей, а кольчуга его попала в государево хранилище — Оружейную палату. На ней укрепили, как было принято, свинцовую бляху с изображением

двуглавого орла — клеймо царской казны. Существует легенда, что кольчугу послали в качестве платы за службу покорителю Сибири Ермаку. Однако подарок не принес удачи отважному воину, Ермак попал в засаду и погиб. Лишь спустя многие десятилетия кольчуга была обнаружена в доме одного из знатных сибиряков и вернулась в Оружейную палату.

Уникальное собрание музея позволяет проследить, как постепенно видоизменялся и совершенствовался русский воинский «доспех». Борис Годунов, например, носил байдану — кольчугу из широких плоских колец с узором.

Особое значение придавалось шлему. На Руси в старину мальчи-

ков крестили дважды. Первый раз — сразу после рождения, второй раз — шлемом. Например, шлем царя Михаила Федоровича считается боевой короной царей русских. Княжичей с четырех лет начинали обучать военному делу. Шлем же передавался от отца сыну. Этот боевой головной убор зачислялся и в «Большой государев наряд», который нес главный оружейничий во время походов и торжеств. Среди уникальных экспонатов — шлемы работы лучшего оружейника семнадцатого века Никиты Давыдова и Иоанна Иоанновича, убиенного рукой грозного отца. В «Большой государев наряд» также обязательно входили лук со стрелами — традиционное оружие русской армии, и клинки. Например, сохранился уникальный, в смысле древности, красоты и качества, нож Андрея Старицкого, брата Василия III.

— «Военно-промышленный комплекс» существовал в России всегда, — продолжает Алексей Левыкин, — и был приоритетен. К примеру, Аристотель Фиорованти на самом деле приехал в Москву вовсе не для того, чтобы собор строить. Его пригласили для создания пушечного двора. И он это сделал, построив, «между делом», Успенский собор.

А настоящую русскую армию — с русским, а не иностранным оружием, своей формой, школой, создал Петр Первый. В его времена коллекция Оружейной палаты пополнилась трофеями Полтавской битвы: шведскими ружьями, литаврами.

Существует мнение, что Петр Первый был одним из самых воинствен-

ных царей. Оказывается, это не совсем так.

Его отец — Алексей Михайлович, прозванный «Тишайшим», вел себя не менее агрессивно. По количеству военных походов намного превзошел своего сына. Именно он взял Киев — мать городов русских, и таким образом окончательно сформировал территорию государства российского. Кроме того, возвел мощные сложные укрепления от Белгорода до Козлова и нанес удары по ханскому Крыму. Алексей Михайлович был одновременно и большим любителем охоты, даже написал трактат «Об охоте».

Охоту любили многие российские самодержцы, но самой страстной царственной охотницей считалась Анна Иоанновна. У нее в спальне у окна всегда стояли великолепные заряженные ружья. На «всякий случай».

Любили поохотиться и Елизавета Петровна, и Екатерина II.

Традиции царской охоты продолжали и советские лидеры. Ленин, Сталин и особенно Брежнев со своим окружением уважали и ценили отечественное охотничье ружье, как правило, выполненное на заказ тульскими и ижевскими оружейниками.

О любви российских правителей к хорошему оружию знали и за рубежом. Не случайно английское посольство Карла II, желая улучшить отношения с Москвой, прислало в дар Алексею Михайловичу ружье, принадлежащее династии Стюартов.

А есть ли у оружия национальные черты?

Алексей Левыкин считает, что, как это ни парадоксально звучит, нет ничего более интернационального, чем оружие, но и ему свойственны определенные национальные черты. Русское оружие, к примеру, всегда отличалось гармоничностью: простое по форме, очень функциональное в обращении, без обилия декора, в отличие от восточного. Тульские мастера иной раз творили по французским чертежам, и все равно получалось чисто русское оружие.

Германское оружие отличается массивностью, простотой и исключительной надежностью. Голландские ружья можно узнать по особой добротности, чешские же утонченно изысканны, а турецкие тяжелы — весят до пяти килограммов! Но они ценятся очень высоко — чем тяжелее ствол, тем точнее прицел. Кстати, спортивное оружие именно по этим причинам очень тяжелое...

— Пополняется ли коллекция Оружейной палаты в наши дни? — поинтересовались мы у Левыкина.

— Конечно. И сегодня приносят предметы из семейных реликвий. Например, музей приобрел совершенно уникальную вещь, идентичная которой имеется только в Эрмитаже, — детскую саблю из «набора царевича». Она долгое время хранилась в обычной московской семье, как туда попала, неизвестно. Подобных предметов хранится в семьях множество. Время от времени жизнь преподносит нам сюрпризы.

К примеру, явился как-то мужчина с ножом. А ножичек оказался родом из шестнадцатого века, из самой Голландии. Не нож, а картинка, одни ножны чего стоят —

деревянные, резные... И сюрпризы все продолжают.

Несмотря на сегодняшнюю сложную экономическую жизнь, дороговизну коллекционного оружия, современные оружейники из Златоуста, Тулы, Ижевска считают своим долгом пополнить современными новинками коллекцию главной оружейной сокровищницы страны. И делают это, конечно, бесплатно. Благодаря им удалось создать новую экспозицию, посвященную русскому клинку.

А недавно коллекции Оружейной палаты были представлены в одном из самых престижных и крупных музеев мира — лондонском Тауэре. И произвели там настоящий фурор. □

Евгения
Гордиенко

Просто физик

Гениальный ребенок

«...Меня зовут Дау, и я ненавижу, когда меня называют Львом Давидовичем!» — так обычно начинал свое знакомство со студентами великий физик Ландау... В этих словах — он весь. Гений с открытой душой, невероятно общительный человек, начитанный умница, который был способен огромными кусками цитировать классиков и кри-

чать нерадивым коллегам: «Да это полная галиматья, ахинея!» Донжуан и «великий классификатор», лауреат Нобелевской премии и близкий друг Нильса Бора — все это Лев Давидович Ландау или просто Дау, как называли его друзья, ученики, коллеги и все, все, все...

«Со своим рождением я опоздал на десяток лет» — любил шутить Дау. В самом деле, возможно, родился он не в 1908 году, а в конце 19-го столетия, ему принадлежало бы куда боль-

ше научных открытий. А так: «Как все красивые девушки уже разобраны, так все хорошие задачи уже решены». Впрочем, Ландау лукавил — на его век осталось множество задач, которые он решал блестяще.

22 января 1908 года в Баку в семье инженера-нефтяника Давида Ландау и его жены Любови Вениаминовны родился сын Лева. Гениальный ребенок — так говорили о нем. И это было заслуженно: в двенадцать лет он уже умел дифференцировать, а в тринадцать — интегрировать. Но внезапно блестящая учеба в школе была прервана — гимназии закрыли, и Лева вынужден был целый год провести дома. Мать, считавшая, что «ничего неделанье» — самый страшный из существующих грехов, твердила сыну, что он «превратится в ничтожество»...

Над мальчиком и так насмехались сверстники из-за его хилого телосложения и отсутствия кулаков, а тут еще и мать со своими упреками. Лева решил, что с него такой жизни хватит, и пора с ней покончить! И уже обдумывал, как это сделать, когда к нему в руки попала книга, заставившая задуматься о себе и о том, каким сильным может быть человек, как он способен изменить свою судьбу. Книга называлась «Красное и черное».

В отличие от многих «гениальных детей», которые теряют свою гениальность, перешагивая через переходный возраст, Ландау лишь продолжал совершенствоваться, рас-

ширять свои знания. Впрочем, этим он будет заниматься всю жизнь.

В 1922 году Лев Ландау поступил в Бакинский университет. Ему было 14, но на вид все давали мальчику 12 лет. Однако здесь вместо насмешек ему досталось заслуженное уважение преподавателей и курсников — трудолюбие, блестящая учеба и легкий характер сделали его всеобщим любимцем.

«Дайте слово Бору!...»

В шестнадцатилетнем возрасте Ландау отправили в длительную командировку по Европе «для пополнения образования». За государственной границей, разумеется. Уже по возвращении, угощая одну из своих подруг шоколадом, он заметил: «А вот за границей я шоколада не ел!» «Почему же?» — изумилась девушка. «Потому что государство послало меня учиться, а не шоколад есть», — вполне серьезно ответил он.

Эта поездка, если не считать шоколада, оказалась невероятно полезной для Дау. Он познакомился со многими знаменитыми физиками, в том числе и с легендарным Нильсом Бором. Бор отличался интересным качеством — он воспринимал молодых физиков, приехавших к нему, как равных, и относился к ним, как к любимым детям. Жена Бора вспоминала потом о Ландау: «Нильс полюбил его с первого дня знакомства. Вы знаете, он бывал несносен, пере-

бивал Нильса, высмеивал старших, походил на взлохмаченного мальчишку. Но как он был талантлив и как правдив!»

То, как проходили эти дни, запечатлел на карикатурном рисунке другой российский ученый — 26-летний Георгий Гамов. Ландау изображен привязанным к стулу с кляпом во рту, а Нильс Бор стоит над ним с указующим перстом и наставительно произносит: «Погодите, погодите, Ландау, дайте мне хоть слово сказать!»

И если в Дании Ландау внимал каждому слову Бора, то дома внимали уже самому Дау. Он был непрекаемым авторитетом во всем, что касалось науки. Его школа была, пожалуй, «оазисом свободы» в советской действительности. К нему тянулись физики со всей страны. И дело было не только в том, что учиться у «самого Дау» было великой честью, и удостоиться ее было невероятно трудно, а еще и в человеческой притягательности Ландау. Всегда в центре внимания, остроумный, легкий, изящный, он был магнитом для всех...

Школа Ландау

Вступить в «вольное сообщество» под названием «школа Ландау» мог кто угодно — от школьника до доктора наук, нужно было всего лишь сдать преподавателю (или его доверенному сотруднику) так называе-

мый теорминимум Ландау. «Всего лишь» — это 9 экзаменов, 2 по математике и 7 по физике. Теорминимум охватывал все, что необходимо знать, прежде чем начинать самостоятельно работать в теоретической физике. Сдавали экзамен не более трех раз, четвертой попытке не было. Абсолютный демократ в жизни, в науке Дау был строг и немолчим. Мог сказать провалившемуся абитуриенту: «Физика из вас не получится. Надо называть вещи своими именами. Было бы хуже, если бы я ввел вас в заблуждение...»

Он готов был обсуждать теоретическую физику бесконечно, с любого места и в любом обществе, уставал Дау лишь от дилетантов. Когда ему надоело, он вставал, говорил: «С ума сошел, домой пошел!» — и уходил.

Евгений Лифшиц рассказывал, что, начиная с 1934 года, Ландау сам ввел поименный список выдержавших испытание. И к январю 1962 года этот «гроссмейстерский» список включал всего 43 фамилии, но зато 10 из них принадлежали академиком и 26 — докторам наук.

Его любили не просто как учителя, но и как друга, над которым легко можно подшутить. К пятидесятилетию Ландау, например, была отлита медаль с прекрасным чеканным профилем юбиляра и латинской надписью его любимого выражения «От дурака слышу», изготовлены «скрижали» с «10-ю заповедями Ландау» — десятью самыми важными его открытиями...

Но в нем не было ни капли заносчивости или снобизма. Представляясь, он всегда говорил: «Я — физик». И ничего больше.

Дау не терпел пафосного отношения к науке и считал, что «физиком нельзя быть просто потому что ты приличный человек: не останется

*Вручение Нобелевской премии в больнице
Академии наук 10 декабря 1962 г.*

ни физики, ни приличия!» Когда при нем произносили слова вроде «жрец науки», он тут же откликнулся: «А, жрец науки, это тот, кто жрет за счет науки?» Сам он никогда не гонялся за деньгами, ему была интересна физика сама по себе, хотя денег он своими научными трудами и командировками зарабатывал немало... Но тратить деньги предпочитал на два своих главных увлечения — физику и женщин...

Пакт о ненападении

Женщины в жизни Дау занимали места почти столько же, сколько физика. Будучи, по словам многих современников, «великим классификатором», он и женский пол классифицировал по степени красоты. Привлекательные женщины делились на красивых, хорошеньких и интересных (1-й, 2-й и 3-й класс). У хорошеньких

нос слегка вздернут, у красивых нос прямой, а у интересных — носы всех прочих форм. Для некрасивых женщин, это были 4-й и 5-й классы, он придумал такие названия: 4-й класс — «Выговор родителям», и 5-й класс — «За повторение — расстрел». Идя по улице, он мог вдруг выбросить вверх 2 или 4 пальца — этим он сообщал собеседнику класс идущей навстречу женщины.

Мужчины тоже поддавались классификации, они делились на «душистов» и «красивистов». «Душисты» — те, кого интересует только душа избранницы, «красивистов» же больше волнует ее внешность. Последние подразделялись на «фигуристов» и «мордистов». Себя Дау называл «красивистом-мордистом».

Невзирая на такую любвеобильность, женат он был всего один раз — на Коре Ландау-Дробанцевой. Еще до женитьбы Дау заключил с будущей женой «пакт о ненападении» — это означало, что каждый из супругов имеет право на собственную личную жизнь за пределами брака.

Впрочем, Кора так и не воспользовалась этим своим правом, а вот Ландау «отрабатывал» за двоих. Список его пассий не поддается подсчету — слишком много женщин приписывают себе романтические отношения с Дау. Но привязанность гения недолговечна... Единственная женщина, с которой его связывали длительные отношения, — жена Кора.

Но, конечно, она набралась суждений у своего мужа и часто говори-

ла его словами. Так, однажды она пожаловалась сестре:

— Ты представляешь, какое безобразие. Девчонка назначила Дауныке свидание, а сама не пришла. Он два часа простоял на морозе, чуть воспаление легких не схватил!

Кора всю жизнь тщетно пыталась избавиться от ревности, однако ей это не удавалось... А Дау частенько говорил: «Если у жены лицо, как у медведя, ее надо штрафовать. На сто рублей!»

Сестра Ландау Соня, не любившая Кору, уговаривала брата развестись, аргументируя это тем, что супруги давно уже не любят друг друга. «Заведи себе лучше домработницу — она прекрасно будет справляться с твоими домашними делами!» «Что ты, Сонюрочка, домработница же будет воровать!» — пугался Ландау. «Больше, чем на 75%, не обворует», — жестко заявляла Соня. В ее словах была доля истины — Дау аккуратно отдавал жене три четверти своих немалых доходов, которые она тратила по своему усмотрению.

Но именно Кора была рядом с Ландау, когда на него обрушилось страшное несчастье.

Авария

В воскресенье 7 января 1962 года была сильнейшая гололедица. Накануне шел дождь, к утру подморозило, и весь город превратился в сплошной каток.

Дау ехал в Дубну с приятелем Владимиром Судаковым и его женой Верой. На скользком шоссе машину закрутило, вынесло на встречную полосу — прямо на шедший грузовик...

«Когда кончилось это безумное скольжение, — рассказывала впоследствии Вера Судакова, — я подумала: слава Богу, обошлось, и в эту секунду на меня упал Дау». Именно на него пришелся страшный удар...

С теми травмами, которые получил Ландау, пациенты умирают в 90% случаев. Он выжил. Но, чтобы вернуться в жизни, предстояло пройти еще очень долгий путь...

Одно из необходимых лекарств было только в Англии — Петр Капица дал телеграмму старому приятелю по Кембриджу, Патрику Блеккету, которого не оказалось в Лондоне, но содержание телеграммы было таково, что ее передали другому физика, Джону Дугласу Кокрофту. Сэр Кокрофт раздобыл необходимое лекарство, но он опаздывал к вылету рейсового самолета Лондон — Москва. Тогда он позвонил начальнику аэропорта Хитроу, объяснил ситуацию, и рейсовый самолет «British Airways» задержали на два часа.

Сэр Кокрофт вручил летчику пакет с лаконичной надписью — «Для Ландау», и через несколько минут самолет взмыл вверх. В Шереметьево его уже ждал дежурный физик.

В Москве же сразу был сформирован знаменитый Физический штаб, в его списке дежурств — 87 фами-

лий. Без преувеличения можно сказать, что за жизнь Ландау боролись не только врачи, но и весь цвет советской науки. Штаб имел свой телефон и работал круглосуточно.

Дау провел без сознания полтора месяца. Когда же он открыл глаза и смог общаться, то сразу же попросил позвать к нему сына Гарика...

Через некоторое время после выздоровления к Ландау пришли врачи-психиатры, чтобы проверить, насколько пострадало его сознание. Они стали показывать ему рисунки и просить назвать то, что было на них изображено. Увидев кружочек, Дау заявил, что это крестик, и наоборот. Когда озадаченные специалисты ушли, Дау подмигнул медсестре: «Здорово я их провел! Зато больше не будут лезть с глупостями!»

Там же, в больнице, произошло, наверное, главное событие в жизни Ландау-ученого. Из Стокгольма пришла телеграмма:

*«Москва, Академия наук,
профессору Льву Ландау.*

1 ноября 1962 года

Королевская академия наук Швеции сегодня решила присудить Вам Нобелевскую премию по физике за пионерские работы в области теории конденсированных сред, в особенности жидкого гелия. Подробно сти письмом.

*Эрик Рудбер, постоянный
секретарь»*

*Памятная табличка
на стене дома в Баку,
где жил Лев Ландау
до 1924 г.*

*Ул. Низами, 68,
Баку, Азербайджан*

10 декабря Ландау была вручена медаль лауреата Нобелевской премии, диплом и чек. Впервые в истории Нобелевских премий эта высочайшая награда вручалась в больнице. Лауреат хромал и двигался очень медленно, но шел сам, опираясь на палку...

Многие считали, что премия опоздала, что Ландау не сможет наслаждаться ею в полной мере...

В последние годы жизни он не занимался физикой, только приходил в кабинеты коллег, видел на столах книги, которых не читал,

грустно качал головой и говорил: «Как безнадежно я отстал!..» Слышать это от человека, сделавшего для физики так много, было невероятно тяжело. Через 6 лет после страшной аварии, 1 апреля 1968 года Лев Ландау умер.

...Дау в жизни вывел великое множество формул. Но главной формулой считал формулу счастья, гениально простую формулу, состоящую всего из трех элементов: работа, любовь, общение с людьми, причем, именно работа всегда стояла для него на первом месте... □

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ЛОВУШКА

для золушек и королей

Через руки доктора психологии и философии Чемпиона Курта Тойча, создателя одного из перспективных направлений современной психологии — психогенетики, прошли сотни тысяч пациентов со своими судьбами. Сегодня его называют инструктором успеха. С его помощью стали президентами Джонсон, Рейган, Буш, на вершины творческой карьеры поднялись режиссер Стивен Спилберг и актриса Элизабет Тейлор. Тысячи пациентов обрели благодаря ему психическое и физическое здоровье. Чемпион Курт Тойч — советник Американской Национальной Федерации по борьбе с раковыми заболеваниями. Его лекции имели громадный успех в лучших университетах мира. Вот уже более двадцати лет доктор Тойч практикует и в России. Он может на научной основе для каждого выстроить лестницу, ведущую к успеху. За время беседы с этим удивительным человеком мне удалось узнать много нового и необычного о себе и людях...

Но начали мы беседу с его новых впечатлений о нашей столице.

— Доктор Тойч, вы уже далеко не в первый раз приезжаете

в Москву. Каковы ваши сегодняшние впечатления?

— Москва меняется, хорошеет на глазах. Сейчас ее центр не уступит

ни по красоте, ни по цивилизованности, ни по уровню жизни крупным городам Европы и США. Все больше красивых, ухоженных домов, таких же красивых людей на улицах... Применяя к этому прекрасному мегаполису свою теорию, — смеется доктор, — могу сказать, что Москва смогла избавиться от нежелательной наследственности и зажила новой свободной жизнью...

— Ваш метод представляет собой своеобразный сплав психологии, генетики и физики. Неужели генетический код можно корректировать путем воздействия на психику?

— Естественным образом — в будущих поколениях, искусственно, с помощью определенного лечения, — в нынешней жизни. Зафиксировано немало случаев, когда унаследованные людьми качества изменились. К примеру, средний японец до Второй мировой войны имел рост пять футов. В семидесятих годах выяснилось, что он подрос на семь-восемь сантиметров. Это произошло не случайно, а под влиянием ОВН (Основного внутреннего направления). Японцы после войны испытывали сильное желание стать такими же высокими и рослыми, как солдаты оккупационной армии. Желание было настолько мощным, что влияло на клеточном уровне.

Еще один пример: кожа американских негров становится с каждым го-

дом светлее. Я не говорю о мулатах. Чистокровные негры испытывают настолько сильное желание стать белыми, что это тоже повлияло на клетки.

Однажды ко мне обратился плотник с согнутым большим пальцем. Увечье он получил года два назад, ударив топором по пальцу. Его потрясло то, что у недавно родившейся дочери оказался такой же палец! Если бы ДНК были неизменны, этого бы не произошло.

Плотник получил во время происшествия сильнейший стресс, который закрепился генетически.

Знаменитый Феллини однажды попросил меня ответить на вопрос, который волновал его. Как объяснить то, что у злых и некрасивых матерей рождаются дочери — потрясающие красавицы? Откуда, как говорится, что берется? Он имел в виду Джину Лоллобриджиду и Софи Лорен. Ответ был прост и удовлетворил режиссера. Женщины любили смотреть фильмы с красивыми актрисами, «мыльные оперы» и так страстно мечтали хоть как-то переместиться в ту жизнь, что это отразилось на их дочерях.

(Дамы, особенно беременные, не стесняйтесь смотреть «мыльные оперы!» — авт.)

— Но большинство ваших пациентов, наверное, озабочены не проблемами потомства, а своими собственными: например, как преодолеть депрессию, болезнь, как добиться успеха....

— Наши исследования доказали, что любые удачи и неудачи имеют корни в нашем прошлом, запрограммированы генетически. Если психолог-аналитик дает пациенту выговориться, то я активно расспрашиваю сам: не только о родителях, но и бабушках, дедушках, прабабушках, чем глубже копать, тем лучше. Проблема может «вынырнуть» совершенно неожиданно в очень далеком прошлом...

На основе полученных данных вычерчиваю генограмму пациента —

все его наследственные линии. А дальше для каждого разрабатывается конкретная программа — что он должен делать, чтобы изменить себя.

Мы доказали, что поведенческие модели наследуются. Если какая-то проблема не была разрешена в одном поколении — она повторяется в другом. Алкоголизм, склонность к преступлениям, фригидность или импотенция, — могут повторяться с некоторыми нюансами.

ФРАГМЕНТ ДЕМОНСТРАЦИОННОГО СЕАНСА

Агрессивная мама

На «горячем стуле» — Владимир П. Его мать — очень авторитетная женщина, глава крупной коммерческой фирмы. Она из тех людей, что всегда «в маске».

Ч.Тойч: Ваше поведение похоже на мамино?

Владимир: Когда я рядом и начинаю вести себя так, как хочу, это вызывает агрессивную реакцию. Она навязывает мне свои взгляды. Болезненно воспринимает, что я могу знать больше и делать лучше. Ей нравится, когда я ей подчиняюсь.

Ч.Тойч: Сколько у вас братьев и сестер?

Владимир: Я один.

Ч.Тойч: Поэтому она так критична. Будь вас пятеро, она поделила бы на всех свой критицизм и была бы гораздо мягче. Думаю, она критикует не вас, а отца или то, что символизирует его. Мать чувствует себя беспомощной, потому что унаследовала это от бабушки, рано потерявшей мужа. Она относится к вам точно так же, как к ней относилась бабушка. А вы, в свою очередь, чувствуете вину оттого, что сердитесь на мать. Вам необходимо знать, что ее поведение основано на вашей вере — если вы ожидаете, что она будет сердиться, она действительно будет это делать.

Владимир генетически закодирован подвергаться жестокому обращению в семье. Но он освободит себя от оков, если признает, что имеет право делать то, что хочет. А его мать вынуждена будет автоматически принять его позицию. Как только он униточит в себе вину, примет на себя право принимать решения, все изменится.

Однако можно оставить все как есть, иметь те же отношения, как раньше. Но они будут повторяться в разных сферах жизни. И такая жизнь мазохиста может привести к серьезному психическому надлому...

— Доктор Тойч, как вы пришли к своей теории?

— Меня с детства мучили вопросы: почему одни люди преследуют и истребляют других, почему одним суждено долго жить, а другим — рано умереть. Почему одни, не очень способные, успешно делают карьеру, а другие, более одаренные, терпят неудачу за неудачей? Ни в одном учебнике я не нашел ответа. И только лишь когда мы с моей женой Джоэл Мари заглянули в глубь прошлого наших клиентов и создали своеобразную психогенетическую теорию, ответы стали ясны.

К примеру, ко мне в Москве обратилась за помощью женщина 24 лет. Она разрывалась между женихом и матерью. Мать не хотела отпускать ее от себя и грозила самоубийством. Жених говорил, что не может жить без нее, и угрожал покончить с собой. Два предыдущих жениха пугали ее тем же самым. Они довели ее до такого состояния, что она обратилась к психотерапевтам. Но те не смогли помочь. Я показал ей в течение часа, почему с ней это происходит. Ловушка в генетически унаследованной модели поведения. Освободиться можно, только расставшись с мамой. К сожалению, большинство людей тянут эту ляжку всю жизнь, ссылаясь на судьбу, фатализм...

— Вы хотите сказать, что можно бросить вызов судьбе? А как же непредвиденные обстоятельства? Например, некоторые становятся жертвами убийц

на улицах, в подъездах, других грабят в собственных квартирах! В чем причина? Можно ли этого избежать? Еще один пример: мой знакомый поехал на дорогой курорт и, купаясь в океане, попал в пасть акулы... Разве это не судьба?

— Хочу сказать, что многие подобные ситуации напрямую связаны с телевизионным экраном. У нас, например, лет тридцать назад предлагали привлечь к уголовной ответственности создателей фильма «Развлечение». Посмотрев его, шестеро юнцов заставили девушку облить себя бензином и чуть не сожгли ее заживо. То, что творится на вашем экране, уму непостижимо. Достаточно просто проанализировать программу телепередач — слово «убийство» повторяется каждый день не менее пяти раз. Низкокачественные боевики идут на каждом канале. Это создает серьезную угрозу для жизни общества. Можно ставить диагноз: «психическая зараза». И пора бить тревогу...

Кроме того, сильное эмоциональное потрясение способно моделировать в реальной жизни ту ситуацию, которая его вызвала. Вот целая серия таинственных фактов, подтверждающих это. Например, после выхода фильма «Челюсти» многие стали бояться заходить в море. Питер Бенчли, автор нашумевшего романа, сам едва не был разорван двухметровой акулой. Это случилось у Багамских островов, в то время как зрители атаковали кассы кинотеатров, чтобы

увидеть экранизацию его книги. Тем же летом на четырнадцатилетнюю девочку у берегов Флориды напала акула. Четырьмя днями позже акула набросилась на двадцатилетнего Гарри Грейса и выплюнула его у берегов Австралии. В течение всего лета, пока шел фильм, появлялись сообщения о нападении акул. Может быть, в этот период и ваш друг попал в беду... Речь идет как раз об эпидемии так называемой «психической заразы».

То же самое можно сказать о сентябрьской трагедии в Нью-Йорке. Голливуд просто тиражировал подобные сюжеты с падениями самолетов, космических станций, метеоритов на башни-близнецы. Ситуация была смоделирована в подсознании террористов.

Что касается индивидуального уровня, я могу объяснить, почему такая блестящая актриса как Вивьен Ли умерла в 53 года от туберкулеза. Дело в том, что она в течение двух лет играла в театре туберкулезную Анну в пьесе Чехова «Иванов». Или почему актриса Брижит Бардо пыталась покончить с собой, вскрыв себе вены. Именно это она делала в фильме «Истина» по ходу роли.

Или почему актриса Шарон Тейт была зарезана вместе с друзьями у подъезда дома проходящими мимо хулиганами. Ее муж Роман Поланский поставил такие жуткие мрачные картины, как «Нож в воде», «Отвращение».

Все знают, что собака кусает, как правило, тех, кто ее боится. Если вы

постоянно боитесь, что вас ограбят, это обязательно произойдет.

Например, гибель Джона Кеннеди можно было предотвратить. Она не была случайной. Проследив динамику генетических линий семьи Кеннеди, его поведенческую модель, мы могли заранее вычислить такой конец. После избрания Кеннеди его отец сказал: «Джон такой парень, что отдаст жизнь ради своей страны». Затем в своей инаугурационной речи президент произнес следующее: «...Мы заплатим любую цену...» Один из главных факторов — стремление молодого Кеннеди быть вторым Авраамом Линкольном. В соответствии с этим, его подсознание зафиксировало следующую последовательность событий: избрание президентом, борьба за гражданские права, убийство. В конце концов, если есть жертва — убийца всегда найдется, жертва притягивает его, как магнит. А постоянные предупреждения об опасностях, кстати, могут сформировать подсознательное ожидание несчастного случая. В простонародье это называется — «накликать беду». А на самом деле все объясняется законами физики и генетики. С психической заразой, кстати, связаны и тюремные бунты, забастовки, случаи похищения детей.

— С какими проблемами чаще всего сейчас обращаются к вам россияне?

— Если раньше приходили люди, озабоченные семейными драмами, одиночеством, страхом будущего, то сейчас контингент изменился.

Сегодня очень многие россияне озабочены тем, как добиться успехов в профессиональной деятельности, сделать карьеру. Родители обращаются с просьбами помочь найти контакт, взаимопонимание с детьми, избавить их от тяги к наркотикам, выбрать правильный путь в жизни.

— Не все желающие могут по-пасть на ваши семинары. Что же все-таки нужно делать, чтобы добиться успеха? Существуют ли какие-нибудь общие правила?

— Прежде всего, нужно освободиться от бремени нежелательной

наследственности. Многим мешает страх неудачи.

Считайте себя удачливыми! Настраивайтесь подсознательно только на удачу и успех! Будьте решительными. Доводите начатое дело до конца. Любите себя и других. Запомните, счастье не приходит оттого, что у вас есть, наконец, желаемое, что вы стали тем, кем хотели стать, и делаете то, что хотели делать. Оно придет тогда, когда вы научитесь любить себя таким, какой вы есть сейчас, и то, что вы делаете.

СОВЕТЫ ОТ ДОКТОРА ТОЙЧА

- Чтобы освободиться от поведенческих моделей прошлого, в том числе отвержения, потери, ухода из семьи, скажите себе самому: «Я — не моя бабушка!» или «Я — не моя мама!» А потом нужно утвердить свое собственное существование, сказав: «Я живу сама — своей собственной жизнью, и имею право строить ее так, как я хочу!»

- Чтобы освободиться от влияния семейного генетического кода, подобные утверждения можно писать на листках бумаги 25 раз каждый день примерно в течение недели. Или — возьмите бумагу, ручку и пишите: «Я — не мои предки. Я буду жить собственной жизнью. Я хочу быть желанной». Пишите это в любую свободную минуту, если хотите стать счастливым человеком и помочь своим детям стать такими.

- Если же почувствуете внутреннее сопротивление, страх, это нормально. Можно сказать: «Сопротивление, привет! Я тебя узнала! Помоги мне, мне так хочется быть счастливой!» Попробуйте, и вы убедитесь, что, когда обращаешься с самим собой бережно, с любовью, даже негативные реакции меняют «гнев на милость». □

Он — из семьи кадровых офицеров, окончил Благовещенское танковое командное училище и служил в Северо-Кавказском военном округе.

Два года назад в подарок своим однокашникам к юбилею выпуска решил написать рассказ, посвященный курсантским годам, а потом уже серьезно увлекся литературным творчеством. Многие его миниатюры, зарисовки и рассказы об армейской жизни публиковались в «Воине России». Он несколько специфичен, но очень талантлив. Знакомьтесь — молодой московский прозаик **Андрей Вертихин**.

Мечтать о женщине

Комната в штабе, которую разведчикам отвели для отдыха, была сплошь убрана коврами. Толстые, с длинным ворсом, устлали пол, а те, что потоньше, украшали стены. Окно закрывало тяжелое темно-красное покрытие с золотым рисунком и бордовой бахромой. Набор «мебели» довершали три табуретки, используемые бойцами в качестве стола. Ковры группа лейтенанта Королькова во время одного из рейдов отбила у мародеров, добавив командованию головной боли — возвращать было некому, дома сгорели, а хозяева ушли сразу же, как только туманным утром по Пригородному району прокатилась жестокая трескотня выстрелов.

— Лейтенант, — раздраженно сказал Алексею начальник штаба, — научитесь думать, для разведчика это полезное занятие.

— Так точно, — ответил Корольков, и ковры, на радость солдатам, остались в штабе.

Уже пять суток разведчики спали, не раздеваясь, — команда «Тревога!» могла прозвучать в любой момент. Война тлела рядом, прямо за забором части. По

ночам в тумане, скрывающем соседнее село, глухо бухали взрывы, а днем тяжелые винтовочные пули гудели в кронах деревьев, пытаясь то ли добраться до укрывшихся на полигоне беженцев, то ли просто позлить военных.

Улегшись рядком и запихнув под головы бронежилеты, солдаты отсыпались после беспокойной ночи и утреннего рейда. В тишине коридоров опустевшего штаба изредка хлопали двери, раздавались торопливые шаги, а когда часовой возле двери перебрасывал на плече автомат, было слышно, как «карабинчик» ремня тихо звякает об антабку.

Корольков устроился на своем «командирском» месте возле батареи. Спать не хотелось, он разглядывал ковровый узор на противоположной стене и думал об Ольге. Причудливый орнамент вызвал у него мечты о теплом домашнем уюте, пропитанном запахами лимонного чая, свежей постели и дешевых цветочных духов, перемешанными с ароматом женского тела. Она была совсем близко — сотня шагов от КПП до серой угловой пятиэтажки, но о том, чтобы оставить группу, Алексей не мог даже думать. Конечно, он вспоминал об Ольге все эти дни, но то было смутное ноющее беспокойство, усиливающееся от невозможности забежать к ней хотя бы на минуту. Каждый раз, когда группа выезжала выполнять задачу, Корольков пытался разглядеть в окнах ее квартиры любое изменение — свет, шторы, открытая форточка, — косвенно подтверждающее, что она дома, и что у нее все в порядке. Поселок, где жили русские, осетины и ингуши, оказался островом спокойствия среди ставшей смертельно опасной для многих земли, но в первые дни конфликта спокойствие это было зыбким, готовым взорваться, как взведенная граната от любого толчка.

На симпатичную продавщицу Корольков обратил внимание в первую же неделю после приезда в часть — когда они, молодые лейтенанты, поселившиеся в дивизионном общежитии, зашли вечером в магазин за закуской. Худенькая светловолосая женщина в голубом халате с подвернутыми рукавами равнодушно выложила на прилавок хлеб, банки с килькой, нарезала колбасу и молча отсчитала сдачу. Ее ярко накрашенные губы и толстый слой голубых теней внутренне возмутили Алексея, но вдруг, когда на какой-то миг, совершенно нечаянно, они встретились взглядом, его словно обожгло. Она тут же отвернулась к окну, и Корольков, пользуясь этим, уже не мог оторвать от нее глаз. Чуть вздернутым кончиком носа, линией губ, маленьким розовым ушком с прозрачной прядкой волос над ним — всем этим она напомнила ему его первую любовь. Только глаза были другие — того чистого глубокого серого цвета, который моряки и военные называют «шаровым».

Она продолжала отрешенно смотреть в окно. Алексей открыл рот, чтобы спросить какую-нибудь ерунду, вроде, почему патиссоны в банках плавают,

а огурцы — нет, но сосед по комнате лейтенант Федоров легонько стукнул его по ребрам и тихо проговорил:

— Разведка, не залипай, не расписанную «пулю» мы тебе не простим.

С того дня почетную обязанность бегать за закуской Корольков добровольно взвалил на себя. Правда, в магазине каждый раз оказывалась какая-нибудь бабулька, жалующаяся сероглазой продавщице на внуков, погоду или остеохондроз. За полтора месяца Алексей выяснил только, что зовут ее Ольга, и что обручальное кольцо она не носит.

Однажды в обед он забежал за хлебом. В магазине стояли двое местных пьянчужек и не торопясь пересчитывали мелочь. Ольга носила из подсобки трехлитровые банки с маринованными патиссонами и ставила их на витрину.

— Давайте, помогу, — шагнул за прилавок Алексей.

Она вздрогнула, секунду помедлила, потом молча прошла к двери в подсобку и кивнула на ящики, поставленные друг на друга. Пьянчуги оставили мелочь и уставились на Королькова мутными глазами. Под их непонимающим взглядом он схватился сразу за два и тут же сильно занозил ладонь. Ольга принесла пахнущую водкой ватку, булавку и ловко подцепила глубоко засевшую занозу. Ее руки с маленькими гладкими ладонями оказались прохладными, но Алексей чувствовал, как от прикосновений в его теле рождается теплая волна, которая захлестывает грудь, поднимается к шее, приливает к лицу и, наконец, обрушивается щекочущей пеной вниз. Пока Ольга, склонившись, осторожно орудовала булавкой, он едва удержался, чтобы не поцеловать светлые волосы, перехваченные голубой лентой и едва уловимо пахнущие терпким пивным настоем.

— Все, — выпрямилась она, — не больно?

— Нет, — ответил Алексей, — но слишком быстро.

— Гы... — От запаха алкоголя пьянчуги оживились. — Оль, ты б ему для наркозу налила, гы, и нам по граммულке, за компанию.

— Обойдетесь, — вдруг резко и зло бросила она.

— Товарищ лейтенант, — заглянул в помещение КПП дневальный. — Там Мага. Пускать?

— Пускать, — сказал Корольков, поправил портупею и вышел на улицу.

Ингуш Магомет работал в дивизионной котельной. Когда выпадала ночная смена, он часто заходил на КПП поболтать с дежурным. Мага знал все про всех — так же, как никто ничего не знал про него.

— Привет, лейтенант, — улыбнулся он, когда дневальный отпер калитку. — Я говорю твоему солдату, хочешь, не пускай, только через час котельная остановится, а через два сам комдив тебе объяснит, кого надо пускать, а кого нет.

— Ладно, ладно, пусть комдив тебе лучше пропуск выдаст, — Алексей потер виски, чтобы разогнать дремоту.

Они поговорили о погоде, потом о новом доме, под который давно вырыли котлован, но никак не могут начать строить. Мага начал рассказывать историю про то, как в этот котлован в темноте спяну свалился командированный и полночи ходил, натыкаясь на стенки. Алексей машинально слушал и думал, спросить про Ольгу или нет.

— ...комдив ночью звонит коменданту, говорит, что у тебя в городке творится, волки воют. Тот ему отвечает, товарищ генерал-майор, мы этого волка уже взяли, утром будет как человек.

— Мага, ты Ольгу из магазина знаешь?

— Знаю, — ответил ингуш, совсем не удивившись вопросу.

— Она, вроде, не замужем?

— Был муж, прапорщик из батальона связи. В прошлом году погиб на полигоне.

— Понятно. — Алексей больше не знал, что сказать.

Мага и сам догадался о том, что гложет лейтенанта.

— Про нее многое болтают в поселке. Не верь. Поганые языки.

Когда ингуш ушел, Корольков улегся на топчане и попробовал заснуть.

Бесполезно — сероглазая продавщица не выходила из головы. После разговора с Магой снялся какой-то внутренний тормоз. Он вспоминал ее случайный взгляд, прикосновение прохладных пальцев, запах волос, и в нем просыпалось безумное желание. Рассудок, вытесненный этой жаждой куда-то на задворки, слабо пытался бунтовать. Посмотри, кричал он, она красится как проститутка, перехватывает волосы лентой как крестьянка с колхозного рынка, молчит как рыба, обливается приторными духами... Зачем тебе это? Что ты будешь чувствовать по утрам? О чем будешь говорить с ней вечерами? Остынь!..

Он уснул под утро, решив вечером зайти в магазин, увидеть ее еще раз, поговорить о чем-нибудь и выбросить из головы.

Сменившись, Алексей забежал в общежитие переодеться. На выходе его поймала комендантша и завела обычную нудную песню о не выключенных плитах на кухне, порядке в комнатах и чистоте в туалетах. Отделаться было не просто — Цапля, как называли ее жители «общаги», без приглашения входила даже в кабинет комдива, и Королькову пришлось покорно выслушать лекцию до конца.

Когда он оказался у магазина, было уже начало девятого. Продавщицы стояли на улице и смотрели, как заведующая запирает дверь. Алексей подождал, пока они разойдутся, и догнал Ольгу. Она тащила тяжелую сумку, перекладывая ее из руки в руку.

— Давайте, помогу, — взялся он за ручки.

Ольга посмотрела на него своими «шаровыми» глазами и, ничего не сказав, отпустила сумку. Шли молча. Алексей никак не мог решить, с чего начать разговор — шутить или говорить серьезно, ее молчаливость и неприступный вид сбивали его с толку. Оказалось, что Ольга живет рядом, надо только обогнуть кирпичную пятиэтажку у дороги и пройти двором. У подъезда за врытым в землю столом сидели мужики, пили пиво из литровых стеклянных банок и лениво бросали доминошные кости. Когда Ольга с Алексеем прошли мимо, стук костяшек оборвался, а говор стих. Под мутными сальными взглядами Ольга выпрямилась, подняла подбородок. Корольков напрягся — услышь он сейчас за спиной хоть фразу, хоть смешок, хоть присвист, бросился бы с кулаками, не раздумывая ни секунды и не разбираясь. Ольга, словно почувствовав это, взяла его под локоть и ускорила шаг, а потом, на площадке третьего этажа, распахнула перед ним дверь, глядя умоляющими глазами.

В квартире сладко пахло уютом.

Она забрала у Королькова сумку, подтолкнула в комнату и сказала:
— Я сейчас.

Алексей стоял, не двигаясь, и разглядывал разложенный диван под толстым цветастым покрывалом, ковер на стене, горку с синими чашками, вазу с пластмассовыми ромашками на телевизоре, потом уселся в кресло у двери напротив окна. Вечернее солнце светило в глаза сквозь чисто вымытые стекла. Вошла Ольга — уже в домашнем ситцевом халатике, подошла к окну и задернула шторы. Солнце, яркое золотое солнце, просвечивая сквозь тонкие гардины и халатик, обрисовало ее маленькую стройную фигурку.

— Ты голодный, наверное? — обернулась она к нему.

— Да, — сказал Алексей.

Во рту у него пересохло. Ольга хотела пройти на кухню, но он встал, крепко обнял ее за плечи и принялся целовать в щеки, лоб, волосы.

— Подожди... там чайник... — высвободившись, прошептала она.

Ушла на кухню, быстро вернулась, взяла его за руку и потянула к дивану...

Корольков подложил под голову бронешит, улегся удобнее и закрыл глаза. Спать! Тишина над районом может оказаться обманчивой.

Где-то в конце коридора хлопнула дверь, послышались приближающиеся шаги, и загремело:

— Степа-а-ан Степа-а-аныч!..

Из-за двери на секунду показалось конопатое лицо часового — рядового Степанова по прозвищу Степа.

— Товарищ лейтенант, ротный...

Послышался сильный шлепок по спине, от которого звякнул затвор автомата, еще один, Степкино: «Ой!», и, наконец, в двери появилась коренастая фигура капитана Варламова.

— Та-а-ак, мохнорылы ушастые, нашли теплое местечко, пока начальство в поле ж... морозит.

Полусонные разведчики быстро вскочили с мест, поправляя ремни, и Корольков скомандовал: «Смир-р-рна!»

— Вольно, — сказал ротный и обвел взглядом комнату, — богато устроились.

Оказалось, что ротный вернулся в полк еще вчера. Они вышли на крыльцо штаба и поговорили об обстановке. Серость хмурого дня к вечеру начала еще больше сгущаться.

Варламов оглядел Королькова и спросил:

— Тебе четыре часа хватит?

— Конечно! — Алексей не верил своим ушам.

— Я подежурю, начштаба доложу сам. Дуй. Ровно в восемь ты — здесь, — бросил вслед ему Варламов.

Корольков взлетел на третий этаж как на крыльях. У знакомой двери, выкрашенной блестящей коричневой краской, отдышался и нажал круглую кнопку звонка. Ольга долго не открывала. Алексей недоумевал — в ее окнах горел свет. Наконец послышался звук отпираемого замка, но Ольга не распахнула дверь настежь, как обычно, а чуть приоткрыла, загородив собою проем. Алексей сказал: «Привет!», сделал шаг и тут же споткнулся об ее холодный взгляд. Ему показалось, что, попытайся он войти, она упрется руками ему в грудь и вытолкает обратно.

— Оль, ты что? Я войду?

— Нет, — покачала она головой.

— Почему? — опешил Алексей.

Она промолчала, глядя куда-то сквозь него.

— Что с тобой? Что-то случилось?

Она опять покачала головой. Ее пальцы, держащиеся за косяк двери, побелели от напряжения.

— У тебя там кто-то есть? — спросил Корольков, пытаясь заглянуть через ее плечо.

— Уходи, — твердо проговорила Ольга. — Я сейчас не могу... потом... — и захлопнула дверь.

Алексей в слабой надежде минуту постоял на площадке, потом медленно пошел вниз. Удивление сменилось злостью. Черт с тобой, думал он, когда тебе хочется, ты готова кормить, стирать и стелить. А когда я пришел грязный, потный, с недельной щетиной, одуревший от беспокойства и желания, когда мне нужнее всего твоя забота и любовь, ты даже не пустила меня на порог.

Ну и черт с тобой, живи, как знаешь...

Колонна БМП, «Уралов» и БТР втянулась в Назрань и остановилась перед постом.

У дороги тут же начали собираться люди — в надежде встретить родственников и знакомых, с военными часто приезжали беженцы. Корольков сидел на броне и смотрел на грузовики впереди.

— Привет, лейтенант, — раздалось снизу.

Алексей обернулся — у бронетранспортера стоял Мага и улыбался. Корольков прыгнул на землю, они пожали друг другу руки. Ингуш подозревал стоявшего рядом мальчишку и что-то тихо сказал ему. Тот умчался в сторону домов. Поговорить удалось минут пять, БМП в голове колонны пыхнули сизым дымом и тронулись. Алексей полез на борт. В это время появился тот же мальчик, Мага выхватил у него небольшой тряпочный сверток и протянул Королькову.

— Леша, отдай это Ольге из магазина.

БТР тронулся, а Мага шел рядом по грязному асфальту.

— Что это? — спросил Алексей, ощутив под тряпкой что-то тугое и плотное.

— Деньги, — ответил Мага. И, увидев, как изменился в лице лейтенант, добавил: — Наши собрали. Помнишь, когда она тебя прогнала? У нее тогда пять семей прятались и очень испугались... Ты ведь с автоматом пришел...

Алексей хотел вернуть сверток и сказать, что в поселке он будет не раньше, чем через месяц, но колонна уже набрала ход, и Мага отстал.

Первому же разведчику, отправлявшемуся в полк, Корольков вручил сверток, бумажку с адресом и приказал:

— Скажешь, из Назрани. Отвечаешь головой.

В полк Алексей вернулся перед самым Новым годом. Когда БТР катился по поселку, он не выдержал, хлопнул по плечу водителя: «Притормози», прыгнул в снег на обочине и побежал в магазин. За прилавком стояла Ольга напарница тетя Катя, как ее называли разведчики.

— А Ольга где?

— Уехала Ольга.

— Куда?

— Куда, куда, к матери.

— На праздники, что ли?

— Навсегда.

— А адрес оставила?

— Да на кой он мне, ее адрес-то? Уехала и уехала, — недовольно буркнула продавщица.

Алексей вышел из магазина. День был морозный и солнечный. Накатанная дорога блестела, в плотном воздухе вились маленькие снежинки. Вдалеке ослепительно сверкали шапки Большого Хребта.

«Уехала и уехала, — всплыли в памяти слова тети Кати. — Может, и к лучшему», — подумал Корольков, набрал свежего снега и бросил себе в лицо. □

Элджернон Блэквуд

ЗАПАДНЯ

Этот особняк принадлежал к тому разряду не пользующихся популярностью домов, за которыми укрепилась дурная слава, вызванная всякого рода суевериями, но, возможно, причина была также в его неспособности возбудить интерес покупателей без посторонней помощи. Он выглядел слишком громоздким, неуклюжим и заурядным, чтобы иметь какую-то индивидуальность, и своей огромной массой подавлял даже садовую ограду из толстых брусьев.

Эта невзрачная деревенская усадьба приводила в отчаяние даже самых изобретательных риэлторов и с трудом могла обрести нового владельца. «Его душа отлетела», — говорили одни. «Он толкает к самоубийству», — говорили другие. Во всяком случае, именно к такому выводу пришел один из наследников, прежде чем покончить с собой в библиотеке, поддавшись, вероятно, какому-то семейному недугу. Ибо два очередных владельца последовали его примеру с интервалом в 20 лет, и не было видимой причины, которая могла бы хоть как-то объяснить эти три несчастья. При этом только самый первый хозяин жил в доме постоянно, тогда как остальные пользовались усадьбой исключительно в летние месяцы, а затем с облегчением сбежали подальше.

Таким образом, когда Джон Бэрли, нынешний владелец, унаследовал особняк, он вступил в дом, к которому прочно пристала мрачная репутация. Его согласие провести ночь в «Доме с привидениями» основывалось на здравом смысле человека, привыкшего иметь дело исключительно с тоннами груза и фунтами стерлингов. Местные газетчики снова вытащили на свет божий дурацкую историю о самоубийствах, разглагольствуя о проклятии, нависшем над домом, а, возможно, через его посредство, и

над его нынешним владельцем. Однако такая мелочь, как провести ночь в «роковой» усадьбе, никак не могла быть помехой Джону.

У его молодой жены были собственные мотивы для ночной вылазки в дом, облюбованный призраками, и если ее забавляло то, что она называла «охотой за привидениями», он не видел причины отказать ей в этом удовольствии.

— Видишь ли, Джон, — сказала она, — если ты как хозяин дома согласишься проскучать ночь в усадьбе, всякие вредоносные толки будут пресечены в зародыше. Иначе, случись что-нибудь потом, это сразу же припишут злым чарам и проискам привидений.

— А, по-твоему, если я благополучно проведу там ночь, это положит конец глупым рассказам? — спросил он недоверчиво.

— Если верить старой легенде, это разрушит проклятие, — ответила жена. — Во всяком случае, таково условие.

— Но рано или поздно здесь все равно кто-нибудь умрет, — возразил он. — И мы никак не можем этому помешать.

— Зато лишим людей возможности шептаться, будто эта смерть не была естественной.

— Посмотрим, — скривил губы Джон.

— Ну, разве что тебе самому взбредет в голову отравиться в столовой, — добавила она, смеясь, — или повеситься на своих подтяжках на вешалке для шляп.

— Ладно! — согласился он после минутного размышления. — Так и быть, я посижу с тобой. Это будет для нас как второй медовый месяц. Кутнем на пару — ты и я — а?

Однако его энтузиазм поостыл, когда жена заявила, что трое в такой ситуации лучше, чем двое.

— Вспомни, мы и раньше так делали, Джон. Бывали повсюду втроем.

— В самом деле? — он посмотрел на жену с удивлением. Но она объяснила, что в случае каких-нибудь непредвиденных обстоятельств у троих всегда больше шансов выпутаться и получить помощь. Что ж, это было вполне логично. Он выслушал ее доводы и согласился.

— Ладно! Тогда я приглашу молодого Мортимера. Это тебя устроит?

Она заколебалась.

— Ну, он веселый... Ему это тоже будет интересно. В конце концов, он не хуже любого другого. — Казалось, ей было все равно.

Таким образом, капитан Мортимер, «бравый моряк и отличный парень», кузен миссис Бэрли, в прошлом офицер эсминца, ныне занимавший хорошую должность в Лондонской конторе судовой компании ее мужа, был приглашен, в качестве третьего, принять участие в их ночной вылазке. Но

капитан Мортимер был молод и пылок; миссис Бэрли тоже была молода, хороша собой, легкомысленна и притом не слишком счастлива в браке, а Джон Бэрли, самоуверенный и всецело погруженный в свои дела, не всегда уделял ей достаточно внимания.

Судьба подстроила ему коварную ловушку, и он слепо в нее угодил...

... Они отправились в путь вскоре после раннего чая, проехали через Севеноукс — Семь Дубов — и наконец достигли Кента. Шофер, которому было строжайше наказано держать цель их поездки в тайне, должен был остановиться в деревенской гостинице и забрать их через час после рассвета; они предполагали позавтракать уже в Лондоне.

— Конечно же, он разболтает это каждому встречному и поперечному, — цинично заявил практичный Джон. — Вот увидите: на следующий день все это будет в местной газетенке. Ладно, можно перетерпеть несколько часов неудобств, если это положит конец глупым толкам. Мы будем сидеть и курить, а Мортимер угостит нас какой-нибудь морской небылицей.

Он вошел в дом вместе с шофером, чтобы подготовить комнаты, фонарики, запас еды и прочее, оставив парочку вдвоем на лужайке.

— Конечно, четыре часа это не слишком много, но уже кое-что, — шепнул Мортимер, оказавшись наедине с кухней впервые со времени их отъезда. — Это здорово, что ты меня пригласила! Сегодня ты выглядишь просто сногшибательно! Определенно, ты самая прекрасная женщина в мире! — Он взял ее за руку и увлек подальше от света, к густым зарослям рододендронов.

— Глупенький, это не я, а Джон тебя пригласил. А ты все едва не испортил, когда заявил, что собираешься отправиться на танцы!

— Ты могла возразить, однако этого не сделала! — заметил он нетерпеливо. — Ох, ты такая миленькая! Так бы тебя и съел! — Мортимер принялся пылко ее целовать.

— Гарри, ты идиот! — воскликнула она, когда он ее, наконец, отпустил. — Я не понимаю, как ты только посмел! Ведь Джон твой друг. И потом, — добавила она, быстро оглядевшись по сторонам, — здесь небезопасно! — Но глаза ее сияли от удовольствия, а щеки покраснелись.

— Ну, что за вред от поцелуя! — самодовольно заявил молодой человек. — Тем более, ты для него — еще ребенок. Он просто не видит в тебе женщины. В любом случае, голова у него занята судами, картами и сургугом, так что он ничего вокруг не замечает. Ба! Даже на расстоянии десяти ярдов...

Его прервал зычный голос Джона Бэрли, появившегося из-за угла здания.

— Давайте-ка прогуляемся! — предложил он, присоединяясь к молодым людям. — Заодно поглядим на сад. А за пять минут до захода солнца войдем в дом и поужинаем. Ведь мы должны соблюдать правила и делать

все по-честному, правда, Нэнси? В полной темноте. Запомни! Пойдем, Мортимер, — он взял молодого человека под локоть, — бросим прощальный взгляд вокруг, прежде чем войти в проклятый дом и повеситься на соседних крюках в комнате экономки!

— Ох, Джон, перестань! — резко воскликнула миссис Бэрли. — Не нравятся мне такие шутки, в особенности теперь, когда начинает темнеть!

Муж привлек ее к себе и крепко поцеловал.

— Не бойся! С нами ты будешь в безопасности, мы о тебе позаботимся!

Парочка за его спиной обменялась быстрыми взглядами. «Пока все обошлось, — говорили эти взгляды, — но в следующий раз нужно быть осторожнее!»

Вечер выдался просто чудесный, тихий и безветренный. Огромные тени протянулись за ними через лужайку, одна сторона массивного здания была уже полностью погружена во мрак.

— Пойдемте! — сказал вдруг Бэрли и резко повернулся. — Нам следует быть внутри до того, как солнце сядет. Все должно быть по-честному. Они вошли в дом, эта троица так мало совместимых друг с другом охотников за привидениями — причем никто из них в действительности не думал о деле, ради которого они сюда вроде бы явились. В холле было уже довольно темно, так что им пришлось воспользоваться электрическими фонариками, и воздух внутри был холодный и затхлый.

— Тут, как в склепе, — понизив голос, заметил Мортимер, — я даже чувствую запах тления.

Джон стал первым подниматься по широкой лестнице на второй этаж. Капитан Мортимер собрался последовать за ним, но молодая женщина его окликнула.

— Мне не нравится идти последней! — воскликнула она. — Позади меня в холле такая темнота! Лучше я пойду между вами!

Моряк поймал ее протянутую руку и выразительно сжал, пропуская кухню вперед.

— Помни, там должна появиться фигура человека, — сказала она, быстро поворачиваясь, чтобы отвлечь внимание мужа и выпутаться из неловкого положения. — Призрак мужчины — это часть легенды. — Она ощутила острую дрожь наслаждения, наполовину смешанного с воображаемой тревогой, когда коснулась руки кузена.

— Надеюсь, мы его увидим, — проворчал Бэрли.

— Ох! Надеюсь, мы его не увидим! — живо возразила Нэнси. — Когда такое случалось в прошлом, это предвещало несчастье!

Муж промолчал, а Мортимер шутливо заметил, что было бы досадно, если бы их вылазка оказалась напрасной.

— Маловероятно, чтобы со всеми нами тремя что-нибудь случилось! — беспечно заявил он, когда они вошли в просторную комнату, где обойщики оставили стол, кое-как сколоченный из грубых, необструганных досок.

Миссис Бэрли, занятая собственными мыслями, принялась распаковывать сэндвичи и вино. Джон подошел к окну, вид у него почему-то был озабоченный.

— Значит, — его тон неожиданно удивил и напугал Нэнси, — одному из нас суждено...

— Ох, Джон, перестань! — резко прервала она его. — Я уже тысячу раз тебя просила!

Похоже, миссис Бэрли начинала ощущать гнетущую атмосферу этого места. С наступлением ночи, по мере того, как вокруг сгущались тени, и царство мрака набирало силу, ей все больше становилось не по себе. Казалось, весь дом насторожился и прислушивается, чуткий к любому звуку, полный шорохов и вздохов.

— Право слово, Нэнси! — воскликнул Бэрли с раскаянием, усаживаясь подле нее. — Я и забыл! Как можно принимать это всерьез! Я и помыслить не могу, чтобы мужчина...

Они сидели за столом, наслаждаясь нежной телятиной и пирогом с ветчиной, а после, опорожнив свой бокал, Джон закурил любимую толстую сигару и обратился к жене:

— Расскажи-ка нам подробнее об этом призраке, Нэнси! В конце концов, беды от этого не будет. Я ведь о нем ничего не слышал.

— Мне известно очень мало, — призналась Нэнси, — только то, что писали в газете. Это мужчина. И он... меняется.

— Что значит — меняется? — удивился Джон. — Надевает другую одежду или что?

Миссис Бэрли нервно рассмеялась, потом ответила:

— По слухам, он каждый раз показывается человеку... который должен умереть, принимая его облик.

Бэрли с недоумением уставился на жену.

— То есть, — попыток жил Мортимер, приходя ей на помощь, — каждый раз парень видел своего двойника, прежде чем сделать это.

Тут последовало подробное объяснение с большим количеством специальных терминов, принятых в психиатрии, которое восхитило и даже потрясло бравого моряка. Он подумал, что его кузина столь же удивительна, как и хороша собой.

Дискуссия, наконец, закончилась, они убрали остатки обеда, зажгли спиртовку, чтобы сварить кофе, и накрыли ужин, который будет весьма

кстати, когда рассветет. Внезапно по комнате пробежал сквозняк, и Мортимер осторожно прикрутил дымящую лампу.

— Ветер поднялся — дует с юга, — заметил Бэрли. — Отличный ветер! Хотел бы я оказаться на море в такую ночь! Ну, — весело добавил он, придвигая к себе стул, — устроимся поудобнее на ночь. Мортимер! Мы ждем от тебя историй, пока не наступит рассвет, либо появится призрак. Страшные сказки о бряцающих цепях, обезглавленных телах, и все такое! Словом, ты должен сделать эту ночь незабываемой.

Однако миссис Бэрли наложила категорический запрет на страшные истории. У этого большого пустого дома, стоявшего на отшибе, была гнетущая атмосфера, которая действовала ей на нервы, хотя она и должна была чувствовать себя в безопасности между мужем и возлюбленным. Ощущение чьего-то присутствия наползало отовсюду, через просторные холлы и гулкие коридоры. Беззвучное и невидимое, оно проникало сквозь стены, и, казалось, один только Джон Бэрли нечувствителен к нему, не замечает его вкрадчивой атаки на нервы. Возможно, это нечто пробралось в дом вместе с дыханием ночи, но, возможно также, что оно было здесь всегда... И миссис Бэрли невольно все чаще поглядывала на сидевшего рядом мужа. Свет падал на его энергичное, волевое лицо, и она почувствовала, что хотя внешне он остается сдержанным и спокойным, в действительности он очень напряжен. Кроме того, в нем что-то изменилось, только она не могла понять, что именно. Губы были плотно сжаты, и она с удивлением подумала, что он выглядит решительным и полным достоинства, как настоящий мужчина.

Между тем Бэрли повернулся к моряку в ожидании историй.

— Только море и ветер! — потребовал он. — И помни — никаких ужасов!

И Мортимер рассказал о том, как невозможно было снять комнату в Уэлше, приморском городке, где свободные номера стоили баснословных денег, и только один мужчина отказывался сдавать — отставной капитан торгового судна, ходившего в Южных морях, очень бедный и, по-видимому, немножко тронутый. В его доме были две прекрасные просторные комнаты с обстановкой, которые могли быть сданы за двадцать гиней в неделю, но он никого туда не пускал. Мортимер не мог понять причины его упрямства до тех пор, пока однажды — они вместе удили рыбу — не завоевал его доверия. «В них живет Южный ветер, — сказал ему тогда старик. — Я держу их свободными для Нее».

«Для Нее?»

«Моя любовь пришла ко мне вместе с Южным ветром, — промолвил мягко старый моряк. — И вместе с Южным ветром она меня покинула...»

Это была довольно странная история, чтобы рассказывать ее при таких обстоятельствах и в такой компании, однако Мортимер изложил ее с большим чувством.

«Как трогательно!» — подумала миссис Бэрли. Но вслух сказала только:

— Спасибо, Гарри. Я предполагаю, это «покинула» означает, что его возлюбленная умерла или бежала от него?

— Я просил тебя рассказать какую-нибудь историю, — заметил Бэрли, обращаясь к Мортимеру, — а ты прочел нам целую поэму. — Он рассмеялся. — Да ты никак влюблен, приятель! И могу поспорить, что в мою жену.

— Так точно, сэр! — беззаботно откликнулся капитан и отвесил галантный поклон. — Вы же знаете сердце моряка!

При этих словах молодая женщина сначала вспыхнула, а затем побледнела. Было что-то в тоне, в словах и во взгляде мужа такое, что ей совсем не понравилось, теперь почему-то она его боялась.

Бэрли поднялся и посмотрел на свои часы, уклонившись от лампы, так что его лица не было видно.

— Два часа, — сказал он. — Пойду-ка прогуляюсь по дому. Вдруг найду где-нибудь спящего рабочего или что-нибудь в этом роде. В любом случае, скоро начнет светать.

Когда он вышел, они услышали тяжелую поступь его шагов, гулким эхом разносящуюся в длинном, лишенном ковров коридоре.

Мортимер сразу же приступил к делу.

— Как бы там ни было, он ни чуточки тебя не любит. И никогда не любил. А я люблю! — Он покрыл лицо Нэнси поцелуями. — С ним ты только губишь свою жизнь. Ты должна принадлежать мне! — Тяжелые шаги Джона все еще были слышны в отдалении. — Я знаю! — воскликнул вдруг Мортимер. — Он чувствует, что этот дом проклят! Вот именно — проклят! И это ему не по нутру! По комнате пробежал порыв холодного ветра, что-то зашуршало, и миссис Бэрли вздрогнула. Ей бросился в глаза свободный конец веревки, свисавший с лестницы, забытой обойщиками, и по спине тут же пробежал озноб.

— Он не такой, как всегда, — тихо проговорила она, придвинувшись к Мортимеру, — и он чем-то встревожен. Разве ты не слышал: он сказал, что в определенных обстоятельствах мог бы понять человека, который бы сделал это, — dokonчила она внезапно упавшим голосом. — Гарри! Это на него не похоже. Джон бы ни за что такого не сказал!

— Глупости! Он просто зануда — вот и все! И потом, этот дом действует тебе на нервы. Прошу тебя, успокойся! — Он нежно поцеловал ее и привлек к себе, бормоча какие-то бессвязные слова, среди которых можно было разобрать только «...тебе нечего бояться...»

Между тем шаги стали приближаться к комнате, и миссис Бэрли оттолкнула кузена.

— Держи себя в руках, Гарри! Я требую! — Она опять укрылась в его объятиях, уткнувшись лицом ему в шею — но лишь для того, чтобы в следующее мгновение вырваться из его рук. — Я ненавижу тебя, Гарри! И ненавижу себя! Почему ты обращаешься со мной, как с... — Она не закончила, потому что шаги раздавались уже совсем близко, быстро пригладила растрепавшиеся волосы и отошла к окну.

Мортимер посмотрел на нее с удивлением и досадой.

— Я думаю, что ты только играешь со мной, — со злостью проговорил он. — На самом деле ты любишь его.

Нэнси, даже не повернув головы в его сторону, ответила глухим голосом:

— Он всегда был честен со мной, добр и великодушен. Никогда меня ни в чем не винил. Дай мне сигарету и прекрати разыгрывать из себя героя-любовника. Сказать по правде, мои нервы и так на пределе!

Ее голос сорвался на резкой и неприятной ноте, и когда он поднес огонь к ее сигарете, то заметил, что у нее дрожат губы, и его рука тоже невольно дрогнула. Он все еще стоял рядом с ней у окна, держа зажженную спичку, когда на пороге появился Джон Бэрли. Он прошел прямо к столу и, прикрыв лампу, пробормотал:

— Она чадила, разве вы не видели?

— Простите, сэр! — Мортимер подался вперед, чтобы ему помочь, но опоздал. — Это сквозняк из-за того, что вы распахнули дверь.

— А! — обронил Бэрли и передвинул свой стул так, чтобы сидеть лицом к ним. — Этот дом — самое то, что надо! Я обошел все комнаты на нашем этаже. Требуются всего лишь небольшие переделки.

— Тсс! — прервала его миссис Бэрли. — Этот шум — вы слышали? Что это?

Где-то в коридоре или в смежной комнате раздался слабый глухой звук, словно от падения чего-то тяжелого, заставивший их быстро оглядеться и прислушаться, не повторится ли он. Но ничего не последовало, лишь пламя в лампе на мгновение заколебалось.

— Это ветер, — спокойно проговорил Бэрли, — наш маленький друг, Южный ветер. Просто сквозняк — и ничего больше. Схожу, посмотрю, — но при этом не сдвинулся с места.

— Позвольте мне, сэр! — живо сказал Мортимер. Он был рад представившейся возможности: впервые за все это время ему сделалось не по себе. Но был еще кто-то, испытывавший даже большую тревогу и неловкость и, соответственно, еще более желавший ускользнуть.

— Я схожу! — решительно заявила миссис Бэрли. — Мне хочется осмотреть дом и размять ноги. Ведь я сижу здесь с тех самых пор, как мы пришли. И я ни капельки не боюсь!

Однако она тоже не двинулась с места, как будто ожидала чего-то. В течение нескольких секунд никто из них не шелохнулся и не проронил ни звука. По выражению глаз своего возлюбленного она поняла, что теперь и он убедился в крохотной, почти неуловимой перемене в манерах ее мужа, и напуган этим. Это проявление слабости, граничившей со страхом, возбудило ее презрение, она почувствовала неожиданную неприязнь к молодому человеку и одновременно странное, новое для нее влечение к мужу, тревожившее ее существо. Что-то изменилось в комнате, что-то было не так, словно кто-то или что-то проникло внутрь. Все трое стояли, прислушиваясь к крадчивому нашептыванию ветра снаружи.

Джон первым нарушил молчание.

— Да, Нэнси, сходи. Тебе нечего бояться — здесь. Это только ветер.

— Я пойду с тобой, — прикусив губу, быстро проговорил Мортимер. Он выглядел растерянным и смущенным. — Или, давайте, лучше пойдем все втроем. Я думаю, нам не следует разлучаться.

Однако миссис Бэрли была уже возле двери.

— Ох, нет, я одна! — воскликнула она с принужденным смешком. — Я справлюсь! Я позову на помощь, если мне вдруг сделается страшно.

— Тогда возьми это, — сказал моряк и протянул ей свой электрический фонарик. — Всегда надежнее иметь два, чем один.

Он видел ее фигуру, вырисовывавшуюся изящным силуэтом на фоне черного коридора. Было ясно, что она хочет уйти и будет только рада избавиться от их общества. Мортимер надеялся перехватить хотя бы слово объяснения в коридоре, однако что-то остановило его.

— Первая дверь налево! — крикнул он, и его голос разнесся в пустоте гулким эхом. — Это оттуда донесся шум. Позови нас, если что.

Он смотрел, как Нэнси уходит, держа фонарик прямо перед собой, но она ничего ему не ответила, и тогда он вернулся в комнату, где Джон Бэрли склонился над лампой, чтобы зажечь сигару. Мгновение Мортимер стоял, глядя на него. Он собирался остаться у двери и прислушиваться к малейшему шуму в соседней комнате, но теперь все его внимание сосредоточилось на этом склонившемся над лампой лице. Резкие черты Бэрли приняли суровое выражение, губы крепко стиснули сигару. В эту минуту Мортимер понял, что он хотел и намеренно сделал так, чтобы жена ушла. И в эту же минуту он забыл о своей влюбленности, о своей маленькой бесстыдной эгоистичной любовнице и о собственном маленьком ничтожном «я». Потому что Джон Бэрли поднял глаза. Он медленно выпрямился, вы-

пустив клуб дыма, и посмотрел в лицо капитану. Мортимер почувствовал, как его пробирает озноб.

— Конечно, это был всего лишь ветер, — сказал он с напускной беспечностью, в душе испытывая единственное желание заполнить какими-нибудь банальными фразами то время, которое им предстояло провести наедине. — Предраассветный ветер. Сейчас половина третьего, скоро начнет светать. — Он говорил быстро и бессвязно, перескакивая с одного на другое, ему было явно не по себе. Тихий звук шагов миссис Бэрли в соседней комнате заставил Мортимера на мгновение замереть, и он инстинктивно повернулся в ту сторону, ища предлога, чтобы уйти.

— Оставь, — заговорил, наконец, Бэрли, его низкий спокойный голос был холоден и тверд. — С ней все будет в порядке. Просто она рада побыть одна — моя юная прелестная женушка. Я знаю ее намного лучше, чем ты. Закрой дверь и иди сюда.

Мортимер повиновался. Когда он прикрыл дверь и подошел к столу, Бэрли продолжил:

— Если бы я думал, что у вас двоих это серьезно, — теперь он говорил медленно и жестко, цедя слова сквозь зубы, — знаешь, что бы я сделал? Я скажу тебе, Мортимер. Я бы предпочел, чтобы один из нас — ты или я — остался в этом доме, мертвый. — Его руки сжались в кулаки, глаза яростно сверкнули. — Я настолько ей доверял, — ты понимаешь, о чем я? — что моя вера в женщин и в род людской вообще была бы утрачена. И вместе с ней — желание жить. Понимаешь?

Каждое его слово звучало, словно пощечина этому наглому беспечному юнцу, но то была вспышка большого сердца и глубокой души, оскорбленной в своих лучших чувствах. В мозгу у Мортимера пронеслась дюжина ответов — отрицаний, объяснений, признаний собственной вины... Однако он продолжал молчать, глядя прямо в глаза сопернику.

Так их и застала миссис Бэрли, когда открыла дверь. Она увидела только лицо мужа, потому что Мортимер стоял к ней спиной.

— Это шнур звонка раскачивается от ветра и задевает лист железа перед камином, — сказала она с нервным смешком и добавила: — Как я ненавижу этот дом! Лучше бы мы никогда сюда не приходили!

— Мы сможем уйти, как только рассветет, — спокойно заметил Бэрли. — Таково условие, и мы должны его соблюсти. Осталось всего каких-нибудь полчаса. Сядь, Нэнси, передохни. А я пойду, мне нужно еще оглядеться. Ему понадобилось не более полуминуты, чтобы это сказать, но Мортимеру показалось, что это длится целую вечность. Он совершенно запутался и не знал, что делать. Злился на себя и на женщину, из-за которой влип в эту глупую историю. Уже почти ненавидел ее.

Неожиданно для него ситуация сделалась крайне болезненной, он такого себе даже представить не мог. Бэрли, которого он привык считать слепым и недалеким, в действительности видел все — он знал о них уже давно, следил за ними и выжидал. А его кузина — теперь Мортимер был в этом уверен — всегда любила только своего мужа, а с ним лишь играла и тешила свое женское тщеславие.

— Позвольте мне пойти с вами, сэра, — проговорил он быстро.

Миссис Бэрли стояла между ними, бледная и растерянная, переводя взгляд с одного на другого. Она выглядела испуганной. Происходящее явно ее потрясло.

— Нет, нет, Гарри! — Она даже не заметила, что назвала его уменьшительным именем в присутствии мужа.

— Я вернусь через пять минут, — сказал Бэрли. — Моя жена не должна оставаться в одиночестве, — и вышел из комнаты.

Капитан дождался, пока его шаги затихнут в отдалении, однако не подошел к Нэнси, впервые не торопясь воспользоваться тем, что обычно называл «удобной возможностью». Он смотрел на стоящую перед ним женщину и не понимал, что влекло его к ней с такой силой. Сейчас он не испытывал к ней ни вожделения, ни страсти, и подумал, что его любовь умерла. Больше всего на свете ему хотелось оказаться как можно дальше отсюда. Слова Джона Бэрли его ужаснули. Возможно, он бы даже предпочел умереть.

Одно было ясно — Нэнси напугана. Это заставило его, наконец, нарушить молчание.

— Что случилось? — спросил Мортимер сдавленным голосом, избегая называть ее по имени. — Ты что-нибудь нашла — там? — Он кивнул головой в сторону смежной комнаты. Его холодный тон, обращенный к ней, внезапно заставил его увидеть себя таким, каков он был в действительности, без прикрас, но и ее ответ, произнесенный едва слышно, показал ему, что она видит себя так же ясно.

— Нет, я ничего там не видела. Но мне как-то не по себе... Я боюсь, дорогой...» — Это «дорогой» было отчаянным призывом, мольбой о помощи.

— Послушай! — громко выкрикнул он, и Нэнси предостерегающе подняла палец. — Я вел себя, как последняя сволочь! Мне чертовски стыдно. Я готов сделать что угодно — да! — что угодно — лишь бы это исправить! — Его снова охватил озноб, он осознал всю никчемность своих поступков и был уверен, что она испытывает то же самое.

Внезапно они ощутили взаимное отвращение. Однако Мортимер не вполне понимал, как и чем вызвана эта резкая перемена, особенно, с ее

стороны. Он только чувствовал, что оба они находились под действием чего-то более глубокого и сильного, чем было доступно его пониманию, чего-то, заставлявшего их связь казаться пустой, дешевой и вульгарной.

— Ты боишься за него? — спросил он, едва ли сознавая, зачем это говорит. — Боже правый, но ведь он может сам за себя постоять...

— О, да! — оборвала его Нэнси. — Он — настоящий мужчина!

В коридоре послышались шаги, они приближались — тяжелые, уверенные. У Мортимера было такое чувство, будто он слушал звук этих шагов всю ночь напролет, и теперь обречен слышать их до конца своей жизни. Он подошел к лампе и прикурил сигарету, на этот раз аккуратно и осторожно, прикрутив затем фитиль. Миссис Бэрли тоже поднялась и сделала шаг в сторону двери. Мгновение они прислушивались к этим тяжелым и уверенным шагам — походке настоящего мужчины. «Настоящий мужчина... и никчемный повеса, подлец, соблазнивший жену своего хозяина и друга!» — пронеслось в мозгу у Мортимера, и это сравнение только усилило в нем чувство презрения к себе. Шаги неожиданно стали удаляться, Бэрли куда-то свернул.

— Туда! — воскликнула Нэнси прерывающимся голосом. — Он вошел в ту комнату!

— Да нет же, этого не может быть! Ведь он прошел мимо нас. Он собирается выйти на лужайку.

С минуту они напряженно прислушивались, звук шагов отчетливо донесся из соседней комнаты, по-видимому, направляясь к окну.

— Туда! — повторила миссис Бэрли. — Он вошел туда! Я не хочу оставаться здесь одна! — Она сделала шаг к двери, и ее пальцы уже коснулись дверной ручки, когда Мортимер остановил ее отчаянным жестом.

— Бога ради, не делай этого! — воскликнул он, бросаясь вперед и схватив ее за руку, прежде чем она успела повернуть ручку. За стеной раздался глухой звук, словно от падения чего-то тяжелого. Но на этот раз не было ветра, который мог бы его вызвать.

— Это всего лишь тот болтающийся шнур... — пробормотал Мортимер заплетающимся языком, накативший внезапно необъяснимый ужас лишил его способности ясно мыслить и говорить.

— Там не было никакого шнура, — выдавила Нэнси упавшим голосом, а потом пошатнулась и припала к нему. — Я все это придумала. Там ничего не было! — Он подхватил молодую женщину, беспомощно уставившись на нее, и увидел пару безумных глаз на мертвенно бледном лице, похожих на две дыры в куске белой ткани. — Это Джон, — прошептала она, сползая вниз в его объятиях, — он...

В то самое мгновение, когда их ужас достиг своего апогея, в коридоре опять послышался звук шагов — тяжелая, уверенная поступь Джона Бэр-

ли. Они были до того потрясены и одновременно испытали такое облегчение, что не могли ни пошевелиться, ни заговорить. Шаги приближались. Но пара как будто окаменела: Мортимер не разжал рук, а миссис Бэрли не сделала попытки высвободиться. Они стояли у двери и ждали. Вот она распахнулась настезь — и на пороге выросла фигура Джона. Он был так близко, что почти мог коснуться их, так и не разомкнувших объятий.

— Джон, любимый! — воскликнула его жена с такой пронзительной и раздирающей душу нежностью, что голос ее изменился до неузнаваемости.

Он секунду внимательно смотрел на них, потом тихо произнес:

— Я ненадолго спущусь на лужайку. — И вышел, прежде чем кто-то из них успел выдать хоть слово. Дверь за ним захлопнулась, и он исчез.

Миссис Бэрли высвободилась из объятий капитана. Теперь она стояла возле стола, глядя перед собой невидящими глазами, ее губы приоткрылись, на лице застыло бессмысленное выражение. Мортимер смотрел на Нэнси, не зная, что сказать или сделать. Ему вдруг показалось, что перед ним лицо утопленницы. Что-то неосознанное, почти незримое встало в разделявшем их узком пространстве. Это был конец. Препграда между ними делалась все более высокой и непроницаемой. И из-за этой препграды ее слова донеслись до него со странной приглушенностью.

— Гарри... Ты видел?... Ты заметил?

— Ты о чем? — хрипло спросил он, пытаясь вызвать в себе гнев или презрение, но у него предательски перехватило дыхание.

— Он был совсем другой. Его глаза, волосы, его... — она бледнела на глазах. — Эта маска на его лице...

— Боже мой, о чем ты говоришь? Возьми себя в руки! — Мортимер увидел, как по всему ее телу пробежала дрожь, и она ухватилась за стол, чтобы не упасть. Он почувствовал, что у него самого подкашиваются ноги.

— Он изменился, Гарри... изменился!

Испуганный шепот Нэнси вонзился в него, как нож, поскольку это было правдой. Он тоже заметил, что Бэрли выглядел не так, как обычно, было что-то странное во всем его облике. Однако, даже разговаривая, они продолжали слышать, как он спускается вниз по лестнице. Шаги смолкли, когда он пересек холл, потом послышался грохот захлопнувшейся парадной двери. Это было сделано с такой силой, что дом весь словно содрогнулся.

Мортимер подошел к ней неуверенной походкой.

— Господи, любимая, но это же совершенная чушь! Не позволяй страху овладеть тобой! Я все ему объясню — скажу, что это только моя вина. — По ее лицу было видно, что она его не понимает, смысл его слов не доходил до нее. — С ним все в порядке, — добавил он поспешно.

— Нет, он сейчас не на лужайке... — Ужас, сжимавший мозг Нэнси, превратил ее лицо в белую гипсовую маску. — Это был вовсе не Джон! — выкрикнула она и бросилась к окну.

Мортимер последовал за ней. К его огромному облегчению, внизу была отчетливо видна двигавшаяся фигура. Вне всякого сомнения, это был Джон Бэрли. В сером проблеске забрезжившего дня они увидели, как он пересекает лужайку, удаляясь от дома. Наконец он исчез.

— Ну вот, убедилась? — прошептал он успокоительно. — Джон вернется, как только...

В это мгновение шум в соседней комнате, куда более громкий, чем раньше, оборвал его слова, и миссис Бэрли с жалобным криком упала ему на руки. Он едва успел ее подхватить, потому что и сам оледенел от необъяснимого ужаса, беспомощный как ребенок.

— Гарри! Джон! О! О!.. — вырвалось у нее с болью и мукой. — Оно приняло его облик! Оно обмануло нас... чтобы дать ему время. Он сделал это! Иди туда! — воскликнула она, указывая на смежную комнату, и потеряла сознание, мертвым грузом повиснув на руках у капитана.

Он опустил ее бесчувственное тело на ближайший стул и выбежал в коридор. Когда он распахнул соседнюю дверь, луч его фонарика упал на тело Бэрли, свисавшее со скобы в стене. Он перерезал веревку — слишком поздно. □

Перевод с английского
Татьяны и Екатерины Кудриных

Я никогда бы не стал заниматься современным искусством

Максим Фаюстов, выпускник Академии Глазунова и один из ведущих художников — реалистов, в гости к которому я напросилась, встречал меня у подъезда на углу бесконечно длинного и как-то странно изламывающегося здания. Мы поднялись на последний этаж. Самая обыкновенная входная дверь, узкий коридор, теряющийся в глубине квартиры, заставленный холстами и пустыми рамами. Сразу бросилось в глаза: все картины повернуты к посетителям задниками, так, чтобы не было видно их лицевой стороны

— Здесь работают сразу несколько художников, — объяснил Максим. — Не хочется никого смущать, навязывать свое настроение.

Мы проходим дальше и сворачиваем, по-видимому, в одну из самых больших и просторных студий на этаже. Высокие потолки, голые шершавые стены, большие пыльные окна и — повсюду картины. Именно так я и представляла себе мастерскую художника. Одну стену полностью занимает монументальное полотно, на котором изображена война в самый разгар столкновения: мертвенно-бледные раненные солдаты со сведенными ужасом лицами, дым от выстрелов и кровь. Много черного и болотного, много красного. Максим усаживает меня на кособокый стул, предлагает чаю и, одну за другой, начинает показывать свои картины.

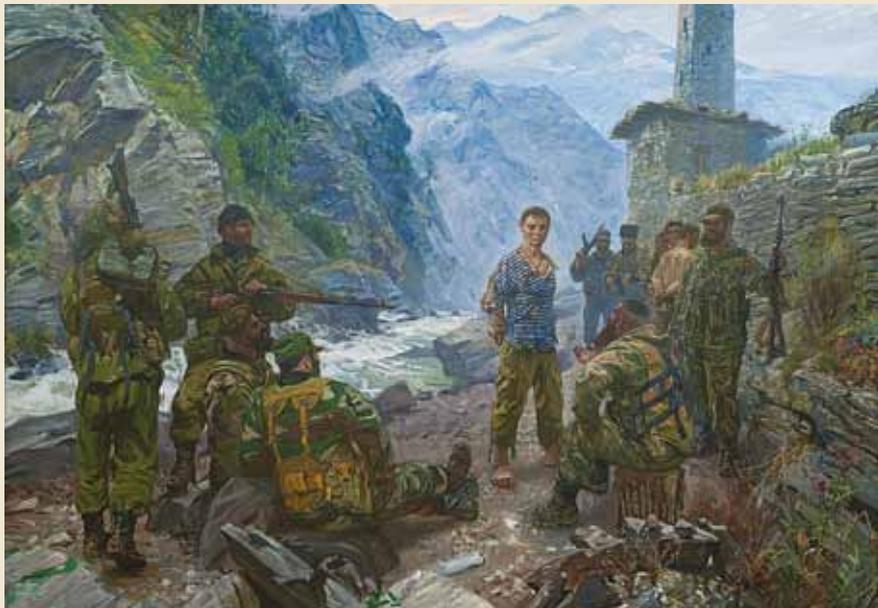
— Эта работа посвящена Евгению Родионову, солдату, расстрелянному в Чечне за то, что отказался снять крест и принять ислам. Мне хотелось отобразить не конкретное событие: казнь или пытки, или еще что-то подобное, а воплотить тот образ, что символизирует собой Евгений — образ исконно русского человека, преданного своей вере и родине...

А это я писал с натуры, в Грузии. Мы как-то были в горах, в Аргунском ущелье, и там целыми днями светило ослепительно яркое солнце, а потом вдруг — раз, и неожиданно упал густой туман. Причем туман такой

странный, клубами, будто дым из трубы идет. Я думаю: «Что такое?» Оказалось, это не туман, а облака спустились, ощущение такое, словно ходишь прямо по ним. Даже руками можно потрогать!

— А часто ли при работе над картиной вы выезжаете «на натуру»? Одного воображения не достаточно? — глядя на пейзаж, поинтересовалась я.

— Художник, он ведь всегда в движении, — пожал плечами Максим, — и воображение его не стоит на месте. Чем больше ты смотришь мир, тем сильнее развивается твоё воображение. Ведь картина сначала рождается в голове, а потом уже ты насыщаешь ее реальными деталями. Пейзажи, например, всегда рисую с натуры. Уезжаю куда-нибудь в глубинку. Вот, например, были мы как-то в одной деревне на этюдах, там все так и осталось: деревянные дома, покосившиеся заборчики, даже лошадь по дороге шла, только в телеге мальчишки какие-то сидели, я их потом убрал. А когда пейзаж уже готов, дорабатываешь образ: придумываешь персонажи, их месторасположение на картине, вырисовываешь костюмы. У меня, между прочим, хранится множество всяких старинных костюмов: платки, кошелки, тулупы. Любому историческому художнику обязательно надо такую коллекцию костюмов собрать, потому что придумать их совершенно невозможно, здесь фактуру надо чувствовать.

«Российский герой —
Евгений Родионов»

Максим садится за стол напротив меня. У него худощавое, какое-то вытянутое лицо, растрепанные короткие волосы и взгляд такой, будто он знает про меня все, и от этого ему ужасно скучно.

— Вот, надень на тебя платок, — мечтательно произносит он, — и сразу готовый образ, и тут же история: кто ты, откуда, какое у тебя настроение...

— А что рождается в начале, — не утерпела я, — образ или идея?

— Это, на самом деле, вещь такая... необъяснимая. Художник и

сам до конца не знает, как у него это все происходит. Наверное, как музыка. Сначала это тихая мелодия, едва слышная, потом постепенно наводится резкость, начинают доноситься слова, музыка звучит все громче и громче, и тут все тебе становится ясно.

Пока мы чаевничали, я банально попросила его рассказать о том, как он стал художником, не побоялся окунуться в эту профессию.

— С самого детства у меня была тяга к искусству, — начал Максим. — В школе, как и у всех, был предмет «Изо», который вела со-

«Иван Сусанин»

вершенно удивительная преподавательница. Как известно, все творческие люди очень нервные, даже, можно сказать, истеричные натуры, то ли в силу тонкости восприятия, то ли от излишней эмоциональности, не знаю. Вот такая была и у нас по рисованию. Ух, злобная, беспощадная! Но она сразу разглядела во мне какие-то задатки и интерес к живописи. До сих пор хранит мои школьные рисунки и наброски.

— А родители не сопротивлялись вашему выбору?

— Ну, профессия художника такая нестабильная и незавидная, что отец, естественно, был против. Он хотел, чтобы я пошел по его стопам и стал строителем, потому что это надежно, и всегда зарабатываешь на кусок хлеба. Потом он уже отчаялся и говорит мне: «Ну, если не строителем, то хотя бы офицером!» Я подал документы в военное училище, прошел медосмотр, несколько раз приходил на сборы. И все только ради того, чтобы еще раз убедиться — это совершенно не мое. Тогда я понял, что мое призвание не оставляет мне

«Дороги Чечни»

выбора. А отец, что поделывать, смирился со временем.

— И вы решили учиться в Академии...

— Да, там была долгая история. Сначала я поступил в художественное училище, на 3-м курсе ушел в армию, затем снова вернулся. После окончания училища переехал в Москву и поступил в Академию живописи Ильи Глазунова.

К тому моменту уже прошел войну и был в таком состоянии... На все смотрел по-другому. Экзамены, контрольные, бытовые страхи — все

это уже не имело значения. Я махнул рукой: как-нибудь сдадим! А вообще, в Академию поступать сложно, потому что там дать взятку кому-нибудь нереально в принципе. Глазунов сам отбирает студентов, а ему денег не надо, у него и так все есть. Именно поэтому я и выбрал Академию Глазунова — в ней нет той клановости, преемственности, которая с недавних пор появилась, например, в Суриковском училище. Туда родители-художники «запикивают» своих детей, хотя они того или нет, в результате, получается некое вырождение.

«Базар»

— Учеба в Академии сильно отличалась от того, к чему вы привыкли в художественном училище?

— Еще бы! Как небо и земля! Ведь нам в училище из года в год вбивали одну и ту же мысль: «Главное, чтобы было современно!» Можно взять швабру, окунуть ее в краску, размазать по холсту, — и получится то, что надо. Мы спорили, говорили: «Но ведь в музее все по-другому. Тот же Шишкин, например: у него все старательно, кропотливо, мазок к мазку». Нам отвечали: «Ну, это когда было! Сто лет назад, кто сейчас так делает?!» Я считаю, что это —

некое педагогическое извращение. Поэтому, когда попал в Академию, был в полном восторге. Мы медленно продвигались от эскизов к рисункам, от рисунков к холстовой живописи. Никакого лихачества, скрупулезно точили форму.

— Действительно, Академия Глазунова строится на классических канонах живописного образования. А есть ли классические художники, на которых бы вам хотелось равняться?

— Может, и есть кто-то, с кого хотелось бы брать пример, но ведь все равно каждый работает по-своему.

«Край, занесенный снегами»

Тебе уже от рождения что-то дано, определенное видение, чувство, и ты просто оттачиваешь это, развиваешь технику. Я не пишу свои полотна, например, в голубой гамме, чтобы люди сразу узнавали: «Да, это он! Это его манера!» Но знаю многих художников, которые действительно сломались и потеряли себя из-за того, что старались быть узнаваемыми. На самом деле, художника можно сравнить с ручкой, наполненной, ну, скажем, синими чернилами. Все вокруг хоть сто раз скажут, что эта ручка — красная, даже сама ручка может в это поверить, но от этого не перестанет

быть синей. Там внутри уже все есть, все заложено, надо просто уметь это раскрыть.

— А есть что-то такое, что вы не нарисуете никогда, ни за какие деньги?

— Откровенно говоря, сегодня такой выбор вообще не стоит. Границы искусства и того, что принято считать искусством, сильно размылись, они почти исчезают. Если ты рисуешь кисточкой на холсте, значит, ты уже ретроград. Сейчас художники работают по-новому: берешь кучу мусора, собираешь его в полиэтиленовый пакет, обертки, пыль, грязь,

все, что под руку попадет, и выставляешь на суд зрителей под табличкой «Моя жизнь». И люди действительно находят в этом смысл. Вот чего я никогда бы не стал делать, так это заниматься современным искусством. Это уже не искусство, это перформанс, эпатаж, цель которого привести зрителей в ступор, повергнуть их в шок.

— А каково это — противопоставлять себя тому, что популярно, востребовано у публики?

— Дело в том, что предпочтения в искусстве — вещь довольно-таки внушаемая. Многое зависит от рекламы. Если простому человеку самые уважаемые критики скажут, например, как хороша та или иная выставка, тот или иной художник, они тут же ему поверят и начнут замечать какие-то детали или смыслы, которых в картине никогда и не было! В этом-то и секрет: оболванивание идет на самом высоком уровне — богатые коллекционеры, международные торги, всевозможные фонды. А люди, которые не имеют художественного образования или просто вкуса, думают: «Вроде фигня какая-то, но все говорят — круто, значит, и вправду круто!» Помните сказку про «голого короля»? В искусстве — точно такая же история!

Максим отворачивается и смотрит в окно. В его словах чувствуется обида, и видно, что ему не все равно. Я попыталась перевести разговор в другое русло.

— Максим, скажите, а творчество как-то влияет на обычную, повседневную жизнь?

— Конечно! Я ощущаю это и утром, и вечером, и даже во сне. У нас нет четких графиков, нет расписания. Я могу 10 дней не работать, а потом схватиться за кисточку и не отпускать ее сутками напролет. Если процесс пошел, не важно, сколько времени на часах, праздники или нет, работаешь до упора. У художника не бывает завтра, у него есть только здесь и сейчас. Потому что завтра обычно все уходит. Ведь вдохновение — вещь неуловимая, ждать его — совершенно бессмысленное занятие. Желание писать всегда приходит, это как божий дар. А вдохновение — это желание жить. От потери смысла и настроения никто не застрахован, в том числе и художники. Но если ты стремишься к чему-нибудь, если делаешь то, что подкожно тебе привито, то до конца своих дней будешь находиться в гармонии с самим собой и обязательно найдешь занятие по душе. Если постоянно идти по пути самосовершенствования, вопрос о вдохновении вообще не стоит. Это как на велосипеде с горки — можно не крутить педали, он и сам едет.

Мы еще долго бродили по студии. Максим показывал мне свои работы и картины своих коллег, рассказывал про каждого, объяснял, почему тот или иной его сосед занимается искусством. Вот здесь за стеной работает семейная пара —

«Во дворе»

оба художники, а в студии напротив — бывший однокурсник Максима, известный и очень востребованный портретист. Самый отдаленный уголок квартиры принадлежит художнице, которая больше всего на свете любит рисовать свою дочь спящей...

Я покинула студию где-то под вечер, очарованная мастерской и ее хозяевами. По дороге меня не отпустила мысль о природе призвания, о том, насколько неисповедима и глубока та сила, что, скрываясь внутри нас, не дает нам сбиваться с пути, что бы ни происходило вокруг. □

Ирина Опимах

КАРАВАДЖО

«Писал ли кто-либо с таким успехом, как это гениальное чудовище, почти без правил, почти без теории, без обучения, без обдумывания, исключительно властью своего гения, имея лишь перед собой натуру, которую он столь превосходно копировал?» — так писал о великом Караваджо флорентийский художник XVII века Винченцо Кардуччо. И действительно, творчество Караваджо — одна из ярчайших страниц в истории мирового искусства. Жизнь этого художника словно авантурный роман, а его имя дало название целому течению в европейской живописи.

В конце 16 — начале 17 века Италию уже никто не считал центром европейской культурной и экономической жизни, каким она была в эпоху Возрождения. Раздробленная на мелкие

княжества, правители которых вели между собой непрерывные войны, разорвавшие страну, Италия оказалась бессильной перед лицом врага, не преминувшего воспользоваться

ее слабостью. Нашествия французских, австрийских и испанских войск привели к потере независимости. Значительная часть территории Италии попала под власть испанской короны. Все большую силу набирала в стране католическая церковь. Она становилась могущественной силой, определяющей политическую и духовную жизнь общества. Пережива-

нами, как Рафаэль, Леонардо, Микеланджело! Им можно было только подражать, что и делали в конце 16 века европейские художники. Так возник маньеризм (от *maniera* — манера, стиль) — течение в живописи, суть которого как раз и состояла в том, чтобы как можно лучше и последовательнее следовать манере художников Возрождения. При этом

«Автопортрет» (слева)

«Отдых на пути в Египет» (справа)

ло определенный кризис и искусство. Многим тогда казалось, что после великих художников Возрождения ничего уже сделать нельзя. Да и как конкурировать с такими тита-

льным эстетическим критерием маньеризма становится не следование природе, а субъективная «внутренняя идея» художественного образа, рождающаяся в душе худож-

«Юноша с корзинкой фруктов»

ника. Используя в качестве стилистических образцов произведения Микеланджело, Рафаэля и других мастеров Возрождения, маньеристы исказили заложенное в них гармоничное начало, культивируя представления об эфемерности мира и шаткости человеческой судьбы, на-

ходящейся во власти иррациональных сил. Тут и трагизм, и мистическая экзальтация, и острые колористические и светотеневые диссонансы, усложненность и преувеличенная экспрессивность поз, удлинённость пропорций фигур. И в такое утонченное, даже где-то вычурное

искусство вдруг вторгается Караваджо, со своими святыми-мужиками, со всей бурной жизнью городских площадей, с жизнью простого человека с улицы. Это была настоящая революция, определившая пути раз-

ман, с дуэлями, погонями, воинственными мальтийскими рыцарями и коварными римскими кардиналами, — родился в ломбардском селе-нии Караваджо. Это селение, и дало художнику прозвище, под которым

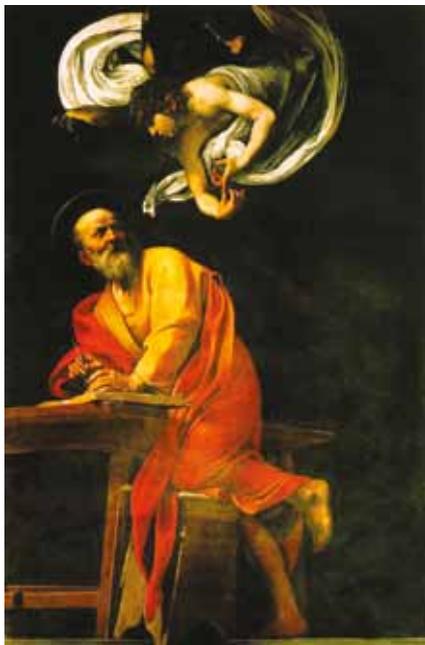

«Шулеры»

вития европейского искусства, революция, благодаря которой в живописи появились Веласкес, Рубенс, Халс и Рембрандт.

Микеланджело Меризи — так звали этого бунтаря, хулигана и революционера, жизнь которого — настоящий приключенческий ро-

он вошел в историю искусства.) Случилось это знаменательное событие 28 сентября 1573 года. Его отец служил домоправителем в замке местного маркиза да Караваджо. В те времена в Италии были нередки эпидемии, одна из них и унесла старшего Меризи — он умер, когда

«Святой Матфей, внимающий ангелу»

«Кающаяся Магдалина»

его сыну исполнилось всего 11 лет. Видно, маленький Микеланджело уже тогда проявил свои художественные таланты, и маркиз устроил его в обучение к миланскому художнику Симоне Петерцано. Курс постижения тайн мастерства длился пять лет, а потом юный художник отправился в Рим. В то время Вечный город считался центром искусств, сюда устремлялись художники, архитекторы, скульпторы со всей Италии — тут были деньги, и тут можно было найти работу: папы изо всех сил старались украсить город, этот оплот католицизма и мировой центр христианства. Но у Караваджо поначалу с работой как раз дела обстояли плохо, и, как свидетельствует его биограф Джованни Бальоне («Жизнь Микеладжело да Караваджо», 1642 г.), «он до того обнищал и обносился, что несколько добросердечных собратьев по профессии стали из жалости его поддерживать». Караваджо был счастлив, когда ему попадали случайные заказы, а когда их не было, растирал краски у тех, кому посчастливилось получить заказ на выполнение фресок, или даже просто прислуживал в богатых домах. Долго нигде не задерживался — уж слишком вздорный у него характер, острый язык, да и привычка говорить правду в глаза ...Кому это понравится?

Но однажды ему повезло — его заметил и взял в свою мастерскую Джузеппе Чезаре д'Арпино, художник весьма популярный в клерикаль-

«Юноша с лютней»

ных кругах Рима. Это была весьма интересная и яркая личность. Чезаре, прозванный кавалером д'Арпино, родился около 1560 года, вероятно в Риме, умер там же в 1640 году. В тринадцать лет он был уже столь искусен, что ему доверили роспись фасада одного из римских палаццо. Славу ему принесли картины, исполненные по рисункам Микеланджело. Его любили папы римские, а кардинал Альдобрандини взял его с собою в Париж, где король Генрих V

сделал его кавалером ордена святого Михаила. Этот художник был очень плодовитым, он написал множество картин и считался в свое время первым среди римских живописцев, хотя про него говорили, что искусство его холодно, не глубоко, и что он слишком гоняется за внешними эффектами. Караваджо в монументальных росписях своего метра выполнял натюрморты. Беллори, историк искусства, современник Караваджо и один из первых его биографов, сви-

«Положение во гроб»

детельствовал: «Написал он кувшин с цветами, в котором показал прозрачность стекла и воды, отражающих окно комнаты; цветы обрызганы свежайшей росой, и, подражая подобным образом природе, писал он превосходно и другие картины».

В какой-то момент Караваджо почувствовал, что больше его учитель дать ему ничего не может. Он ушел от д'Арпино и, как говорит Беллори, «начал писать, следуя своему собственному гению, не питая никакого уважения к превосходнейшим античным мраморам и к столь прославленной живописи Рафаэля, наоборот, презиравая их и считая только натуру объектом для изображения». В этих далеко не беспристрастных словах чувствуется стремление представить Караваджо в некотором роде невеждой, отвергающим наследие прошлого. На самом деле, обращение к натуре было для художника оружием в борьбе за реализм против неприкрытой идеализации и лжи, господствовавшей тогда в искусстве и в обществе. Оказавшись на улице, Караваджо заболел малярией и попал в больницу — конечно же, для бедных. В это время он начал писать свои первые самостоятельные работы.

На его картинах появились люди, которых он видел вокруг себя, краски, цветы, жанровые сценки. Он экспериментировал с зеркалом — и на его картинах, как в зеркале, отражалась реальная жизнь. Говорили, что в его первых работах (к примеру, «Юноша с корзинкой фрук-

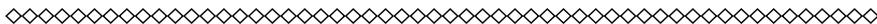
тов», «Вакх») он изображал самого себя, глядя на себя в зеркало. Так это или нет, но все на его картинах дышит жизнью — и люди (вспомним гениального «Мальчика, укушенного ящерицей»), и фрукты, которые так и хочется взять в руки... Беллори писал: «Когда ему показывали знаменитые статуи Фидия и Гликона, чтобы он воспользовался ими для изучения, он, протянув руку и указывая на толпу, отвечал, что для мастеров достаточно природы... Он позвал цыганку, которая случайно проходила мимо, привел ее в мастерскую и изобразил предсказывающую судьбу...» Так родилась его картина «Гадалка»: мы словно сами видим, как цыганка, гадая юноше по руке, смотрит ему в глаза, отвлекая его внимание, а между тем, незаметным движением снимает с его пальца кольцо! Или картина «Шулеры» — перед нами нередко встречающаяся в жизни сценка — мошенники обыгрывают в карты неопытного новичка. Эти и другие жанровые картины Караваджо — словно иллюстрации какого-то модного в те времена плутовского романа.

Художника часто обвиняли в незнании классического искусства, вульгарности, а он, вспыльчивый, порывистый, отвечал, не выбирая слов, и только наживал себе врагов. И их становилось все больше и больше, недаром Караваджо не расставался со своей шпагой, частенько пуская ее в ход...

Но у этого смутьяна и бунтаря были не только враги — находились

«Уверение Фомы»

и такие, кто смог увидеть в драчливом, неукротимом молодом художнике настоящий талант. Таким человеком был кардинал Франческо Мария дель Монти. Он предложил Караваджо поселиться у него во дворце и работать, не заботясь о пропитании.

Постепенно Караваджо обретал творческую зрелость. Он перешел от малых форм к большим, масштабным полотнам, от небольших жанровых сенок к серьезным евангельским сюжетам. Наверное, молодой художник понимал, что, поскольку

такие темы востребованы, он сможет с их помощью громко заявить о себе. Но, вероятно, тут были не только конъюнктурные соображения — религиозные сюжеты давали возможность привнести в его живопись глубину, драматизм. Так появились «Отдых на пути в Египет», «Жертвоприношение Авраама», «Уверение Фомы», «Взятие Христа под стражу», «Кающаяся Магдалина». Да, конечно, это картины на библейские, евангельские сюжеты, но их герои, эти святые слишком отличались от тех,

в Эрмитаже и ныне называемая «Юноша с лютней», совсем недавно называлась «Лютнисткой», а «Юноша с корзинкой фруктов» — «Продавщица фруктов». Некая двусмысленность этих и подобных им картин заключалась в особой чувственности, которую он себе позволял, и которая спойкойно воспринималась его современниками. В частности, известно, что гомосексуальными наклонностями отличался покровитель художника, кардинал Франческо дель Монти — на его пиры, по свидетельствам современников, никогда не приглашали женщин, зато там танцевали молодые мальчики, одетые в женское платье.

В 1599 году Караваджо получил большой заказ, свидетельствующий о признании его большого таланта. Наследники французского кардинала Контарелли поручили ему расписать фресками фамильную капеллу в римской церкви Сан Луиджи дель Франчези. Там Караваджо выполнил три картины, посвященные святому Матфею. В его творчестве теперь громко зазвучала тема страстей, жестокости, страшных испытаний, насильственной смерти («Жертвоприношение Авраама», «Юдифь», «Мученичество святого Матфея», «Давид и Голиаф»). Он словно напоминал людям — «Memento mori» («помните о смерти»). Видно, такого рода сюжеты отражали его восприятие мира, в котором столько зла, несправедливости, неправды.

Фигуры его героев, освященные лучом света, как бы выходят из тьмы.

И обращение Караваджо к живой жизни, и этот прием игры тени и света, получивший такое гениальное развитие в творчестве Рембрандта, — это все наследие гениального бунтаря, которое он оставил последующим поколениям своих собратьев...

Не удивительно, что простые итальянцы в образе святых, мягко говоря, не очень устраивали Церковь. Особенный скандал разразился вокруг картины «Святой Матфей, внимающий ангелу». На картине Караваджо священники вместо почтенного святого увидели почти полоумного, необразованного, неотесанного крестьянина из итальянской деревни. Понятное дело, заказчики были шокированы. Пришлось художнику пойти на уступки и переписать картину.

В 1600–1606 годах Караваджо создал свои знаменитые полотна — «Обращение Савла», «Мученическая смерть апостола Петра», «Положение во гроб», «Трапеза в Эммаусе», «Неверие Фомы» и другие. Особенно поразительно решена композиция полотна «Обращение Савла». Савл — имя апостола Павла, которое он носил до своего обращения. Однажды, когда он шел в Дамаск, его ослепило яркое сияние, и он услышал глас с небес: «Савл, Савл, что ты гонишь меня?», после чего бывший язычник стал христианином. В картине Караваджо на первом плане совсем не Савл — Павел, а огромная фигура коня, словно плывущая над распротертым будущим апостолом, причем художнику удалось удивительным

«Вакх»

ни слова, схватил глиняное блюдо, швырнул мне в лицо и попал в левую щеку, которую поранил. А потом вскочил и схватился за шпагу одного из своих друзей, собираясь нанести мне удар, но я побежал».

Однажды одна такая ссора закончилась трагедией. Во время игры в мяч — случилось это 29 мая 1608 года — партнеры не поделили, как сказано в полицейском донесе-

нии, выигрыш в 10 скудо. Ссора переросла в настоящую вооруженную схватку. В результате, соперник Караваджо, некий Рануччо Томмазони из Терни, был убит, а сам художник тяжело ранен в голову.

Караваджо пришлось сначала бежать в Неаполь, потом на Мальту.

На Мальте тогда правил гроссмейстер ордена иоанитов Алоф де Виньякур. Поначалу рыцари ордена

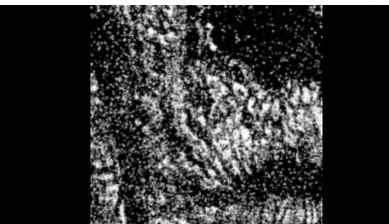
приняли художника хорошо, а когда он написал портрет Виньякура, его даже возвели в сан рыцаря Мальтийского ордена. Странно, что портрет понравился могущественному гроссмейстеру — художник не смог погрешить против истины и ярко показал злобность, коварство и мстительность этого человека.

Казалось, здесь, на этом прекрасном острове, Караваджо обретет покой и возможность работать. Он действительно написал несколько важных работ, к примеру, «Усекновение главы Иоанна Крестителя», но характер этого человека, его темперамент, полная неспособность идти на компромиссы жить ему спокойно не давали и тут. Однажды он оскорбил одного из высокопоставленных рыцарей, за что Виньякур повелел бросить его в тюрьму крепости Святого Ангела. Но Караваджо чудом удалось бежать из мальтийских застенков — как в романе, под покровом ночи, с помощью веревочной лестницы. Бывшие его собратья по Мальтийскому ордену не стеснялись в выражениях: «Означенный брат Микеланджело Меризи да Караваджо на общей Ассамблее под председательством Великого Магистра был отрешен от своего чина, изгнан и вышвырнут вон, как прогнивший и зловонный член, из нашего Ордена и Общины». И начались скитания — Сиракузы, Мессина, Палермо, Неаполь. Нигде ему не было покоя, хотя, правда, удавалось работать, и он создает поразительные картины, в которых мир так же же-

сток, как и раньше, и лишь иногда появляется надежда, любовь...

Решив, что уже прошло достаточно времени, и в Риме его уже простили, Караваджо решил вернуться в Вечный город. Наняв рыбацью лодку фелагу, он отправился в плавание, «уповая на обещание кардинала Гонзаго потолковать с папой Павлом V о его Караваджо, прощении» (Дж. Бальони). Но ему не повезло — его приняли за пирата и арестовали — на двое суток, пока ошибка не прояснилась. Каково же было его отчаяние, когда, оказавшись снова на свободе, он обнаружил, что лодка и все его вещи безвозвратно исчезли! «Разъяренный, метался он в отчаянии по берегу под палящим солнцем, надеясь увидеть далеко в море суденышко, на котором осталось все его имущество», рассказывал Бальони. А тут еще добавилась лихорадка, с которой он справиться не смог... Великий итальянский художник, давший название целому направлению в искусстве, умер 8 июня 1610 года, ему было всего 37 лет!

Удивительно — кажется, этот человек прожил две жизни. Одну — как обычный герой того времени, драчун, задавака, дуэлянт, немножко плутоватый, не лишенный тяги к пороку, горячий, неуживчивый, острый на язык. И вторую — жизнь гениального художника, страстного, бескомпромиссного, отдающего все силы творчеству, мудрого наблюдателя жизни, умеющего увидеть и ее уродство, и ее жестокость, но и ее красоту. □

Всеволод Гаршин

СИГНАЛ

Семен Иванов служил сторожем на железной дороге. От его будки до одной станции было двенадцать, до другой — десять верст. Верстах в четырех в прошлом году открыли большую прядильню, а ближе, кроме соседних будок, и жилья не было.

Семен Иванов был человек большой и разбитый. Девять лет тому назад он побывал на войне: служил в денщиках у офицера и целый поход с ним сделал. Голодал он, и мерз, и на солнце жарился, и переходы делал, по сорока и по пятидесяти верст в жару и в мороз, случалось и под пулями бывать, да, слава богу, ни одна не задела. Стоял раз полк в первой линии, целую неделю с турками перестрелка была: лежит наша цепь, а через лощину — турецкая, и с утра до вечера постреливают. Семенов офицер тоже в цепи был, каждый день носил ему Семен из полковых кухонь, из оврага, самовар горячий и обед. Идет с самоваром по открытому месту, пули свистят, в камни щелкают, страшно Семену, плачет, а сам идет. Господа офицеры очень довольны им были: всегда горячий чай у них был. Вернулся он из похода целый, только руки и ноги ломить стало. Немало горя пришлось ему с тех пор отведать. Пришел он домой — отец старик помер, сынишка был по четвертому году — тоже помер, горлом болел, остался Семен с женой сам-друг. Не задалось им и хозяйство, да и трудно с пухлыми руками и ногами землю пахать. Пришлось им в своей деревне невтерпеж, пошли на новые места счастья искать. Побывал Семен с женой и на Линии, и в Херсоне, и в Донщине, нигде счастья не достали. Пошла жена в прислуги, а Семен по-прежнему все бродит. Пришлось ему раз по машине ехать, на одной станции видит — начальник будто знако-

мый. Глядит на него Семен, и начальник тоже в Семеново лицо всматривается. Узнали друг друга: офицер своего полка оказался.

— Ты Иванов? — говорит.

— Так точно, ваше благородие, я самый и есть.

— Ты как сюда попал?

Рассказал ему Семен: так, мол, и так.

— Куда ж теперь идешь?

— Не могу знать, ваше благородие.

— Как так, дурак, не можешь знать?

— Так точно, ваше благородие, потому податься некуда. Работы какой, ваше благородие, искать надобно.

Посмотрел на него начальник станции, подумал и говорит:

— Вот что, брат, оставайся-ка ты покудова на станции. Ты, кажется, женат? Где у тебя жена?

— Так точно, ваше благородие, женат, жена в городе Курске, у купца в услужении находится.

— Ну, так пиши жене, чтобы ехала. Билет даровой выхлопочу. Тут у нас дорожная будка очистится, уж попрошу за тебя начальника дистанции.

— Много благодарен, ваше благородие, — ответил Семен.

Остался он на станции. Помогал у начальника на кухне, дрова рубил, двор, платформу мел. Через две недели приехала жена, и поехал Семен на ручной тележке в свою будку. Будка новая, теплая, дров сколько хочешь, огород маленький, от прежних сторожей остался, и земли с полдесятины пахотной по бокам полотна было. Обрадовался Семен, стал думать, как свое хозяйство заведет, корову, лошадь купит.

Дали ему весь нужный припас: флажки — зеленый и красный, фонари, рожок, молот, ключ — гайки подвинчивать, лом, лопату, метла, болты, костыли, еще две книжечки с правилами и расписание поездов. Первое время Семен ночи не спал, все расписание твердил, поезд еще через два часа пойдет, а он обойдет свой участок, сядет на лавочку у будки и все смотрит и слушает, не дрожат ли рельсы, не шумит ли поезд. Вытвердил он наизусть и правила, хоть и плохо читал, по складам, но все-таки вытвердил.

Прошло времени месяца два, стал Семен с соседями сторожами знакомиться. Один был старик древний, все сменить его собирались: едва из будки выбирался. Жена за него и обход делала. Другой будочник, что поближе к станции, был человек молодой, из себя худой и жилистый. Встретились они с Семеном в первый раз на полотне, посередине между будками, на обходе, Семен шапку снял, поклонился.

— Доброго, — говорит, — здоровья, сосед.

Сосед поглядел на него сбоку.

— Здравствуй, — говорит.

Повернулся и пошел прочь. Бабы после между собой встретились. Поздоровалась Семенова Арина с соседкой, та тоже разговаривать много не стала, ушла. Увидел раз ее Семен.

— Что это, — говорит, — у тебя, молодлица, муж неразговорчивый?

Помолчала баба, потом говорит:

— Да о чем ему с тобой разговаривать? Укаждого свое... Иди себе с богом.

Однако прошло еще времени с месяц, познакомились. Сойдутся Семен с Василием на полотне, сядут на край, трубочки покуривают и рассказывают про свое житье-бытье. Василий все больше помалкивал, а Семен и про деревню свою, и про поход рассказывал.

— Немало, — говорит, — я горя на своем веку принял, а веку моего не бог весть сколько. Не дал бог счастья. Уж кому какую талан-судьбу господь даст, так уж и есть. Так-то, братец, Василий Степанович.

А Василий Степанович трубку об рельс выколотил, встал и говорит:

— Не талан-судьба нам с тобою век заедает, а люди. Нету на свете зверя хищнее и злее человека. Волк волка не ест, а человек человека живьем съедает.

— Ну, брат, волк волка ест, это ты не говори.

— К слову пришлось, и сказал. Все-таки нету твари жесточе. Не людская бы злость да жадность — жить бы можно было. Всякий тебя за живое ухватить норовит, да кус откусить, да слопать.

Задумался Семен.

— Не знаю, брат. Может, оно и так, а коли и так, так уж есть на то от бога положение.

— А коли так, — говорит Василий, — так нечего нам с тобой и разговаривать. Коли всякую скверность на бога взваливать, а самому сидеть да терпеть, так это, брат, не человеком быть, а скотом. Вот тебе мой сказ.

Повернулся и пошел, не простившись. Встал и Семен.

— Сосед, — кричит, — за что же так ругаешься?

Не обернулся сосед, пошел. Долго смотрел на него Семен, пока на выемке на повороте стало Василия не видно. Вернулся домой и говорит жене:

— Ну, Арина, и сосед же у нас: зелье, а не человек.

Однако не поссорились они, встретились опять и по-прежнему разговаривать стали, и все о том же.

— Эх, брат, кабы не люди... не сидели бы мы с тобой в будках этих, — говорит Василий.

— Что ж в будке... ничего, жить можно.

— Жить можно, жить можно... Эх, ты! Много жил, мало нажил, много смотрел, мало увидел. Бедному человеку, в будке там или где, какое уж

житье! Едят тебя живодеры эти. Весь сок выжимают, а стар станешь — выбросят, как жмыху какую, свиньям на корм. Ты сколько жалованья получаешь?

— Да маловато, Василий Степанович. Двенадцать рублей.

— А я тринадцать с половиной. Позволь тебя спросить, почему? По правилу, от правления всем одно полагается: пятнадцать целковых в месяц, отопление, освещение. Кто же это нам с тобой двенадцать или там тринадцать с полтиной определил? Чьему брюху на сало, в чей карман остальные три рубля или же полтора полагаются? Позволь тебя спросить... А ты говоришь, жить можно! Ты пойми, не об полуторах там или трех рублях разговор идет. Хоть бы и все пятнадцать платили. Был я на станции в прошлом месяце, директор приезжал, так я его видел, имел такую честь. Едет себе в отдельном вагоне, вышел на платформу, стоит, цепь золотую распустил по животу, щеки красные, будто налитые... Напился нашей крови. Эх, кабы сила и власть! Да не останусь я здесь долго, уйду, куда глаза глядят.

— Куда же ты уйдешь, Степаныч? От добра добра не ищут. Тут тебе и дом, тепло, и землицы маленько. Жена у тебя работница...

— Землицы! Посмотрел бы ты на землицу мою. Ни прута на ней нету. Посадил было весной капустки, так и то дорожный мастер приехал. «Это, говорит, что такое? Почему без доношения? Почему без разрешения? Выкопать, чтоб и духу ее не было». Пьяный был. В другой раз ничего бы не сказал, а тут втемяшилось... «Три рубля штрафа!..»

Помолчал Василий, потянул трубочку и говорит тихо:

— Немного еще, зашиб бы я его до смерти.

— Ну, сосед, и горяч ты, я тебе скажу.

— Не горяч, а по правде говорю и размышляю. Да еще дождетса он у меня, красная рож! Самому начальнику станции жаловаться буду. Посмотрим!

И точно пожаловался.

Проезжал раз начальник путь осматривать. Через три дня после того господа важные из Петербурга должны были по дороге проехать: ревизию делали, так перед их приездом все надо было в порядок привести. Балласту подсыпали, подровняли, шпалы пересмотрели, костыли подколотили, гайки подвинтили, столбы подкрасили, на переездах приказали желтого песочку подсыпать. Соседка-сторожиха и старика своего выгнала травку подщипать. Работал Семен целую неделю, все в исправность привел и на себе кафтан починил, вычистил, а бляху медную кирпичом до сияния оттер. Работал и Василий. Приехал начальник дистанции на дрезине, четверо рабочих рукоять вертят, шестерни жужжат, мчится тележка верст по двадцать в час, только колеса воют. Подлетел к Семеновой будке, подскочил Семен, отрапортовал по-солдатски. Все в исправности оказалось.

— Ты давно здесь? — спрашивает начальник.

— Со второго мая, ваше благородие.

— Ладно. Спасибо. А в сто шестьдесят четвертом номере кто?

Дорожный мастер ответил:

— Василий Спиридов.

— Спиридов, Спиридов... А, это тот самый, что в прошлом году был у вас на замечании?

— Он самый и есть-с.

— Ну, ладно, посмотрим Василия Спиридова. Трогай!

Налегли рабочие на рукояти, пошла дрезина в ход.

Смотрит на нее Семен и думает: «Ну, будет у них с соседом игра».

Часа через два пошел он в обход. Видит, из выемки по полотну идет кто-то, на голове будто белое что виднеется. Стал Семен присматриваться — Василий, в руке палка, за плечами узелок маленький, щека платком завязана.

— Сосед, куда собрался? — кричит Семен.

Подошел Василий совсем близко: лица на нем нету, белый как мел, глаза дикие, говорить начал, голос обрывается.

— В город, — говорит, — в Москву, в правление...

— В правление... Вот что! Жаловаться, стало быть, идешь? Брось, Василий Степанович, забудь...

— Нет, брат, не забуду. Поздно забывать. Видишь, он меня в лицо ударил, в кровь разбил. Пока жив, не забуду, не оставлю так. Учить их надо, кровопийцев...

Взял его за руку Семен:

— Оставь, Степаныч, верно тебе говорю: лучше не сделаешь.

— Чего там лучше! Знаю сам, что лучше не сделаю, правду ты про талан-судьбу говорил. Себе лучше не сделаю, но за правду надо, брат, стоять.

— Да ты скажи, с чего все пошло-то?

— Да с чего... Осмотрел все, с дрезины сошел, в будку заглянул. Я уж знал, что строго будет спрашивать, все, как следует, исправил. Ехать уже хотел, а я с жалобой. Он сейчас кричать. «Тут, говорит, правительственная ревизия, такой-сякой, а ты об огороде жалобы подавать! Тут, говорит, тайные советники, а ты с капустой лезешь!» Я не стерпел, слово сказал, не то чтобы очень, но так уж ему обидно показалось. Как даст он мне... Терпенье наше проклятое! Тут бы его надо... а я стою себе, будто так оно и следует. Уехали они, опамятовался я, обмыл себе лицо и пошел.

— А как же будка-то?

— Жена осталась. Не прозевает, да ну их совсем, с дорогой ихней!

Встал Василий, собрался.

— Прощай, Иваныч. Не знаю, найду ли управу себе.

— Неужто пешком пойдшь?

— На станции на товарный попрошусь, завтра в Москве буду.

Простились соседи, ушел Василий, и долго его не было. Жена за него работала, день и ночь не спала, извелась совсем, мужа поджидаячи. На третий день проехала ревизия: паровоз, вагон багажный и два первого класса, а Василия все нет. На четвертый день увидел Семен его хозяйку: лицо от слез пухлое, глаза красные.

— Вернулся муж? — спрашивает.

Махнула баба рукой, ничего не сказала и пошла в свою сторону.

Научился Семен когда-то, еще мальчишкой, из тальника дудки делать. Выжжет таловой палке сердце, дырки, где надо, высверлит, на конце пищик сделает и так славно наладит, что хоть что угодно играй. Дельвал он в досужее время дудок много и со знакомым товарным кондуктором в город на базар отправлял, давали ему там за штуку по две копейки. На третий день после ревизии оставил он дома жену, вечерний шестичасовой поезд встретить, а сам взял ножик и в лес пошел, палок себе нарезать. Дошел до конца своего участка, — на этом месте путь круто поворачивал, — спустился с насыпи и пошел лесом под гору. За полверсты было большое болото, и около него отличнейшие кусты для его дудок росли. Нарезал он палок целый пук и пошел домой. Идет лесом, солнце уже низко было, тишина мертвая, слышно только, как птицы чирикают да валежник под ногами хрустит. Прошел Семен еще немного, скоро полотно, и чудится ему, что-то еще слышно: будто где-то железо о железо позвякивает. Ремонту в то время на их участке не было. «Что бы это значило?» — думает. Выходит на опушку — перед ним железнодорожная насыпь поднимается, наверху, на полотне, человек сидит на корточках, что-то делает. Стал Семен потихоньку к нему подниматься: думал, гайки кто воровать пришел. Смотрит — и человек поднялся, в руках у него лом, поддел он рельс ломом, как двинет его в сторону. Потемнело у Семена в глазах: крикнуть хочет — не может. Видит он Василия, бежит бегом, а тот с ломом и ключом с другой стороны насыпи кубарем катится.

— Василий Степаныч! Отец родной, голубчик! Воротись! Дай лом! Поставим рельс, никто не узнает. Воротись, спаси свою душу от греха.

Не обернулся Василий, в лес ушел.

Стоит Семен над отвороченным рельсом, палки свои выронил. Поезд идет, не товарный, пассажирский. И не остановишь его ничем: флага нет. И рельса на место не поставишь, голыми руками костылей не забьешь. Бежать надо, непременно бежать в будку за каким-нибудь припасом. Господи, помоги!

Бежит Семен к своей будке, задыхается. Бежит — вот-вот упадет. Выбежал из лесу — до будки сто сажен, не больше, осталось, слышит — на фабрике гудок загудел. Шесть часов. А в две минуты седьмого поезд пройдет. Господи! Спаси невинные души! Так и видит перед собой Семен: хватит паровоз левым колесом об рельсовый обруб, дрогнет, накренится, пойдет шпалы рвать и вдребезги бить, а тут кривая, закругление, да насыпь, да валиться-то вниз одиннадцать сажен, а там, в третьем классе, народу битком набито, дети малые... Сидят они теперь все, ни о чем не думают. Господи, вразуми меня!.. Нет, до будки добежать и назад вовремя вернуться не успеешь...

Не добежал Семен до будки, повернул назад, побежал скорее прежнего. Бежит почти без памяти, сам не знает, что еще будет. Добежал до отвороченного рельса: палки его кучей лежат. Нагнулся, схватил одну, сам не понимая зачем, дальше побежал. Чудится ему, что уже поезд идет. Слышит свисток далекий, слышит, рельсы мерно и потихоньку подрагивать начали. Бежать дальше сил нет, остановился он от страшного места саженях в ста, и тут ему точно светом голову осветило. Снял Семен шапку, вынул из нее платок бумажный, вынул нож из-за голенища, перекрестился, Господи, благослови!

Ударил себя ножом в левую руку повыше локтя, брызнула кровь, полила горячей струей, намочил он в ней свой платок, расправил, растянул, навязал на палку и выставил свой красный флаг.

Стоит, флагом размахивает, а поезд уже виден. Не видит его машинист, подойдет близко, а на ста саженях не остановить тяжелого поезда!

А кровь все льет и льет, прижимает рану к боку, хочет зажать ее, но не унимается кровь, видно, глубоко он поранил руку. Закружилось у него в голове, в глазах черные мухи залетали, потом и совсем потемнело, в ушах звон колокольный. Не видит он поезда и не слышит шума, одна мысль в голове: «Не устою, упаду, урон. Флаг, пройдет поезд через меня... Помоги, Господи, пошли смену...»

И стало черно в глазах и пусто в душе, и выронил он флаг. Но не упал он на землю, чья-то рука подхватила его и подняла высоко навстречу подходящему поезду. Машинист увидел его, закрыл регулятор и дал контрпар. Поезд остановился.

Выскочили из вагонов люди, сбились толпою. Видят: лежит человек весь в крови, без памяти, другой возле него стоит с кровавой тряпкой на палке.

Обвел Василий всех глазами и опустил голову.

— Вяжите меня, это я рельс отворотил...

1887 г. □

Анатолый Тшеничный

До связи

В какой мы такой ипостаси
Опять пребываем с тобой?..
— До связи, родная, до связи.
— До связи, до связи, родной...

И может быть, дней через
тридцать,
А может, и все сорок пять
Безумная ночь повторится,
Чтобы раствориться опять...

Не ревность, не зависть,
не гадость
Рассказов, кто глуп или плох...
Одна только нежность и радость
На каждые выдох и вдох.

Вот так — друг у друга в запасе —
Спасаем инстинкт основной...
— До связи, родная, до связи.
— До связи, до связи, родной...

Куда уходят матери от нас?..

Вы сбавьте шаг, когда идете мимо
Простых оград, где крестик
да трава...

Любовь и мама —
Так неразделимы
Простые эти, добрые слова!

Нам не до писем.
Мы — как телеграммы —
Туда-сюда...
Не помня до поры,
Что не было бы без
любви и мамы
Ни нас самих, ни нашей
детворы,
Ни сладких снов на
золотом восходе,
Ни лучших слов с росинками
у глаз...

А все-таки — куда они уходят?
Куда уходят матери от нас?

Средь миллионов или
миллиардов
Лучистых звезд, сигналищих
во мгле,
Я точно знаю — матушкиным
взглядом
Горит одна —
И тянется к земле!

Она горит, она не умирает,
Чуть отдохнет и запылает вновь...

Нам наши мамы землю
согревают,
Чтобы на ней не кончилась
любовь!

***

Вспомню, назад оглянувшись,
Вспыхнувший лед колеи:
К санкам, едва прикоснувшись,
Губы примерзли мои...

Бился я в бабкины ставни,
Вымолвить слова не мог...
Что ж не усвоил я давний,
Памятный этот урок!

Женщину встретил...
Иль в спину
Ветер меня к ней толкал?
Знал ведь,
Что насмерть пристыну,
А все равно —
Целовал.

Княгиня-свобода

Денис
Логинов

«...если сегодня
Красный Крест
охватывает мир,
то это благодаря
примеру, поданному
во время войны
в Крыму
Ее Императорским
Высочеством
Великой княгиней
Еленой
Павловной...»

*Анри Дюнан, основатель
Международного Комитета
Красного Креста,
из письма Российскому
обществу Красного Кре-
ста (1896 г.)*

*Владимир Иванович Гау
(1816—1895). Портрет
Вел. княгини Елены
Павловны, 1840 г.*

Великая княгиня, особа царской крови, терпела, страдала, огорчалась, теряла не меньше, чем любая другая обычная женщина.

Похоронила четверых детей из пяти.

Двадцать шесть лет прожила рядом с человеком, у которого был сложный характер, и который не всегда ее принимал и понимал.

Любила того, кто не мог ответить ей взаимностью, а лишь выражал сердечное, хоть и глубочайшее, уважение.

Без нее создание в России «Красного Креста» произошло бы значительно позже и в гораздо более скромных масштабах.

А она была всего лишь супругой младшего брата императора Николая I Михаила. Но стала одной из наиболее ярких представительниц Дома Романовых. Великая княгиня Елена Павловна, урожденная принцесса Вюртембергская...

28 декабря 1806 года в семье принца Вюртембергского Пауля Карла Фридриха и его супруги Шарлотты, урожденной принцессы Саксен-Хильдбургхаузен, родился первенец — девочка, названная Фредерика Шарлотта Мария. Она приходилась двоюродной племянницей королеве Вюртембергской Екатерине, в девичестве — великой княгине Екатерине Павловне, любимой сестры императора Александра I.

В отличие от остальных бесчисленных немецких принцесс, Шарлотта получила образование в Париже, в аристократическом пансионе мадам Кампан, куда ее вместе с младшей сестрой Паулиной отдал отец, ненавидевший чинную, затхлую Германию и ее методы воспитания детей.

Пансион мадам Кампан славился во всей Европе своим систематиче-

ским и разумным воспитанием девушек и высоким профессионализмом преподавателей, что в то время было большой редкостью. Равно как и присутствие в числе воспитанниц особ царской крови. Но именно в пансионе Шарлотта близко подружилась с сестрами — графинями Вальтер, родственницами знаменитого зоолога Кювье, бывшего в это время директором Ботанического сада, а затем познакомилась и с ним самим. Долгие беседы с великим ученым, его рассказы и указания, размышления о разнообразных явлениях природы стали благотворной школой для умственного и нравственного развития девушки. А оживленная переписка с Кювье будет продолжаться еще очень долго.

В пансионе Шарлотта, впрочем, пробыла всего несколько лет. Ког-

да ей исполнилось пятнадцать, на юную родственницу обратила августейшее внимание вдовствующая императрица Мария Федоровна, которая искала невесту для своего младшего сына — великого князя Михаила. Официальное предложение родителям Шарлотты сделал по просьбе матери сам император Александр I. А в 1816 году великий князь Михаил отправился в Штутгард — знакомиться со своей нареченной. Ему и в голову не приходило противиться выбору маменьки, так что к невесте он отнесся равнодушно-любезно, как к некоей неизбежности. Никаких романтических и нежных чувств к хрупкой шестнадцатилетней красавице жених не испытывал.

Не пришли эти чувства и год спустя, когда, встречая свою будущую жену на границе России, великий князь, по свидетельству современников, «забывая о всякой осторожности, обнаруживал свою холодность, или, скорее, отвращение к новому положению, которое ему предстояло». Но кто принимал в расчет чувства при заключении династических браков? Их, в лучшем случае, придумывали...

Хотя равнодушным к юной принцессе остался только ее жених — остальные были очарованы будущей великой княгиней.

«Государыня Мария Федоровна встретила ее за две или три станции. Похвала об ней единогласна. Всех без изъятия она с первого глаза пленила! Представь себе девицу шестнадцати лет, приехавшую к такому

пышному двору, ... и к которой через полтора часа по выходе из кареты подводят одного за другим человек двести, с которыми она со всяким молвит по приличности каждого».

«Она с представленными ей особами разговаривала о предметах или приятных для них, или составляющих их занятия; таким образом, с Карамзиным говорила о русской истории, с Шишковым о славянском языке, с генералами о сражениях и походах, в которых они находились или наиболее отличились. Видно было, что она приготавлилась к тому, что всякому из них говорить приличнее, но и самое сие приготовление доказывает ее благоразумие, что она старалась в новом отечестве своем снискать с первого шага повсеместную любовь».

«Она как феномен обратила на себя единодушное внимание всех и более месяца составляла предмет общих разговоров; я не видел ни одного человека из представленных ей, который бы не отзывался с восхищением об уме ее, о сведениях ее и любезности. ...во время приезда ее в наше отечество зависти и злословия, избравшие предпочтительно пребывание свое при дворах, умолкли...»

Столь же сильное впечатление произвела принцесса и на императорскую фамилию. После знакомства с Шарлоттой императрица Елизавета Алексеевна так отозвалась о ней в письме:

«Это интересный и приветливый ребенок. Дай Бог, чтобы она оста-

лась такой, какова она сейчас. Это обычный припев единодушным похвалам, которые она заслуженно вызвала среди высшего общества, собравшегося в Гатчине. Я не встретила никого, кто бы ни заканчивал своего отзыва о ней словами: только бы ее не испортили...»

Принцесса прибыла в Россию 30 сентября 1823 года, а 5 декабря приняла православие и была наречена Еленой Павловной, в честь одной из сестер своего жениха. На следующий день состоялась церемония обручения. «Интересный и приветливый ребенок» стал официальной невестой человека, личность которого была, мягко говоря, своеобразной. В свои двадцать четыре года великий князь Михаил сочетал в себе самые, казалось бы, не сочетаемые черты характера: при отсутствии глубокого образования, слыл одним из самых остроумных людей Петербурга, вспыльчивость и солдафонство маскировали его доброту и нежность.

К этому следует добавить полное отсутствие тщеславия и каких бы то ни было притязаний на российский трон. Хотя его старший брат, император Александр I, уже был в это время серьезно болен, вопрос о престолонаследии оставался как бы подвешенным в воздухе.

Именно из-за болезни императора бракосочетание Михаила и Елены 8 февраля 1824 года было скромнейшим. Ни пышной церемонии венчания, ни шумных балов. Великая княгиня Елена Павловна стала чле-

ном императорской семьи очень тихо, почти незаметно. Впрочем, будучи по природе скромной и не заносчивой, новоиспеченная великая княгиня не придала этому ровно никакого значения: она искренне верила в то, что браки совершаются на небесах, и что ее главное предназначение — быть любящей и преданной женой, а затем — матерью.

Елена Павловна оказалась самой младшей в семье Романовых не только по положению, но и по возрасту. И, на удивление всем, так смогла поставить себя, что в очень короткое время завоевала расположение практически всех своих новых родственников.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна искренне полюбила младшую невестку, пожалуй, даже нежнее, чем жену своего любимца Николая. Но удивительнее всего то, что Елена Павловна стала, пожалуй, единственным во всей императорской фамилии человеком, который завоевал дружеское расположение императрицы Елизаветы Алексеевны. И добилась она этого очень простым способом: искренним уважением к женщине, которой двор почти откровенно пренебрегал.

Гораздо более сложными были отношения Елены Павловны с мужем: столь непохожих людей трудно себе представить. Естественно, полная противоположность их характеров, воспитания, вкусов и мнений не обещала счастья в браке: великий князь Михаил Павлович, человек в значительной степени уступающий

своей супруге в уме и образованности, не сумел найти с ней взаимопонимания и нередко приносил ей огорчения.

Тем не менее, через год после свадьбы у великокняжеской четы родился первенец — дочь Мария, названная в честь августейшей бабушки. И в том же 1825 году супруги получили собственную резиденцию — Михайловский дворец, постройка которого длилась целых шесть лет. К сожалению, им удалось очень недолго пожить в тишине и спокойствии нового дворца — на императорскую семью обрушились тяжелые испытания.

В конце 1825 года, внезапно, в далеком Таганроге скончался император Александр Павлович. Великий князь Михаил как раз в это время гостил в Варшаве у другого брата — цесаревича Константина. Он примчался в Санкт-Петербург 3 декабря с письмом, в котором Константин отказывался от престола, но этого оказалось недостаточно. Через день Михаилу Павловичу пришлось возвращаться в Польшу, дабы уговорить брата лично прибыть в столицу.

Тщетно. Константин Павлович всю жизнь, как от чумы, бегал от возможности стать российским императором. «Еще придушат, как батюшку», — повторял он время от времени. Так что Михаил вернулся в столицу один и принял самое активное участие в подавлении мятежа. Личным присутствием восстановил порядок в артиллерийских казармах, а затем, узнав о возму-

щении подшефного ему Михайловского полка, навел порядок и там, а затем привел верный полк на Сенатскую площадь.

Великий князь чудом избежал участи генерала Милорадовича: в него стрелял Вильгельм Кюхельбекер, никогда не отличавшийся особой меткостью. Кюхельбекер был фактически обречен на повешенье вместе с пятью другими декабристами, но его спасло личное вмешательство... великого князя Михаила Павловича, чье «ходатайство в истинно христианском духе» произвело на судную комиссию неизгладимое впечатление. Кюхельбекер отправился даже не на каторгу — в ссылку, одетый в шубу, подаренную ему его же спасителем. Об этом историки как-то стыдливо умалчивают, предпочитая напирать на «неслыханную по жестокости расправу» над мятежниками.

Более того, Михаил Павлович отказался поставить свою подпись под приговором, несмотря на настойчивые просьбы брата-императора. А для этого требовалось незаурядное мужество, которое великий князь уже проявил во время противостояния на Сенатской площади. Мужество и христианское милосердие... Примечательно, что Николай I никогда не видел в своем младшем брате соперника, поскольку хорошо знал его честность и благородство.

Знала это и его супруга, хотя для нее самой времена были очень нелегкие. Вслед за Александром Павловичем также неожиданно ушла из

жизни его вдова — Елизавета Алексеевна. Через несколько месяцев, 14 мая, Елена Павловна родила вторую дочь, названную в честь любимой, увы, уже покойной, невестки. И постоянно поддерживала мужа и свекровь, которые тяжело переносили выпавшие на их долю испытания.

Вдовствующая императрица скончалась в 1828 году, со спокойной душой передав в управление двадцатидвухлетней Елене Павловне управление своими любимыми благотворительными учреждениями — Повивальным Институтом и Мариинской больницей. Вообще-то, следовало передать ведомство всеми так называемыми «мариинскими заведениями» императрице, супруге Николая Павловича. Но та была бесконечно далека от вопросов благотворительности, а вот великая княгиня Елена, «мадам Мишель», как называли ее, полусерьезно, близкие...

«Зная твердость и доброту характера своей невестки, я убеждена, что в таком случае институты будут всегда процветать и приносить пользу государству», — написала в своем завещании Мария Федоровна. И не ошиблась в выборе преемницы.

Елена Павловна родила еще трех дочерей, но, уделяя детям достаточно много внимания, живо интересовалась и тем, что происходит в мире. Ее занимало буквально все — от русской литературы до энтомологии, от статистики до агрономии. Самые известные профессора со всех факультетов Петербургского Университета

Жозеф-Дезире Кур. «Портрет Великой княгини Елены Павловны»

приглашались читать ей лекции. Нелыханное занятие для дамы, занимавшей второе место в придворной иерархии!

Поэт В.Ф.Одоевский писал:

«Все ее интересовало, она всех знала, все понимала, всему сочувствовала... она вечно училась чему-нибудь».

Но мало кому известно, что первое полное собрание сочинений Гоголя было выпущено после его смерти на средства великой княгини. Давным-давно забылось и то, что именно она перевезла из Италии в Петербург монументальное полотно уже смертельно больного Иванова «Явление Христа народу» и сделала с него фотокопии, стоившие в то время очень дорого. Она покровительствовала Брюллову и Ай-

вазовскому. Ученый-путешественник Миклухо-Маклай посвятил ей свои исследования о Новой Гвинее.

Николай I говорил:

«Елена — это ученый нашего семейства; я к ней отсылаю европейских путешественников. В последний раз это был Кюстин, который завел со мной разговор об истории православной церкви; я тотчас отправил его к Елене, которая расскажет ему более, чем он сам знает».

Он неизменно отсылал к великой княгине посещавших Россию иностранных ученых и мыслителей, уверенный, что Елена Павловна произведет на них самое благоприятное впечатление. Николай I не всегда одобрял и понимал действия своей невестки, но, бесспорно, уважал ее как личность. Она не только была энциклопедически образованна, но обладала умением достойно держать себя в любых ситуациях, прямою и одновременно необыкновенным тактом в общении с окружающими.

Вот как вспоминает о великой княгине дочь Николая I, великая княжна Ольга Николаевна:

«Наша тетя Елена находила, что мы живем слишком замкнуто среди одинаково мыслящих, ни одна новая идея не проникает к нам и нас нужно бы несколько встряхнуть в нашем девичьем спокойствии. В один прекрасный день она услышала, как мы поем припев одного романса о том, что только озаренный любовью день прекрасен, и спросила нас, понимаем ли мы смысл этих слов. Последовали один за другим вопросы, из которых

стало ясно, насколько мы слепы и далеки от жизни. Приобщением к светской жизни, конечно, я обязана ей».

Увы, все это резко выделяло Елену Павловну среди других членов семейства Романовых, в окружении которых она часто чувствовала себя чужой. Не составив исключения и ее супруг, обронивший однажды:

— Я простил ее за то, что она была отдана мне в жены.

Невнимание Михаила к жене шокировало даже его далеких от сантиментов братьев. Так в мае 1828 года Константин Павлович писал брату Николаю:

«Положение Елены Павловны оскорбительно для женского самолюбия и для той деликатности, которая вообще свойственна женщинам. Это — потерянная женщина, если плачевное положение, в котором она находится, не изменится».

Принцесса была высокообразованной женщиной с широким кругом знаний, великий князь же всего себя посвятил делам армии. О нем говорили, что «кроме армейского устава он ни одной книги не открыл».

Как ни старалась Елена Павловна подлаживаться под вкусы супруга, но, когда дело доходило до принципиальных вопросов, она не всегда умела сдерживаться: по своей горячности даже при посторонних выражала досаду и прекращала разговор, выходя из комнаты. Великий князь по возможности старался избегать общества жены.

Немудрено, что, по воспоминаниям современников, супруги бес-

престанно ссорились, а на вопрос о том, будет ли он отмечать 25-летие со дня своей свадьбы, Михаил Павлович ответил:

— Я подожду еще пять лет и тогда отпраздную годовщину моей тридцатилетней войны.

Добрый по своей сути человек, Михаил Павлович был не самым приятным в общении, с манерами невоспитанного холостяка. Впрочем, кое-что общее между ними все-таки было: и великий князь, и великая княгиня широко занимались благотворительностью. Люди, обращавшиеся к Михаилу Павловичу «с просьбой в своих трудах, никогда не получали отказа. В сем последнем отношении рука его была неоскудевающая».

Добро он делал истинно христиански: у него была записная книжка, в которой его высочество отмечал лишь сумму пособий, никогда не называя просителя. Щедрость его доходила до таких широких размеров, что гофмейстер двора его высочества не раз был принужден отказывать великому князю Михаилу Павловичу в выдаче сумм на благотворительность, чтобы привести кассу в порядок.

Возможно, дети были единственным действительно прочным связующим звеном между супругами, но... У великокняжеской четы родились пять дочерей, однако не было сына, о чем они очень жалели. Две младшие дочери — Александра и Анна — умерли в раннем детстве. Вторая дочь, Елизавета, в 1844 г. вышла замуж за герцога Нассау-

ского Адольфа, но меньше чем через год, не дожив до 19 лет, умерла в родах вместе с новорожденной дочерью. На руках у отца, в Вене, через год скончалась старшая дочь, двадцатилетняя Мария. Только Екатерина, вышедшая замуж за герцога Мекленбург-Стрелицкого Георгия, прожила почти семьдесят лет.

После смерти Марии здоровье Михаила Павловича расстроилось, и в 1849 он умер от удара. Его смерть оказалась для Елены Павловны страшным потрясением. Ей исполнилось всего сорок два года, но траур она уже не снимала до конца жизни.

После кончины великого князя количество роскошных балов во дворце сократилось, зато он стал «средоточием всего интеллигентного общества» Санкт-Петербурга. И это способствовало укреплению авторитета Елены Павловны в придворных кругах. За этими приемами закрепилось название «морганатические вечера», и они оказались более притягательными, чем прежние пышные приемы «мадам Мишель».

По четвергам салон Елены Павловны в Михайловском дворце Петербурга посещали самые выдающиеся люди ее эпохи — ученые, политики, государственные служащие, иностранные дипломаты, писатели, художники и музыканты. Согласно этикету, великая княгиня не могла приглашать тех, кто не принадлежал к «высшему обществу», поэтому приглашения рассылались от имени ее фрейлин. Уникальность ее «четвергов» состояла в том, что члены импе-

раторской фамилии встречались на них с лицами, официально ко двору не представленными, и могли услышать мнения, отличные от их собственных. Видный юрист и общественный деятель А.Ф. Кони называл «четверги» в Михайловском дворце основной дискуссионной площадкой, где вырабатывались... планы великих реформ Александра II.

Да-да, один из самых громких реформаторских проектов России был начат по инициативе хрупкой, изящной, царственной дамы. На протяжении многих лет Елена Павловна прочла немало докладов о необходимости и планах крестьянской реформы. В качестве «пробного камня» она освободила крестьян в своем имении Карловка Полтавской губернии. Имение состояло из 9090 десятин земли, 12 селений и деревень, в которых жили более 15 000 человек. План великой княгини предусматривал личное освобождение крестьян и наделение их землей за выкуп. Проект дождался утверждения императором три года, но в 1859 г. был не только утвержден, но и послужил основой для манифеста 1861 г. об отмене крепостного права.

Более того, редакционная комиссия по подготовке отмены крепостного права заседала во дворце Елены Павловны, который, по выражению К.П. Победоносцева, «стал центром, где приватно разрабатывался план желанной реформы, к которому собирались люди ума и воли, издавна замышлявшие и теперь готовившие ее». А.Ф. Кони отводил ей

роль «главной и, во всяком случае, первой пружины» в деле освобождения крестьян.

Петербуржскому обществу все это почти мгновенно стало известно, и Елену Павловну прозвали *Princesse la Liberte* — Княгиня-Свобода. За вклад в подготовку отмены крепостного права Александр II наградил ее золотой медалью «Деятелю реформ». Впервые в России женщина удостоилась подобной чести. Впрочем, это почти мгновенно забылось, заслоненное трагедией убийства царя-освободителя «благодарным народом».

Череда утрат привела к тому, что все больше внимания и средств великая княгиня стала отдавать благотворительности, особенно созданию больниц и повышению уровня знаний врачей. Мариинский и Повивальный институты, переданные под ее попечительство умершей свекровью, очень скоро превратились в совершенно новые заведения — не только для России, а, пожалуй, и для Европы.

Мариинский институт был училищем для девочек из среднего сословия (разночинцев), который готовил воспитательниц и учительниц. Великолепно образованная, Елена Павловна часто посещала институток и присутствовала на экзаменах. Однажды, слушая экзамен по истории, она остановила отвечающую и попросила говорить о темных сторонах российского прошлого «с русским чувством, но правду». Воспитанная во Франции немецкая принцесса со

Великая княгиня Елена Павловна в числе сестер милосердия, середина 1850-х годов

дня свадьбы говорила о себе: «Я — русская» и не терпела лакировки и подтасовок в истории своего нового Отечества.

Повивальный институт был роддомом и школой для акушеров-гинекологов. При нем в 1844 году Елена Павловна открыла первый в России стационар, а в 1845 — первую школу для «сельских повивальных бабок». В 1872 г., пытаясь преодолеть нехватку женских врачей, она разрешила всем врачам, желающим специализироваться в акушерстве и гинекологии, совершенствовать свои знания под руководством профессоров Повивального института. Фактически, отечественная медицина обязана ей возникновением специализаций врачей — до этого были «врачи вообще» или «доктора».

В память об умерших дочерях Елена Павловна основала в 1844–46 гг. Елисаветинскую детскую больницу и детские приюты Елисаветы и Марии в Петербурге и Павловске. Елисаветинская больница стала первым специализированным центром для обучения врачей-педиатров.

С начала 1860-х гг. Елена Павловна заинтересовалась идеей создания лечебного заведения, где молодые врачи могли бы совершенствовать свои навыки, а опытные — повышать квалификацию. По замыслу Елены Павловны и ее личного врача Э.Э. Эйхвальда, первого директора Клинического института, он должен был стать «вольной медицинской школой, не дающей никаких прав, но свято верующей в любовь русских врачей к науке и в

сознательное их отношение к священным задачам врачевания».

Врачи, которые хотели обучиться новейшим достижениям медицинской науки, должны были сами записываться на платные и бесплатные занятия под руководством известных профессоров. В институте преподавалось четыре отделения — терапевтическое, хирургическое, гинекологическое и глазное, а также кафедры патологической анатомии и физиологии. Неимущие больные могли бы лечиться или получить совет бесплатно, остальные — за небольшую плату.

Не могу не заметить, что советская историография обходила гробовым молчанием факт активного участия членов семейства Романовых в развитии системы действительно народного здравоохранения. А ведь все вышеперечисленные медицинские центры (правда, под другими названиями) успешно функционируют и сегодня.

В 1871 г. для создания Клинического института Елена Павловна получила от государства большой участок земли в центральной части Петербурга. В 1873 г. она скончалась, но завещала проекту 75 000 рублей. Ее дочь, Екатерина Михайловна, и Эйхвальд довели замысел Елены Павловны до конца. В 1885 г. «Клинический институт великой княгини Елены Павловны» открыл двери для больных и желающих усовершенствоваться врачей. И продолжает работать до сих пор под названием «Санкт-Петербургская медицинская

академия последипломного образования». Интересно, витает ли в коридорах академии светлая тень Великой княгини Елены Павловны?

А ведь ей Россия обязана еще и тем, что великий хирург, спасший тысячи человеческих жизней, остался на родине, а не эмигрировал. Речь идет, конечно же, о Николае Ивановиче Пирогове, с которым великая княгиня познакомилась в 1848 году, когда он вернулся в Петербург с Кавказской войны.

На Кавказе Пирогов открыл новый способ лечения переломов — фиксирование поврежденной части тела через обвертывание смоченными в крахмальном растворе бинтами (во время Крымской войны он вместо крахмала стал использовать гипс). Когда Пирогов явился с докладом о своем открытии к военному министру Чернышеву, тот, даже не выслушав доклад, накричал на него за нарушение формы одежды.

По Петербургу пронесся слух о том, как Чернышев приструнил «проворного резаку». Пирогов вспоминал:

«Я был так рассержен, что со мной приключился истерический припадок со слезами и рыданиями».

Он решил подать в отставку и уехать навсегда в Германию. Елена Павловна не была знакома с Пироговым лично, но, услышав о происшедшем, пригласила его в свой дворец.

«Великая княгиня возвратила мне бодрость духа, она совершенно успокоила меня и выразила своей любознательностью уважение к знанию, входила в подробности моих занятий

на Кавказе, интересуясь результатами анестезий на поле сражения. Ее обращение со мной заставило меня устыдиться моей минутной слабости и посмотреть на бестактность моего начальства как на своевольную грубость лакея».

Пирогов остался в России, а когда в 1853 г. началась Крымская война, обратился к Елене Павловне с просьбой помочь ему добыть разрешение отправиться на фронт. Он был профессором петербургской Медико-Хирургической Академии, и несколько месяцев Николай I отказывал в его просьбе. Великая княгиня помогла ему, а затем...

Когда Елена Павловна на одном из своих «четвергов» предложила организовать отряды сестер милосердия, которые оказывали бы помощь раненым на поле боя, начинание не было воспринято всерьез. Очень многие считали отправление женщин на фронт, в лазареты к раненым мужчинам неприличным и неприемлемым. Сам Николай I был уверен, что женщинам в армии не место, но совместными усилиями Пирогов и Елена Павловна склонили его на свою сторону.

Тем более, что существовал прецедент: с 1814 года в Мариинской больнице Петербурга врачам помогали сердобольные женщины из Вдовьего дома. «Должность эта не многосложна, но важна для страждующих и требует хорошего рассудка и много терпения», — говорилось в больничной инструкции.

Пирогов предложил Елене Павловне взять на себя организацию по-

добной службы для фронтовых условий. Елена Павловна написала воззвание ко всем русским женщинам, не связанным семейными обязанностями, с призывом вступать в ее общину, сестры которой будут помогать больным и раненым в Крыму.

(До конца своих дней Пирогов возмущался, что основательницей сестринского дела считается Флоренс Найтингейл, прибывшая на крымский фронт через год после того, как великая княгиня Елена Павловна основала там свое, российское сестричество).

25 октября 1854 года Устав Крестовоздвиженской общины сестер милосердия был утвержден, а 5 ноября на фронт отправился первый отряд из 35 сестер. Перед отправлением Елена Павловна надела каждой из них эмблему общины — красный крест на андреевской ленте с надписями: «Возьмите иго мое на себя» и «Ты, Боже, крепость моя». Выбор надписей Елена Павловна объяснила так:

«Только в смиренном терпении крепость и силу получаем мы от Бога».

По мысли Елены Павловны, работа Крестовоздвиженской общины должна была стать примером христианского служения ближнему. Д.А. Оболенский в книге «Мои воспоминания» писал:

«Главная ее забота заключалась в том, чтобы дать общине тот высоко религиозный характер, который, воодушевляя сестер, закалял бы их для борьбы со всеми физическими и нравственными страданиями».

Всего в Крым отправилось около трехсот сестер милосердия. Они помогали при операциях, ухаживали за больными, утешали умирающих, следили за питанием и одеждой больных. Почти все они переболели тифом и другими эпидемическими болезнями, были ранены и контужены, семнадцать из них умерли. Несмотря на страшные вести, приходившие с театра военных действий, Елена Павловна горько сожалела о том, что высокое положение не позволяет ей лично принять участие в заботе о раненых на фронте.

После войны 80 сестер Крестовоздвиженской общины решили не возвращаться домой, а продолжать жить в общине, для которой Елена Павловна нашла помещение и написала новый Устав. При общине открылась больница для самых бедных петербуржцев, лечебница для приходящих больных с бесплатными лекарствами и двухклассная школа с бесплатным обучением, учебными пособиями и обедом для 30 девочек.

Сестры ухаживали за больными в больницах Санкт-Петербурга и Кронштадта. Все расходы общины великая княгиня взяла на себя.

Крестовоздвиженская община послужила прообразом созданного в 1867 г. Общества попечения о раненых и больных воинах, переименованного в 1879 г. в Российское общество Красного Креста.

Портрет великой княгини был бы неполным без упоминания об ее огромной страсти и тайной любви.

Но подлинной страстью Елены Павловны была... музыка.

Будучи еще совсем юной, она увлеклась музыкой Моцарта, Бетховена, Вагнера, Шумана. С некоторыми выдающимися композиторами того времени она была знакома лично. Увлечение музыкой сохранилось у нее на всю жизнь.

Ее тяга к музыке наиболее ярко проявилась после того, как она окончательно переехала в Петербург... Музыкальные концерты в императорской семье стали частым явлением. По вечерам все великие княжны занимались музыкой. Почин этот, по признанию великой княжны Ольги Николаевны, «исходил, по большей части, от Мама и тети Елены».

Раз в году, во время великого поста, в городе по их инициативе устраивались публичные концерты с привлечением оперного хора, на которых исполнялись оратории Бетховена, симфонии Шумана и другие, еще не известные публике музыкальные произведения. На эти концерты приглашались все, кто любил музыку.

В Михайловском дворце постоянно устраивались музыкальные вечера, на которые приглашались и русские, и зарубежные музыканты и композиторы. Для того, чтобы привлечь к музыке молодых людей, великая княгиня устраивала музыкальные вечера для молодежи с живыми картинами, в которых принимали участие сами приглашенные.

Елена Павловна за свой счет организовывала концерты известных музыкантов для широкой аудитории, и

ей Россия обязана созданием первой в России консерватории в 1858 г. Поначалу классы консерватории размещались в ее дворце, затем им нашли отдельное помещение. Композитор Антон Рубинштейн вспоминал:

«Другой, равной ей, я ни прежде, ни после в ее положении не знавал».

Она превосходно освоила русский язык, в подлиннике прочитала «Историю государства Российского» Карамзина. По выражению писателя В.Ф. Одоевского, «она вечно училась чему-нибудь». Великая княгиня следила за новинками русской литературы, была большой поклонницей таланта Гоголя, ее внимание привлекали споры славянофилов с западниками. Но больше всего она любила поэзию, а нежнее всех — поэта Федора Ивановича Тютчева. Хотя об этом никто не догадывался.

Камергер, дипломат и поэт, Федор Иванович имел свободный доступ на дворцовые приемы, и на одном из них в сороковых годах познакомился с Еленой Павловной. Чувство взаимной симпатии зародилось мгновенно, и с годами переросло в прочную и нежную привязанность. Тридцать с лишним лет они хранили эту тайну, встречаясь лишь от случая к случаю на балах и приемах. Лишь к концу жизни Елена Павловна смогла позволить себе иногда принимать старого друга в своей гостиной без посторонних.

Последняя их встреча была перед Рождеством 1873 года. О чем они говорили, признались ли, наконец, друг другу в своих чувствах —

*Винтерхальтер, Франсуа Ксавье.
«Портрет великой княгини
Елены Павловны»*

известно. Дневники Елены Павловны все еще никем не прочитаны, письма — не изучены. Она скончалась 9 января, спустя два дня после встречи с Тютчевым, а полгода спустя не стало и поэта.

История милосердно отнеслась к Тютчеву и была чрезмерно сурова к Великой княгине Елене Павловне, мадам Мишель, Княгине-Свободе. О ней почти забыли. А ведь она сделала для России столько, сколько мог бы сделать только незаурядный человек огромной души и светлого ума.

Увы, она была «одной из Романовых», а значит, в советской историографии для нее просто не нашлось места. Но когда-то ведь нужно начинать восстанавливать разрушенное! □

Варвара Клюева

ЧЁРНЫЙ ЮМОР

САНТА-КЛАУСА

Я и не знала, что из человека может вылиться столько слез. Нет, конечно, моего незаконченного медицинского образования хватило усвоить, что мы на 75 процентов состоим из воды. Но ведь не может же вся она выйти слезами! Какую часть веса теряет женщина, если три часа подряд плачет навзрыд? И не грозит ли ей — то есть мне — смерть от обезвоживания?

Эта мысль так меня напугала, что я даже сунула руку под шубейку и осторожно себя ощупала. Очевидный идиотизм этого жеста неожиданно положил конец рыданиям и вызвал приступ нервного смеха. Я стояла в новогоднюю ночь на пустынной дороге, прорезавшей черную лесополосу, и сотрясалась в пароксизме неуместного веселья.

Именно в эту минуту меня осветили фары машины, показавшейся из-за поворота.

«На «Дачи» едут, — мелькнуло в голове. — Хотя бы подобрали, полпути подвезли бы. Но нет, наверняка не остановятся. Торопятся. До Нового года осталось всего ничего...»

Не особенно надеясь на успех, я все же махнула рукой.

— Куда вам, девушка?.. Алька, ты?! Черт подери, вот так фокус!!!

— Боря?! Евграфов?

Я представила себе, как должна выглядеть после трехчасового «рыдального марафона», и подумала, что у Санта-Клауса нынче на редкость

пакостное чувство юмора. Преподнеси мне в подарок встречу с бывшим однокурсником, насмешником и язвой, когда мою физиономию можно смело перепутать с фрагментом утопленницы не первой свежести, способен только циник и женоненавистник. Точнее, ненавистник вашей покорной слуги — несостоявшегося врача, несостоявшейся жены, глубоко несчастной бабы со старомодным именем Алевтина. Но дареному коню в зубы не смотрят.

— Мне тебя сам Бог послал! Довези, родной, до Захаровки. На машине тут не больше десяти минут, ты как раз успеешь к Новому году, если на «Дачи» едешь, а пешком мне часа полтора топтать.

— Не вопрос, подруга! — Борис выскочил из машины и распахнул передо мной дверцу. — Садись!

Я нырнула в салон, и только тут обнаружила, что у Бориса есть попутчик. Слева сзади восседал невыразимой красоты брюнет и неприязненно разглядывал меня в зеркальце заднего вида.

— Вынужден остановить твой прекрасный порыв, Боб, — мрачно произнес красавец, когда Борис уселся на водительское место. — Мы не можем подвезти твою знакомую до Захаровки. После «Дач» дорога отвратительна. Твоя «ауди» застрянет в первой же колдобине. А Ольга не простит нам...

— Юра, выйдем-ка на два слова, — перебил его мой спаситель. — Алечка, извини, мы на минуту!

— Борь, все в порядке, не надо время попусту терять. Довези меня до «Дач», и я буду обязана тебе по гроб жизни. Оттуда совсем недалеко.

— Айн момент, детка! Мы все уладим. Юрик, быстро на выход! Или мне тебя силком вытащить?

Учитывая, что Юрик был атлетически сложен, а Борис худосочен и мелок, угроза выглядела смешно, но красавец, проворчав нечто невнятное, выбрался из машины и поплелся за Борисом в темноту. Я сидела как на иголках, изнывая от неловкости и нетерпения. К счастью, недолго. Минут через пять они вернулись в машину, причем настроение брюнета явно изменилось к лучшему. Во всяком случае, он предпринял довольно успешную попытку улыбнуться.

— Аль, ты извини, но мы и впрямь можем застрять в пути, — заговорил Борис, трогая машину с места. — У меня к тебе предложение. Мы сейчас заедем на полчаса в гости к хорошим людям... Погоди, дай досказать! Выпьем по глотку шампанского, поздравим их, а потом я одолжу джип и мигом домчу тебя до твоей Захаровки. Ну, не упрямясь, детка! Ты все равно попадешь туда раньше, чем пешедралом, а я не стану последним негодяем, бросившим девушку в беде. Соглашайся, подруга!

— Неудобно, Борь! Хорошие люди не обрадуются, если ты за несколько минут до полуночи притащишь к ним в дом незнакомую тетку...

— Клянусь, они будут счастливы! Юрий не даст соврать, а он у хозяйки самая что ни на есть «персона грата». Практически — жених.

— Правда, Аля, это хороший вариант, — включился «жених». — Ольга всегда рада гостям, а нам не придется мучиться угрызениями совести.

Я задумалась. Предложение не слишком мне нравилось. Бориса я недолюбливала за острый язык и — не знаю, как точнее назвать это свойство, — некую душевную вертлявость, намекающую на внутреннее родство с Иудушкой Головлевым. К тому же, так называемые «Дачи» принадлежали нуворишам. Не настолько богатым и влиятельным, чтобы приобрести недвижимость на Рублевском шоссе, но достаточно состоятельным, чтобы построить шикарными особняками Подмосковную Швейцарию. И, что бы там ни пел красавец-брюнет, вряд ли эта публика примет с распростертыми объятиями приبلудную медсестру, заглянувшую на огонек в новогоднюю ночь.

С другой стороны, Борис как будто искренне мне рад, да и Юрий больше не смотрит букой. А я уже бог знает сколько лет не выбиралась в свет. Даже позабыла, как приличные люди Новый год празднуют. И на особнячок нуворишей охота взглянуть изнутри. Будет потом, что маме с Настей рассказать. Все равно мои родные не ждут меня раньше часа — я уже позвонила маме, рассказала и о лахудре-Верке, опоздавшей на дежурство, и об отмененной электричке.

— Ладно, уговорили! — сказала я, откидываясь на спинку сиденья. — Но только на полчаса, не больше!

До «Дач» мы домчались мигом. Борис только и успел, что спросить меня, как я дошла до жизни такой, выслушать горестную повесть о вероломстве моей сменщицы и сообщить, что он стал кардиологом и работает в известной московской клинике.

Пока я, сражаясь с приступом горькой зависти, выражала свое восхищение, мы подъехали к высоким чугунным воротам, створки которых поехали в стороны по первому же сигналу гудка. Из ворот вышел мужик в бараньем тулупе, нагнул к слегка опущенному водительскому окошку и предложил:

— Поезжайте прямо к парадному, Борис Верленович. Я потом отгоню машину в гараж.

— Нет-нет, Михалыч, я сам поставлю. А ты ступай к себе, разливай шампанское, не то куранты прозеваешь.

Машина вползла в ворота, обогнула трехэтажный особняк и остановилась у двери встроенного гаража.

— Юр, проводи Алечку в дом. Я только поставлю тачку и присоединюсь.

Красавец-брюнет вышел из машины, открыл мою дверцу и галантно подал мне руку. А потом медленно и бережно, словно я была девяностолетней старушенцией, повел меня к крыльцу особняка. Судя по напряженной физиономии, любезность давалась ему не без труда, но он мужественно ее источал:

— Аля, ради бога, простите меня за первую реакцию на ваше появление. Вы очаровательная девушка, и я искренне рад вашему обществу. Я был немного не в себе. Неожиданные осложнения, знаете ли. Мы с Ольгой и ее сыном собирались встретить Новый год втроем, в узком семейном кругу, так сказать. А потом позвонила дочь Ольги и сказала, что приедет со своим молодым человеком. Они не очень-то ладят — я имею в виду мать с дочерью. Вита была любимицей отца и всегда брала его сторону, несмотря на его многочисленных любовниц. А меня она ненавидит — особенно теперь, после смерти отца. Ведет себя, как полоумный Гамлет. «Мужних сапог не износила...» и все такое. Я хотел уехать, но Ольга воспротивилась. Ко всему прочему, в гости napросился приятель ее покойного мужа, и это еще больше все осложняло. Словом, назревал скандал, и я упросил Боба приехать, разбавить нашу компанию. Боб лечил Ольгиного мужа, и Вита к нему благоволит. Кроме того, он хорошо знаком с тем самым приятелем и вообще умеет разрядить обстановку. Но мы с ним, как нарочно, застряли в пробке и чуть не опоздали. Я извелся, думая, как Ольга справляется одна. А тут еще... — Красавец замялся, сообразив, что любезно закончить фразу с таким началом будет непросто.

— А тут еще на вашу голову свалилась незнакомка со своей просьбой немедленно отвезти ее к черту на кулички! — пришла я на помощь. — На вашем месте кто угодно обратился бы в огнедышащего дракона.

Юрий остановился, развернул меня к себе и прижал мою руку к левому лацкану своего роскошного костюма.

— Вы так хорошо понимаете меня, Аля! Скажите, что прощаете, что не сердитесь на меня.

Я внезапно почувствовала себя героиней мексиканского сериала, перенесенной в чуждый пейзаж среднерусской полосы. Меня почти что сжимал в объятиях смуглый черноокий красавец, страстно шепча нетленные штампы из дамских романов. Помотав головой, дабы стряхнутьनावждение, я довольно бесцеремонно вырвала руку и скомандовала:

— Идемте же, Юрий! Или вы предлагаете встретить Новый год в этих кустах?

Двусмысленность последней фразы дошла до меня только на ступенях крыльца. Но я даже не успела покраснеть и удариться в объяснения, ко-

торые бесповоротно смутили бы нас обоих, потому что мы уже пришли. Юрий распахнул массивную (и совершенно бесшумную) дубовую дверь и отступил, пропуская меня вперед. Щурясь от яркого света, я вступила в холл и краем уха уловила чей-то шепот:

— Ольга, нам ее сам Бог послал! Говорю тебе...

— А вот и мы! — громко объявил Юрий, прервав интим.

Я посмотрела туда, откуда донесся шепот, и увидела вездесущего Бориса в обществе прекрасной дамы без возраста — ходячей рекламы западной пластической хирургии. Лицо дамы выражало странную смесь плохо сочетаемых чувств: растерянность, надменность и какое-то звериное любопытство.

— Знакомьтесь, девочки, — бодро сказал Борис, не позволив паузе затянуться. — Это Алевтина, подруга моей суровой юности, это Ольга, наша прекрасная и очень гостеприимная...

— Мама! — Раздвижные двери разъехались в стороны, открывая вид на вторую половину огромного холла, величественную лестницу и сердитую смазливую девицу. — Мы сегодня сядем за стол, или ты собираешься всю ночь обжиматься по углам?

Подумав, что эта реплика гораздо убойнее, чем моя про кусты, я утешилась и, пока мать выговаривала дочери за вульгарность, позволила себе немного оглядеться. Первым мне на глаза попался расхлябанный юнец, который выделывал на лестнице замысловатые па и гримасничал за спиной невысокого крепыша лет тридцати, чей простецкий облик совершенно не вязался с интерьером особняка. «Сын хозяйки и бой-френд малышки Виты», — догадалась я и подняла взгляд к верхней площадке лестницы, где стоял, опираясь на балюстраду, еще один джентльмен.

Увидев его лицо, я почувствовала, как голова моя стремительно пустеет, а ноги, напротив, наливаются чугуном. Ибо в означенном джентльмене я узнала Влада Карского — человека, разбившего мою жизнь и мою мечту стать врачом, а, по совместительству, — мою первую любовь и отца моей дочери.

— Алька! Тебе плохо? — Злодей Борис бросился ко мне и успел-таки предотвратить мое падение. — Девочки, нашатырь, быстрее!

Юрий и крепыш поспешили к нам, помогли Борису устроить меня на одном из диванчиков, юнец же с интересом разглядывал сцену со своего места на лестнице.

Карский стремительно подался вперед, словно собирался спрыгнуть с площадки в холл, потом повернулся, бросил Борьке через плечо: «Ну, ты и подлец, Евграфов!» — и исчез в глубине дома.

— Анна! Анна! — совсем не аристократично заголосила Ольга.

— Ты чего орешь? — раздраженно спросила Вита. — Сама же отпустила слуг на ночь!

— Тогда сбегай наверх, принеси нашатырь!

— А где он?

— Откуда я знаю!

— У меня в сумке, — прошелестела я, указав глазами на упавший баул. — Там аптечка...

Через две минуты приступ слабости был ликвидирован.

— Может, вам полежать? — заботливо предложила хозяйка, утратившая большую часть своей надменности.

— Ни в коем случае! — категорично отказался за меня Борис. — Я как врач настоятельно рекомендую веселое застолье, глоток-другой крепкого спиртного и основательную закуску. Ты когда в последний раз ела, подруга?

— Не помню. Отвали, Борька! Знать тебя не желаю! Почему ты меня не предупредил?!

— Потому что иначе ты не согласилась бы сюда приехать!

— Все это очень трогательно, господа, но до Нового года осталось три с половиной минуты! — провозгласил юнец с лестницы.

И мы дружно, со всей возможной прытью, бросились к праздничному столу.

Боюсь, в тот вечер я была отвратительным компаньоном. Хозяйка деликатно усадила Влада подальше от меня, но я тарасилась на него, не видя и не слыша ничего вокруг. Влад, напротив, избегал смотреть в мою сторону. Поначалу он был угрюм и молчалив, потом выпивка сделала свое дело, и я узнала веселого бесшабашного мальчишку, которого когда-то любила.

Влад Карский был самым обаятельным парнем на нашем курсе. Я верить не могла своему счастью, когда он начал за мной ухаживать. Мне все казалось, что произошла какая-то ошибка, что однажды мой возлюбленный — профессорский сын и всеобщий любимец — посмотрит на меня внимательно, разглядит, наконец, не шибко красивую деревенскую девицу вполне заурядных способностей, и сказка кончится. Но наш роман, при всей его фееричности, оказался живучим, и на исходе второго года я поверила, что мы будем вместе всегда.

Тут-то все и закончилось. Финал был банальным до пошлости, но оттого не менее болезненным. Я забеременела и сообщила новость Владу. «Делай аборт», — сказал будущий отец. Сказал так просто и буднично, как будто я пожаловалась на прохудившиеся ботинки, а он посоветовал от-

нести их в починку. Мне удалось сохранить лицо: я не зарыдала, не закатила скандал, не стала ни о чем умолять. Просто покачала головой и ушла. И так же молча уходила всякий раз, когда он пытался выяснять отношения. А потом и вовсе уехала в Захаровку, бросив институт, в который поступала целых три года.

Первое время после рождения Насти я засыпала с учебниками в обнимку, мечтая вернуться в родной вуз, но через три года сдалась. Мама вышла на пенсию по инвалидности, и я осталась единственным кормильцем в семье. Мне еще повезло, что удалось устроиться в частную клинику, где медсестры получают в пять раз больше, чем их коллеги в государственных больницах, не то пришлось бы торговать на рынке. За следующие двенадцать лет Влад ни разу не появился на моем горизонте, не поинтересовался, как нам живется. Не уверена, что он знает, кто у меня родился.

Я смотрела на бывшего возлюбленного и пыталась разобраться в своих чувствах. Любви уже не было точно — она испустила дух в тот злополучный день, когда он вот так запросто распорядился жизнью нашего ребенка. Ненависть и обида тоже давно утихли. Отчего же мне так больно?

Влад рассмеялся и начал выбираться из-за стола.

— Аля, вы идете? — тронул меня кто-то за плечо.

— Что, простите? — Я повернула голову и увидела красавца-брюнета. — Куда иду?

— Вы прослушали, да? — сочувственно улыбнулся Юрий. — Мы решили прогуляться. Игорь привез фейерверки, Павел залил горку...

— Извините, а кто у нас Игорь? И Павел?

Судя по его жалостливому взгляду, шаловливая улыбка мне не удалась.

— Игорь — друг Виты, Павел — сын Ольги, нашей хозяйки.

Я огляделась. Все присутствующие, не считая Бориса, собирались на выход.

— Спасибо, Юрий, но мне пора домой.

Тут Ольга позвала своего кавалера, и вся компания шумною толпою выкатилась из гостиной. Я подошла к Борису.

— Ну, что, предатель, поехали?

Он повернул голову и с трудом остановил на мне расфокусированный пьяный взгляд.

— Не гони, подруга, погоди минутку.

— Да ты, скотина, еще и напился в сосиску!! — Я была вне себя от ярости. — Мало того, что заманил меня в ловушку, довел до обморока, осрамил перед чужими людьми...

— Алечка! — Борис, не вставая, схватил меня за руку и, несмотря на сопротивление, прижал мою ладонь к своей щеке. — Я хотел как лучше. Влад до сих пор не женат. А вдруг вы помиритесь?

— Нет! — Я все-таки вырвала руку. — Я ухожу. Если ты не в состоянии меня отвезти...

— В состоянии. Двадцать минут. Я быстро пьянею, но трезвею еще быстрее.

Я решила, что двадцать минут подожду — за это время компания вряд ли нагуляется и вернется, — а потом уйду. Неважно, придет в себя Борис или нет. А пока поищу туалет и ванную.

По возвращении меня поджидал сюрприз. Борис спал, повалившись на стол, а за его спиной стояла Вита и трясла моего одноклассника за плечо.

— Борис Верленович! Да проснитесь же вы, боже мой!

— Что-то случилось?

Она всем корпусом повернулась ко мне — дубленка распахнута, волосы растрепаны, глаза как плоски.

— Слава Богу! Мать сказала, вы с ним вместе учились, да? — Вита дернула подбородком в сторону Бориса. — Значит, вы тоже врач? Там Владислав поранился, кровь так и хлещет! Бежим!

Она и впрямь побежала, едва не опрокинув меня в дверях. Справившись с замешательством, я устремилась следом, в несколько прыжков одолела лестницу, схватила с каминной полки свою сумку с аптечкой, искала глазами шубейку...

В эту минуту двери раздвинулись, и в нашу половину холла влетела Ольга.

— Тебя только за смертью посылать! — закричала она на дочь. — Где Борис? Они ведут Влада сюда.

— Нечего на меня орать! — не осталась в долгу Вита. — Твой Борис дрыхнет, уткнувшись мордой в салат. Буди его сама, посмотрим, как быстро у тебя получится!

— Что же делать? — растерялась Ольга. — Вызывать «скорую»?

— Не надо никакой «скорой», — раздался из дверей ворчливый голос Влада. — Прекратите панику, это просто царапина! — Он вошел, прижимая руку к животу и оставляя за собой кровавый след. Юрий и крепыш Игорь поддерживали его под руки.

При виде крови я, как ни странно, успокоилась. Из призрака прошлого, из мучительного напоминания о крушении моих надежд Влад превратился в пациента, который нуждался в моей помощи, и оскорбленная женщина во мне уступила место медику.

— Сюда, на этот диванчик, — распорядилась я, доставая из аптечки перекись водорода, йод и стерильные марлевые салфетки. — Раздевайся, поглядим, что там за царапина.

Влад впился в меня взглядом, хотел что-то сказать, но передумал и молча пошел к диванчику. Он расстегнулся, я бесцеремонно задрала его рубашку с майкой и увидела рваную рану, вертикально протянувшуюся через живот. От перекиси темная кровь запузырилась розовой пеной. Собрала ее салфеткой, я убедилась, что рана, хотя и скверная на вид, не губа и опасности для жизни не представляет.

— Ну, что? — спросил кто-то рядом.

— Жить будет.

Я достала из пластикового контейнера ватный тампон и смочила его йодом, чтобы обработать края раны. Протампонировала с одной стороны, с другой, приготовила салфетку с перекисью, собираясь промокнуть вновь появившуюся кровь, и тут...

Влад вдруг задышал, как лошадь после забега, потом захрипел и затрясся всем телом. Я выронила бутылочку с перекисью и схватила его за плечи, думая, что это эпилептический припадок. Пока я шарила глазами по сторонам, соображая, чем бы разжать бедняге зубы, он несколько раз конвульсивно дернулся, потом выгнулся дугой и обмяк. Я стала лихорадочно искать его руку, чтобы нащупать пульс, и на какую-то секунду отклонилась в сторону.

На лицо Влада упал яркий свет от лампы, и я, всмотревшись в его зрачки, похолодела:

— Он... умер...

Повисло молчание, потом у меня за спиной раздался пронзительный девичий голос, испуганный и изумленный:

— Вы!.. Вы убили его?!

Потрясенная, я обернулась и... с трудом подавила смех. В центре холла нелепо застыли пять «соляных столпов», взирающих на меня в невыразимом ужасе. На этот раз я почувствовала себя героиней «черной» комедии, одной из тех милых старушек, что из санитарно-гигиенических соображений непринужденно отправляют своих постояльцев на тот свет. Впрочем, желание хихикнуть сразу прошло. Крайний слева «соляной столп» вдруг решительно двинулся в мою сторону, взял Влада за руку, выпустил, достал из кармана носовой платок и поднял бутылочку с перекисью, которую я уронила. Поставив ее на каминную полку, он добавил туда же мою аптечку, после чего извлек из кармана мобильный.

— Пришлите, пожалуйста, оперативную бригаду и дежурного судмедэксперта... Подозрительная смерть... «Новые дачи», шесть километров после левого поворота у тридцать четвертого километра Можайского шоссе... Игорь Петров, следователь Московской прокуратуры... Нет, я здесь в качестве гостя... Да, понял, будем ждать.

Бой-френд малышки Виты преобразился на глазах: простоватая круглая физиономия обрела бульдожью целеустремленность, даже росту в крепыше как будто прибавилось. Не терпящим возражений тоном он велел Вите найти чистые мешки для мусора, ее брата отправил во флигель за слугами, наказав привести двоих, и, желательно, мужчин с крепкими нервами, Ольгу попросил принести простыню, Юрия — сесть на дальний диванчик и ни к чему не прикасаться. А потом обратился ко мне:

— Аля, если смерть Влада на вашей совести, советую признаться сразу. Поверьте, так будет лучше.

— Кому лучше? Уж точно, не мне. Я не убийца.

Могла бы себя не утруждать. Крепыш склонился над Владом и просто-напросто не отреагировал на мое заявление, а красавец Юрий наградил меня взглядом, полным недоверия.

— Кто же тогда убил? — спросила, спускаясь с лестницы, Вита, откомандированная за пакетами. — Мы сегодня увидели Влада впервые в жизни. Не говоря уже о том, что никто, кроме вас, с ним даже рядом не стоял, когда началась агония.

Я сочла себя вправе не отвечать на провокационные вопросы и отошла к окну. Игорь взял у Виты рулон с пакетами, оторвал пару и упаковал мою аптечку и бутылочку с перекисью водорода. Пришла Ольга, подала ему простыню. Я отвернулась, чтобы не видеть, как Игорь накрывает тело. Казалось бы, мне полагается испытывать сильные чувства: боль, страх, протест, горечь... Но я не чувствовала ничего.

Павел привел двух мрачных мужиков, в одном из которых я узнала недавнего привратника. Игорь дал ему задание следить, чтобы никто не подходил к диванчику, а остальным предложил подняться в гостиную. Там, под рулады сочного Борисова храпа, он произнес небольшую речь:

— Дежурная сказала мне, что оперативники сейчас на выезде. Это значит, что они появятся здесь не раньше, чем через час. У нас есть выбор: попытаться за этот час выяснить, что произошло, или пассивно ждать, а потом до позднего утра давать показания официальным лицам. Официальная процедура утомительна и малоприятна. Предлагаю вам использовать это время и мой профессиональный опыт, чтобы сберечь себе нервы.

— Не понимаю, что тут выяснять! — заявила склочная Вита. — Влада убили у нас на глазах, и все мы знаем, кто это сделал...

— С чего ты взяла, что его убили? — вскинулась Ольга. — Может, он был серьезно болен, и эта рана спровоцировала смертельный приступ.

— Не смеши меня! Где ты слышала о болезни, которая вызывает агонию при обычном порезе?

— Мало ли о чем я не слышала! Я не врач. И ты, кстати, тоже!

— Девочки, милые, не будем попусту препираться! — взмолился Юрий (Виту при этом передернуло). — Если есть шанс сократить казенную процедуру, им нужно воспользоваться. Игорь, что ты конкретно предлагаешь?

— Я хочу побеседовать с каждым из вас наедине. Ольга, можно будет занять для этого библиотеку? Спасибо. Вы же останетесь сидеть здесь под присмотром незаинтересованного свидетеля. — Крепыш кивнул в сторону второго приведенного Павлом слуги, который скромно пристроился на стуле в углу. — Если вам понадобится что-нибудь за пределами гостиной, выходите по очереди. Один вышел — остальные ждут, пока он вернется.

— Это еще зачем? — недовольно спросила Вита.

— Чтобы исключить возможность сговора, — терпеливо объяснил ей бой-френд и обвел всех присутствующих вопрошающим взглядом. — Нет возражений?

Все промолчали, кроме Бориса, протяжно всхлипнувшего во сне.

— Может, его разбудить? — предложил Юрий.

— Успеется. — Игорь повернулся ко мне. — Ну, что же, Аля, по понятным причинам, мне хотелось бы начать с вас. Вы не возражаете?

Я пожала плечами и с независимым видом пошла к двери. Крепыш забежал вперед и предупредительно распахнул ее передо мной. Миновав лестницу и анфиладу из трех комнат, мы оказались в библиотеке — точной копии многочисленных библиотек из английских детективных фильмов. Разве что трупа на коврике перед камином не обнаружилось. Труп остался лежать в холле.

— Ну и о чем мы будем беседовать? — спросила я с вызовом, усаживаясь в классическое кожаное кресло. — Хотите — верьте, хотите — нет, но мне вообще ничего не известно.

— Аля, давайте договоримся сразу: я склонен верить, что вы невиновны. Но если вы мне не поможете, вас через несколько часов уведут отсюда в наручники. Вы — единственная, у кого были очевидные мотив и возможность убить Влада. Мало того, если мои подозрения насчет

причины смерти подтвердятся, прокуратура получит пятерых свидетелей, видевших, как вы это сделали. Думаете, они после этого будут копать глубже? В общем, я — ваш единственный шанс. Не надо со мной сражаться.

— Но чем я могу вам помочь, Игорь? Я действительно ничего не знаю.

— Неправда. Вы, например, знали Влада. Начните с рассказа о нем.

Я отвела глаза, соображая, что и как рассказать, а потом посмотрела на Игоря и в очередной раз поразилась перемене в его облике. Передо мной сидел не простоватый малый и не компетентный следователь с бульдожьей хваткой, а внимательный, умудренный опытом человек, сочувствующий мне и искренне желающий помочь. Я подумала, что эти метаморфозы как раз и выдают хваткого профессионала, но, вместо того чтобы закрыться, как устрица, неожиданно начала рассказывать ему историю своей незадавшейся жизни.

Когда я добралась до событий, предшествовавших моему появлению в доме Ольги, Игорь из внимательного слушателя превратился в придирчивого: то и дело прерывал меня, уточнял, задавал вопросы. Кто знал о том, что меня задержали на дежурстве? Можно ли было подстроить эту задержку? Мог ли тот, кто о ней знал, твердо рассчитывать, что я пойду домой именно этой дорогой? Сколько времени я ждала Бориса и Юрия, когда сидела в машине? Не показалось ли мне, что Юрий намеренно не торопился ввести меня в дом, когда мы приехали? Не помню ли я точных слов Бориса, сказанных Ольге в холле? Падала ли я раньше в обмороки от сильного потрясения? Имею ли я обыкновение носить с собой аптечку, и как давно эта привычка у меня появилась? Какие именно медикаменты лежат в аптечке? От чего, по моему мнению, умер Влад?

На последний вопрос я ответила неохотно:

— Как вы знаете, я не врач. Но, думаю, это отравление. Судя по угнетенному дыханию и судорогам, он отравлен каким-то растительным алкалоидом. Типа аконита. Или, может быть, змеиным ядом. Но змеиные яды действуют не так быстро.

— Есть вероятность, что Влад принял яд раньше, с едой или питьем?

— Точно не скажу, но вряд ли. Слишком много времени прошло с тех пор, как он вышел из-за стола. Какие-то признаки должны были проявиться быстрее. Скорее всего, яд попал в организм через кровь. Другими словами, его убила я, обрабатывая рану. Вы ведь тоже так думаете, верно?

— Мне не нравится формулировка. Я думаю, что вас сделали орудием убийства. У меня есть одна хорошая версия, но нужно кое-что про-

верить. Видите ли, Аля, мы не имеем права на ошибку. Если мои подозрения верны, то убийца не оставил улики, кроме тех, что указывают на вас. Но он не мог обойтись без помощников. Мы должны в точности воссоздать картину преступления и найти слабое звено среди сообщников. У них не было времени толком договориться, согласовать показания. Вот почему добиться признания нужно сейчас, пока не приехала опербригада. Оперативники почти наверняка клюнут на очевидную версию и задержат вас, предоставив остальных самим себе. А тогда убийцы продумают до деталей свои показания и окончательно подчистят следы.

— То есть у нас всего одна попытка?

— Да. Не знаю точно, когда придет милиция, но побеседовать с каждым и выявить противоречия я, скорее всего, не успею. Поэтому задам несколько вопросов всем сразу, а потом вернусь к вам и изложу свою версию. Если она вас убедит, выберем самого слабонервного сообщника и хорошенько на него надавим. При известном везении, к приезду оперативников убийца будет изобличен.

На этой оптимистической ноте Игорь сорвался с места и умчался. Не знаю, сколько времени он отсутствовал, но, наверное, недолго, потому что я не успела толком обдумать собственную версию. А она у меня появилась, как только я осознала, что Влада действительно убили. Впрочем, особой пронциательности тут не требовалось. Я не убивала, а раз так, то подстроить убийство, чтобы подозрение пало на меня, мог только один человек — тот, кто меня сюда заманил. Борис хорошо знал Влада и, вероятно, имел свои причины желать ему смерти. К тому же, он врач, значит, имеет доступ к лекарственным ядам. Он приводил меня в чувство и имел возможность подбросить отраву в мою аптечку, подменив невинный пузырек с йодом. Он напился, чтобы возиться с раной Влада пришлось мне. Правда, оставалось неясным, откуда он знал заранее, что Влад поранится. Над этим я и размышляла, когда вернулся мой неожиданный союзник.

— Похоже, версия подтвердилась, — объявил Игорь, закрыв за собой дверь. — Во всяком случае, я не узнал ничего, что ей противоречило бы. Выслушайте меня и поправьте, если что-то не так. Для начала — голые факты.

Три года назад у отца Виты — его звали Глеб — обнаружили стенокардию. Врача, Бориса Евграфова, ему нашла Ольга через своего любовника Юрия. Надо сказать, что у Ольги с Глебом был так называемый «свободный брак». Единственное ограничение — запрет на развод. По

брачному контракту, любой из супругов, подавший на развод, — не важно, по какой причине, — при разделе имущества получал лишь десятую долю общего состояния. В остальном же — полная свобода. Они не возражали против любовных связей друг друга и вообще жили каждый своей жизнью. Поэтому у Глеба не было оснований для недоверия доктору, найденному женой.

Полгода назад у Глеба случился сердечный приступ, и «скорая» по просьбе Ольги отвезла его в клинику, где работал Борис. Через час после поступления в кардиологическое отделение Глеба перевели в реанимацию, где он и скончался. Как я только что выяснил, Влад Карский был реаниматологом и работал в той же клинике. Кроме того, Ольга призналась, что Влад просил у нее денег. Якобы Глеб при свидетелях пообещал ему сделать щедрое пожертвование клинике на содержание так называемых «социальных» коек.

— Когда же он успел? — удивилась я. — Неужели в реанимации, пока его безуспешно вытаскивали из клинической смерти?

— Раньше. Глеб уже лежал у Бориса в отделении, там Борис и познакомил их с Владом. Так он, во всяком случае, уверяет. Я не сомневаюсь, что это вранье, причем, шитое белыми нитками. С чего бы это Глебу обещать пожертвование не главврачу, и даже не заведомо, а рядовому реаниматологу? Но доказать тут ничего невозможно. Наверняка Евграфов у себя в клинике легко отыщет свидетелей, которые ради благого дела подтвердят эту «лапшу» о пожертвовании. Но не суть важно, мы поймаем их на другом. Итак, моя версия.

То ли Юрию надоели бесперспективные отношения, то ли причина в чем-то другом, но Ольге понадобилась свобода. Развод исключался, поэтому Ольга заплатила Борису, чтобы он избавил ее от мужа. Лечащему врачу, как я понимаю, это совсем не сложно. Однако Борису не удалось совершить безупречное убийство, и Влад, к которому пациент попал перед смертью, заподозрил неладное. Он начал шантажировать Евграфова и Ольгу, и те решили его убрать.

Они все спланировали заранее. Пригласили Влада встретиться на даче Новый год, пообещав в качестве подарка мешок с деньгами, каким-то образом отделались от Юрия, который мог стать нежелательным свидетелем, залили горку, предварительно сунув в снег ржавую арматуру. Думаю, сначала Борис хотел выдать смерть Влада за несчастный случай. Катался человек с горки и пропорол себе живот железкой. Кто докажет, что железка появилась не случайно, и рана изначально была не настолько глубокой, чтобы привести к смерти?

— Вы видели эту арматуру? Но как они устроили, чтобы об нее поранился именно Влад? Ведь вы тоже съезжали с горки.

— Съезжали, — подтвердил Игорь. — Не знаю. Может, они надели на острый выступ пробку от шампанского, а потом сняли, улучив минуту? О деталях потом, ладно? Так или иначе, их план затрещал по швам, когда Ольге позвонила Вита и сообщила, что мы тоже собираемся приехать. Причем позвонила она часов в девять, перед самым выездом. Ольга отбояривалась изо всех сил, но Виту нелегко сбить с намеченного пути. Узнав о приезде Ольгиной дочери, да еще в компании следователя, Борис, скорее всего, решил дать обратный ход. Поехал за Юрием, отсутствие которого на семейном празднике было бы сложно объяснить, вероятно, попытался отменить визит Влада...

— Погодите, Игорь. Юрий сказал мне, что это он ездил за Борисом. Думаете, солгал?

— Аля, ради бога, у нас мало времени! Солгал, конечно. В противном случае, они приехали бы на машине Юрия, и Юрий оделся бы не в смокинг, а в более подходящую для дороги одежду. Наверняка удрал с какой-нибудь вечеринки. А солгал потому, что его об этом попросили. Можно, я все-таки закончу? На чем я остановился?

— Борис попытался отменить визит Влада.

— Да-да. Но не получилось. Им оставалось только надеяться, что при посторонних Влад не станет поднимать шум, не получив своего мешка с деньгами. Радикальное решение вопроса откладывалось на неопределенный срок. И тут на Бориса сваливается подарок судьбы в вашем лице. Он мигом соображает, что если у кого и есть очевидные причины желать Владу смерти, так это у вас. А значит, нет необходимости инсценировать несчастный случай. Убийство, совершенное вами в присутствии свидетелей, выглядит гораздо убедительнее.

Дальше все просто. Борис вытаскивает Юрия из машины и объясняет, что ваше присутствие в доме Ольги крайне желательно, потому что вы — бывшая возлюбленная Влада и, конечно же, отвлечете его от Ольги, к которой Влад пристал с просьбой о деньгах, обещанных ее покойным мужем. Попутно он просит Юрия задержать вас по дороге к дому, потому что нужно предупредить Ольгу.

На самом деле, Борис успевает не только объясниться с Ольгой, но и перелить какой-то ядовитый препарат в пузырек из-под йода. Вы медсестра и, наверное, держите при себе необходимый минимум лекарств. Ну а если нет, ничего страшного, главное повернуть дело так, чтобы именно вы обрабатывали рану Влада, которую он должен получить, катаясь с ледя-

ной горы. Поскольку Борис единственный, помимо раненого Влада, врач в компании, ему остается только напиться, и дело сделано...

Пока Игорь живописал сцену моей встречи с Владом, благодаря которой на свет божий выплыла моя аптечка, и сообщники получили возможность подменить пузырек с йодом, я пыталась понять, что меня беспокоит в этой версии. Казалось бы, она полностью подтверждает мои подозрения в адрес Бориса. Более того, подводит под них надежную базу из фактов и логически безупречных доводов. Что же меня смущает, черт побери?

А смущала меня мелочь, пустяк, не имеющий к логике никакого касательства. Всего лишь трепетное отношение Влада к Новому году. Выросший в семье со старорежимными традициями, он по-детски обожал этот праздник со всеми атрибутами — елкой, подарками, шумными играми, с непременным штурмом снежной крепости, катанием с горки, прыжками через костер, вываливанием всех участников в снег... Ко всему прочему, он верил поговорке: «Как встретишь год, так его и проведешь». Не поехал бы он в новогоднюю ночь к людям, которых шантажировал.

Да и вообще я не представляла себе Влада в роли шантажиста. Он был каким угодно — инфантильным, избалованным, чрезмерно самолюбивым, — но уж никак не тайным властолюбцем, не интриганом, не любителем урвать куш исподтишка.

И, если уж на то пошло, Борька Евграфов тоже совершенно не годился на роль убийцы. Я допускала, что он способен на мелкую пакость, но на хладнокровное преднамеренное убийство ему не хватило бы пороху, тем более, в присутствии следователя прокуратуры. Ладно, допустим, Влада он все-таки убил, потому что тот загнал его в угол. Но Глеба-то полгода назад в клинике — чего ради? Денег возжелал? Насколько я помнила, Борис не питал к ним особой страсти, его гораздо больше заботил социальный статус. Не стал бы он рисковать своей свободой, карьерой и репутацией ради денег, даже очень больших.

Возможно, впрочем, что я совершенно не разбираюсь в людях и неверно оцениваю этих двоих. Но даже в этом случае остается деталь, которая никак не вписывается в нарисованную Игорем картину. Там, в гостиной, Борис не притворялся. Он действительно плохо переносил алкоголь и всегда засыпал во время студенческих попок. Человек не знает, как выглядит во сне, поэтому нельзя обмануть того, кто видел тебя спящим. А я могла поклясться, что Евграфов крепко спал, когда привели Влада. Как хотите, но я не представляю себе злодея, способного безмятежно уснуть, когда должна сработать его «смертельная ловушка»!

— Ну, что скажете, Аля? — вырвал меня из задумчивости Игорь. — Убедительно?

— Вроде бы...

— Тогда давайте думать, кого будем раскалывать. Ольгу, боюсь, не получится. По отзывам Виты, эта дама сделана из прочного материала. Юрия, я уверен, она в свои планы не посвящала. Молодой любовник — не самое надежное хранилище для таких секретов. А вот Павла они могли использовать. Помните, он хвастал, что лично заливал горку?

— Женщина, из какого бы материала она ни была сделана, вряд ли станет впутывать в уголовщину сына-подростка, — усомнилась я.

— Подростка?! Да он на три года старше Виты, ему уже двадцать три.

Припомнив, как юнец паясничал на лестнице за спиной Игоря, я сказала, что он тогда, вероятно, слаб на голову и тем более не годится в сообщники.

— Это спорный вопрос, но ладно. Стало быть, остается только Борис. Что вы скажете? Крепкая у него нервная система?

Я покачала головой, и Игорь, не дожидаясь комментариев, поднялся:

— В таком случае...

— Подождите! — Я видела его нетерпение, да и сама слышала тиканье невидимых часов. Не было времени объясняться, говорить о своих сомнениях, продумывать новую версию. Но ведь у нас всего одна попытка, и ошибка обойдется мне куда как дорого. — Игорь, я не могу пока ничего объяснить, но у меня к вам просьба. Не предоставите ли вы разговор с Борисом мне? И пообещайте не вмешиваться, даже если вам покажется, что я все испортила.

Он замер в недоумении, потом пожал плечами.

— Почему бы и нет? В конце концов, речь идет о вашей свободе...

Борька, бледный и помятый, но вменяемый, взирал на меня с опасливым уважением. Я не стала уверять его в своей непорочности и ударила без предупреждения:

— Скажи мне, чудовище, с чего ты взял, будто Влад тебя шантажирует? Ведь не убил же ты Глеба на самом деле?

— Ты спятила?! — взвился Борька. И тут же сник. — Влад никогда меня не шантажировал.

— Я-то знаю. Может, кому другому трудно поверить в историю о добровольном пожертвовании, но я испытала смертоносное обаяние Влада на своей шкуре и твердо убеждена: он мог соблазнить кого угодно на что угодно. Нисколько не сомневаюсь, что Глеб действительно пообещал ему кругленькую сумму на нужды больницы. Только вот ты почему-то не поверил и решил, что Влад вымогатель? Почему?

— Ничего подобного...

— Борь, если ты сейчас не ответишь честно, меня посадят. А я Влада не убивала. И знаю, что ты тоже не убивал. Признайся, ты боялся врачебной ошибки? Решил, что проглядел у Глеба какие-то симптомы и поставил неверный диагноз? (Борис уперся взглядом в собственную коленку и молчал.) Ладно, пес с тобой, не сознавайся! И, хотя ты этого не заслуживаешь, могу тебя успокоить: в диагнозе ты не ошибся. Просто передозировка дигиталиса искажает картину. (Тут он вскинул голову, но рта так и не раскрыл.) Скажи хотя бы одно: Юрий звонил Ольге, когда вы с ним удалились от машины?

— Я сам позвонил. Нужно же было убедиться, что она не возражает... А она попросила дать трубку Юрке.

— Ясно. Еще один вопрос: Юрий умный человек?

— Ну... не сказал бы.

Я повернулась к следователю.

— Игорь, вы не могли бы взять из моей аптечки упаковку с одноразовыми шприцами и воду для инъекций? Принесите их сюда, а потом сходите за Юрием.

И я объяснила, что хочу сделать.

— Сюда, пожалуйста, — с официальной вежливостью пригласил Игорь, открывая перед красавцем дверь библиотеки.

Ничего не подозревающий Юрий спокойно вошел, сделал два шага и замер, словно на стену налетел. Черные глаза, бегло обшарив комнату, на миг задержались на наших с Борькой обалделых физиономиях, закатанных левых рукавах и с ужасом остановились на ампулах и упаковке со шприцами.

— Что это?..

— Не волнуйтесь, Юра, это совершенно безвредно. Видите, Аля и Борис почти пришли в себя. Зато теперь мы знаем совершенно точно, что Влада они не убивали. Очень эффективное средство, очень! Если бы твердолобый закон разрешил его использовать, нераскрытых убийств у нас в стране не осталось бы.

— Вы... Вы не имеете права! — взвизгнул роскошный брюнет и дернулся назад, к двери.

— Ну, ну, — умиротворяюще пробормотал Игорь, заключая беднягу в объятия и подталкивая к столу со шприцами. — Все будет хорошо, вот увидите.

Борис выбрался из своего кресла и тоже полез к ним обниматься.

— Не дрейфь, Юрик, — сказал он слегка заплетающимся языком. — Мы в полном порядке.

— Я боюсь уколов! — вырываясь, верещал красавчик.

— И зря! Алечка такой спец, ты даже ничегошеньки не почувствуешь, — увещевал Борис, пытаясь закатать ему рукав смокинга.

Они швырнули Юрия в кресло и крепко прижали к спинке. Я неспешно поднялась и потянулась к шприцу.

— Не-ет!!! — завопил красавчик. — Я все расскажу! Я не убивал! Это она! Ольга!

Ольга предпочитала все держать под контролем. В том числе мужа, которому на словах предоставила полную свободу. Подкупленные Ольгой служащие Глеба держали ее в курсе всех событий его жизни, касались ли они бизнеса, здоровья, развлечений или романов. После того как Глебу поставили серьезный диагноз «стенокардия», его любовные похождения быстро сошли на нет. В течение двух лет «шпионы» исправно извещали Ольгу, что ее муж успокоился, жизнь ведет размеренную и тихую, даже холдингом занимается все реже, передоверив дела своим замам.

А потом все изменилось. Сначала секретарша «стукнула», что шефу названивает дама с низким грудным голосом, и после этих звонков он стремительно исчезает. Потом шофер донес, что новая пассия Глеба не похожа на профурсетку, и, по его, шофера, мнению, там все очень серьезно. Наконец «шпионка» из бухгалтерии сообщила, что Глеб зарегистрировал новую фирму и тайком перекачивает деньги на ее счета.

Тут Ольга поняла, что пора действовать. Конечно, брачный контракт защищал ее интересы, но Глеб, похоже, не собирался подавать на развод, пока не выкачает из холдинга все деньги, которые сумеет изъять незаметно. А потом поди, найди их следы! Кроме того, деньги Ольга любила, а зарабатывать не умела, и мысль о потере хотя бы незначительной суммы причиняла ей душевную боль. Словом, мужа следовало остановить.

Способ она выбрала самый простой. Лекарство, поддерживающее больное сердце Глеба, при передозировке становилось смертельным ядом. Даже в самом худшем случае, — если врачи заподозрят злой умысел, — доказать ничего невозможно. Перенервничал человек, злоупотребил лекарством и отравился. Или принял лишнее по забывчивости.

Все прошло замечательно, даже лучше, чем она думала. Никто ничего не заподозрил, причина смерти, указанная в свидетельстве, повторяла диагноз Глеба. Полгода до получения наследства почти истекли. И тут к

Ольге вдруг нагрянул Евграфов, лечащий врач Глеба, и заговорил о пожертвовании для больницы, которое Глеб якобы обещал его коллеге.

Ольга сразу поняла, что это шантаж. Сначала она заподозрила, что жертвование — выдумка Бориса, но потом сообразила, что тот и сам здорово напуган. Почему — она не поняла, но это ей не понравилось. В голову настойчиво лезли мысли, что Борис догадался об ее проделке, но решил не поднимать шума, а теперь боится за свое место в клинике. Но если боится он, значит, и Ольга не может чувствовать себя в безопасности. Эту проблему требовалось срочно решить. Срочно — потому что, получив наследство, она уже не сможет сослаться на безденежье и окажется во власти шантажиста.

И снова замысел родился легко и быстро. Ольга сказала Борису, что хочет пригласить его коллегу на Новый год и поторговаться насчет суммы. Борис одобрил ее идею и долго рассказывал, как Влад обожает этот праздник и буйные зимние игры. У Ольги в голове мгновенно сложилась картинка: во время веселой возни шантажист случайно поранится, Борис окажет ему первую помощь и занесет инфекцию — трупный яд или бациллу столбняка. Да, но тогда придется посвящать его в план, а раскрываться перед ним Ольге не хотелось. Вот если бы она знала, где раздобыть столбнячные бациллы... Поиск в Интернете показал, что бациллы — вещь мало доступная, зато навел на новую мысль. Как известно, капля никотина убивает лошадь, только для этого капля должна попасть в кровь. Никотин в концентрированном виде содержится в ядохимикатах, которые продаются в любом магазине для садоводов. Наведавшись в одну из таких лавочек, Ольга выбрала препарат очень удачного цвета — от йода не отличишь. Правда, ее несколько беспокоило, что смерть от никотина не удастся выдать за несчастный случай, но кому придет в голову подозревать хозяйку, если она никогда прежде не встречалась с гостем? Только Борису, но ему, хорошо знакомому с жертвой и лично полившему рану никотином, никто не поверит.

Теперь следовало подумать о «случайном» ранении. Первым делом Ольга велела сыну залить горку и незаметно сунула в мокрый еще снег ржавый прут, прикрыв его до поры до времени пластиковой крышечкой. На случай, если ловушка не сработает, она припрятала несколько снарядов-снежков с начинкой из острых кусков льда и запаслась декоративными шпильками для волос, словно бы предназначенными для превращения их в холодное оружие. После чего начала готовиться к приезду гостей.

Сложнее всего было выпроводить Юрия: он отчаянно ревновал и не желал никуда уезжать. А оставлять его было нельзя, иначе оперативникам

могло втемяшиться в голову, что это убийство из ревности. Пришлось ему открыться. Но когда все, казалось бы, устроилось — Юрий убрался, Борис, напротив, приехал и сообщил, что скоро пожалует Влад, — позвонила мерзавка Вита и огорошила Ольгу известием о своем прибытии с женихом, работником прокуратуры.

Ольга заколебалась и, наверное, отказалась бы от своего замысла. Одна мысль о том, что придется объясняться с дочерью по поводу отсутствия Юрия и выслушивать ее грязные инсинуации, лишала всякого куража. Но затем позвонил отправленный за Юрием Борис и радостно сообщил, что теперь твердо верит в успех торговли, потому что везет старую любовь Влада — женщину, родившую от него дочь, которую Влад никогда не видел. И Ольга решила, что судьба на ее стороне. Особенно ясно это стало, когда девица при виде Влада упала в обморок, и в ее сумке обнаружилась аптечка с йодом — в точности с такой склянкой, какую Ольга забрала из своей спальни, как только узнала о гостье. Остальное было делом техники.

Как она вопила! Как кидалась на возлюбленного, норовя выцарапать ему глаза! Какими словами его крыла! Вот это я понимаю — «железная леди»! Если у оперативников и были какие-то сомнения насчет нашей версии, то после ее спектакля они развеялись, как дым.

Борис, хоть и с опозданием, но выполнил свое обещание и довез меня до Захаровки, где я слегла с сильнейшим гриппом. А потом Санта-Клаус, видимо, решил, что переборщил с «черным юмором», и одарил нас с Настей по-настоящему. Настя взамен отца, которого ни разу не видела, обрела любящих бабушку с дедушкой и симпатичного дядюшку, который благоволит не только к неожиданно обретенной племяннице, но и к ее непутевой мамаше. А я... я перестала быть единственным кормильцем в семье и завтра еду в родной «второй мед» узнавать, что требуется для восстановления в институт. В общем, вернула свою мечту. И следы клея на ней почти незаметны. □

ЕЁ

Анна и Сергей
Литвиновы

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

Журнальный вариант. Продолжение

Вот это выдала родительница, просто слов нет! Таня теперь всю жизнь будет помнить, как заплаканная мамуля бросилась к ней. Обнимала, целовала, преданно смотрела в глаза:

— Танюшка, как же ты... Как ты догадалась, как узнала?

Пожилые иностранцы, гревшиеся в своих шезлонгах, с любопытством взирали на душераздирающее действие, совершаемое на непонятном и диком русском языке.

— Потом, мама, все потом. Поехали, — решительно подхватила Юлию Николаевну под руку Татьяна.

Садовникова сделала последний глоток «Дайкири» и сердито захлопнула крышку лэп-топа. Просидела в Интернете два часа, но узнать не удалось почти ничего.

ЕЕ последняя любовь...

Первым делом, конечно, кинулась штурмовать криминальную хронику, однако о том, что произошло в сторожевой башне, — ни слова. Про мать или злосчастного Мирослава — тоже никакого упоминания.

Попробовала выяснить, кому хотя бы башенка принадлежит — тоже не преуспела. В реестре островной недвижимости значилось: «владелец — корпорация MFP, U.S.A.»

«Ну, мать, ты впуталась!» — проворчала она.

В любом случае, оставаться на острове — нельзя, нужно бежать — пока не обнаружился труп дворецкого, а особенно фотографии матери с камеры видеонаблюдения. Обидно, конечно, покидать его, не узнав разгадки. И не наказав предателя-Мирослава. Но личная безопасность — куда важнее.

Беда в том, что Антигуа — островок небольшой, и выбраться отсюда не так просто. Прямые рейсы в Европу или в Штаты редки, гораздо удобнее лететь с соседнего Барбадоса. Туда можно попасть на местном самолетике или на теплоходе.

Таня изучила расписание и составила максимально удобный маршрут: вечером они сядут на круизный лайнер, в девять утра окажутся на Барбадосе, а на час дня ей удалось забронировать два билета до Парижа.

Она взглянула на часы: пять вечера. Круизный лайнер отбывает в десять. Пожалуй, у нее есть полное право сходить на пляж, поплавать напоследок с маской, посмотреть на разноцветных тропических рыбок.

Таня надела купальник, накинула парео, потом заглянула в гостиную, прислушалась к сонному маминому дыханию и заботливо подоткнула ей покрывало.

А вот о том, чтоб выключить телефон Юлии Николаевны — увы, не подумала.

— Юля, слава богу, это ты!

— Мирослав?.. Я...

— Юлечка, милая! Пожалуйста, не говори ничего! Я звоню только, чтобы сказать: я люблю тебя. И абсолютно ни в чем не виноват. Не виноват перед тобой, перед людьми, перед Богом. Я просто не успел тебя предупредить... Я все объясню, и ты обязательно поймешь. Юля, ты — самое дорогое, что у меня есть! Ты нужна мне. Юлечка, любимая, прошу тебя!..

На пляже Таня сразу натянула маску, нацепила ласты и ринулась в изумрудное теплое море. Поэтому и не увидела, как из бунгало торопливо вышла Юлия Николаевна, воровато огляделась и поспешила к холлу гостиницы, где ее уже ждало такси.

Татьяна плавала почти час. Потом еще немного понежилась под закатным солнцем в шезлонге, выпила коктейль и взглянула на часы — семь, время пролетело незаметно. Как бы им на теплоход не опоздать! Она решила пройти в свое бунгало через кафе — так было быстрее. Но только вошла туда, как взгляд сразу упал на экран телевизора, где шли, кажется, новости. И картинка на экране сразу вогнала ее в ступор.

Сторожевая башня. Хотя Таня там никогда не бывала, но место узнала сразу. Нелепое, высоченное здание прилепилось на краю обрыва. Вход огорожен желтой полицейской лентой. Журналист с микрофоном взволнованно размахивает руками, показывает на дом. Девушка напрягла слух, чтобы разобрать английскую речь:

— Звонок в полицию поступил сегодня, в четыре часа пополудни. В особняк, принадлежащий американской компании «MFP», в назначенное ему время явился поставщик питьевой воды. Однако ворота ему не открыли, хотя прежде управляющий отличался завидной пунктуальностью. Служащий прождал полчаса, сделал несколько телефонных звонков — на мобильный номер дворецкого, а также непосредственно в особняк. И, так как знал, что управляющий никогда не отлучается из дома, обратился в полицию.

Картинка сменилась, теперь на экране оказался человек в форме (однако, по виду, не полицейской), и, явно смущаясь, заговорил:

— Я являюсь директором охранного агентства, которому поручено обеспечение безопасности особняка, поэтому звонок из полиции был переадресован в мою фирму. В соответствии с договором между мной и владельцами сторожевой башни, в любых, вызывающих сомнение случаях я обязан, в первую очередь, связаться с хозяйкой компании «MFP», которой принадлежит особняк.

Картинка снова сменилась. На экране выскочила справка:

— Компания «MFP», зарегистрирована в США, штат Невада. Сфера интересов: торговля непродовольственными товарами, уставной капитал —

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

семьдесят семь миллионов долларов. Владелица — миссис Глэдис Хэйл.

А дальше — появилась фотография, и Таня, чтобы не упасть, схватилась за стену.

С экрана на нее смотрело — мамино лицо.

— Вам плохо? — прошелестел над ухом голос бармена.

— Нет, нет... Просто увлеклась, новости интересные... — проямлила Таня.

Невероятно! Совпадало абсолютно все. Разрез и цвет глаз, форма подбородка, овал лица, нос, стрижка, цвет волос... Взгляд у американки, правда, был увереннее.

А камера вновь вернулась к сторожевой башне и взволнованной повести журналиста:

— Директор охранного агентства пытался дозвониться до миссис Хэйл в течение сорока минут, однако ее личные телефоны не отвечали. В резиденции Глэдис в штате Невада, а также в офисе компании, сообщили, что хозяйка находится в отпуске «где-то на Карибских островах». И тогда охранник принял решение: в присутствии полиции вскрыть дом и проверить, все ли в порядке.

Последовала драматическая пауза, а дальше взорам зрителей явилась сделанная с близкого расстояния фотография: скрюченный, с широко распахнутыми глазами, труп.

У Тани зашумело в ушах, голова закружилась. Вцепившись ногтями в сиденье, она дослушала концовку: убит ударом ножа в грудь, находящийся в доме сейф вскрыт, все его содержимое исчезло. Власти острова продолжают разыскивать госпожу Хэйл, дабы сообщить ей о том, что случилось.

«Да что ее искать-то! — мелькнула истерическая мысль. — Вон она, у меня в номере спит!»

Таня сделала пару глубоких вдохов, постаралась взять себя в руки и, наконец, покинула кафе.

В этот раз мать даже записки не оставила.

Таня растерянно прошлась по бунгалу. Машинально отметила: аляповатый пиджак от Маккуина валяется на диване, зато исчезли ее собственная майка, шорты и шлепки. Не нашла она и зубной щетки, пасты, легкой дорожной сумки. Двести долларов, что Татьяна беззаботно бросила на тумбочке, Юлия Николаевна гордо не взяла.

Куда она могла отправиться? Еще несколько часов назад была совсем потерянная, беспомощная, жалкая, никак не могла согреться, дрожала. И вдруг — исчезла.

Тоже увидела новости и решила скрыться? Сама? Вряд ли. Может, ее вынудили? Однако слишком рассудочным выглядело бегство: переоделась, прихватила паспорт. Неужели Мирославу достало наглости явиться сюда и вновь увести несчастную женщину за собой?

Таня задумалась. Много в этой истории непонятного, удивительного. И больше всего ее занимало поразительное сходство матери с таинственной американкой, Глэдис Хэйл. Случайное совпадение? Быть не может. Слишком они похожи. Разлученные в детстве близняшки?.. Ага, как в индийском кино. Но вряд ли осуществимо технически. Но все равно, эту версию надо проверить...

В девять утра деревня, даже в тоскливом феврале, полна жизни. Мужики тянутся в магазинчик за пивом, бабы — за хлебом, да и в райцентр на почту, в больничку или в правление надо выбираться как можно раньше.

Но Алевтина Юрьевна деревенский уклад игнорировала. Нароботалась за свою жизнь, можно теперь делать, что нравится. Вечерами, когда Козихино вымирало, смотрела телевизор, читала любовные романы, вязала, шила. А по утрам, естественно, отсыпалась.

Телефонный звонок выдернул ее из постели.

— Але! — буркнула она спросонья.

— Привет, бабуль! — весело отозвался на другом конце линии голос внучки.

— Татьяна?

Алевтина Юрьевна была сильно удивлена. С внучкой они не то, чтобы не ладили, просто держали глухой нейтралитет. Пока Танюшка была маленькой, Алевтина Юрьевна работала, видела ее редко. А если приходилось пестовать — жертвуя собственным отпуском! — обращалась с ней весьма строго. Тем более, что ребенок — далеко не сахар. И только когда Таня окончила институт, устроилась на работу, стала серьезнее — начали общаться. И то изредка, сквозь зубы. И вдруг — звонит! Неужели случилось чего?!

ЕЕ последняя любовь...

Однако голосок был веселый:

— Бабуль, я тут ребеночка завести задумала!

— Да ты что? А какой уже срок? — обрадовалась Алевтина Юрьевна.

— Никакого пока, — хихикнула Татьяна. — Только планирую, как все современные люди. Но ты же понимаешь, возраст у меня считается уже «старородящим», вот врач и велела узнать, как у матери беременность протекала? Как у тебя? У мамули-то я все вызнала, теперь тебе звоню.

— Как протекала? — несколько растерялась старуха. — Да нормально протекала, как у всех.

— А где рожала?

— Да тут, у нас. В Козихино тогда еще своя больничка была, ее в перестройку закрыли.

— Наркоз не давали?

— Да о чем ты говоришь! Кому тогда такое в голову приходило? Считалось, естественный процесс. Я молодая была, здоровая... Так что не бойся, Танечка. Род у нас крепкий. Мы рожали — и ты деточку произведешь.

— Надеюсь, — усмехнулась Татьяна и вдруг неожиданно выпалила: — А кроме мамы моей у тебя другие дети имелись?

— Господи, чего ты взяла?.. — опешила старуха.

— Ну, сама ведь говоришь: молодая была, здоровая. А родила только одного, да и то — девочку.

— А время какое было? — рассердилась Алевтина Юрьевна. — Родить десяток можно, кормить как?

— Ладно, бабуль, спасибо. Пока! Позвоню, — прервала разговор Татьяна и отключилась.

Похоже, нет здесь никакого индийского кино. Бабка вся — простая, как на ладошке. Нужно другое объяснение сходству между мамой и Глэдис искать... Что-то вертелось в голове... очень простое, очевидное...

«Найти, прежде всего, в Интернете фотографии этой Хэйл. Увеличить, рассмотреть повнимательнее...»

Таня включила компьютер, вышла в сеть, вбила в поисковике: Глэдис Хэйл, корпорация «MFP».

И лэп-топ неожиданно просто взорвался ссылками. Причем последнее обновление появилось всего четыре минуты назад.

«Трагическая гибель американской бизнес-вумэн», — прочитала Татьяна заголовок и ахнула, поняв, что тянуть больше некуда. Связаться с отчимом нужно немедленно.

Юлиной фотографии у Ходасевича не нашлось.

Не в его привычках любоваться портретом жены, тем более, бывшей. Пришлось полагаться на память. Он закурил и снова взглянул в монитор — оттуда ему улыбалась неведомая американка по имени Глэдис Хэйл. Поразительно. Просто поразительно! Совпадало все: овал лица, разрез глаз, форма губ...

Вспомнил строку из Таниного электронного письма:

«И прическа у них с матерью — теперь один в один!»

А изменить цвет волос и форму стрижки Юлию заставил Мирослав.

Вот и разгадка его внезапно вспыхнувшей страсти.

Господин Красс, похоже, был знаком с обеими женщинами и наверняка задумал извлечь личную выгоду из их поразительного сходства.

Юлия — его давняя знакомая.

Как он связан с Глэдис — предстояло выяснить.

И еще.

В чем причина сходства женщин? — заскользил остро отточенный карандаш по бумаге.

Совпадение? В них полковник не верил.

Родственный фактор тоже можно было исключить.

Юля-Глэдис-Мирослав, — черкнул полковник.

Юля-Мирослав-Глэдис.

Мирослав, очевидно, здесь связующее звено. Авантюрист, некогда осужденный за угон рейсового самолета. Человек без родины. По профессии — хирург. А специализация у него...

Валерий Петрович вздохнул с облегчением. Ну, конечно же! Как он сразу не догадался?!

Москва.

Валерий Петрович Ходасевич

Гипотеза, что пришла Ходасевичу в голову, была, безусловно, хороша. Необычная, смелая. Но все ж таки ему требовались факты. И, чтобы по-

ЕЕ последняя любовь...

пытаться их раздобыть, Валерий Петрович ранним утром вышел из дома и отправился в сторону самого крупного и закрытого архива страны. Он находился в подвалах «дома два» на Лубянке, а составлялся и пополнялся, начиная с декабря тысяча девятьсот восемнадцатого года. Все посвященные и допущенные обычно называли архив Хранилищем. У Валерия Петровича, как у полковника-отставника, имелся туда свободный доступ ко многим папкам, однако все-таки не ко всем.

Ему повезло.

Фамилия Мирослава Красса, год рождения 1950-й, в персональном каталоге Хранилища имелась. Ходасевич выписал номер дела, и оно оказалось даже оцифрованным. Значит, в него что-то добавляли после 90-го года — интересно знать, что?

Первые страницы в деле Красса, как и следовало ожидать, оказались посвящены угону чехословацкого самолета. Упоминались в деле и погибшие пациентки — действительно, все трое умерли, без видимых причин, во время дежурства Мирослава. Однако оснований в чем-либо обвинить молодого хирурга у следствия не имелось.

Следующее известие о Мирославе было датировано восемь месяцами позже. Там говорилось, что в Чехословакии общественность возмущена беспрецедентно мягким приговором в отношении братьев Красс, вынесенным западногерманским судом. История с угонем чехословацкого самолета имела в деле небольшое дополнение, в виде справки от 18 марта 1990-го года: пришедшие к власти, в результате бархатной революции, местные демократы прекратили уголовное дело в отношении тех, кто участвовал в «карловарском угоне». Всем им, включая Мирослава Красса, возвращено чехословацкое гражданство.

Казалось бы, любой интерес российских спецслужб к господину Крассу должен на том исчерпаться. Однако далее последовал совершенно необычный поворот.

Антигуа.

Таня Садовникова

«Мамуля, мамулечка... Что же ты творишь!» — думала Таня, в очередной раз услышав, что аппарат Юлии Николаевны «выключен или находится вне зоны действия сети».

Она стояла на пляже. Море глянцево переливалось в свете звезд, тихонько, будто робко перебирали струны гитары, шумел прибой. Кафе за ее спиной то и дело взрывалось музыкой, смехом — тема убийств уже надоела, народ принялся отдыхать. Вдалеке, сияя огнями, прошел круизный лайнер — скорее всего, тот самый, что должен был увезти их с матерью на соседний остров.

«Почему же мамуля так похожа на Глэдис?.. — продолжала ломать голову Садовникова. — И каким боком здесь Мирослав?! Уже ясно, что он обхаживал мать в своих целях... Но каких? Негодяй! Кстати, а не мать ли убили на миллионерской яхте?! Допустим, госпоже Хэйл по каким-то причинам потребовалось исчезнуть, и она, с помощью Мирослава Красса, решила инсценировать свою смерть, и вместо нее убили другую женщину. Да нет, быть не может. Мирослав, что ли, совсем дурак? Неужели не понимает, что сохранить тайну ему никак не удастся. Да и убили Глэдис, судя по всему, еще вчера. А маму я видела несколько часов назад. Живой и здоровой. Тут, похоже, другая комбинация. Но какая?..»

Ничего дельного в голову не приходило. Таня досадливо пнула подвернувшуюся под ноги песочную кучу и вдруг услышала:

— Таня, не надо!

Она вздрогнула и обернулась — это Дэн, молодой скульптор, с которым она недавно познакомилась здесь, на острове.

— Пожалуйста, Таня! Только скажите, чем вас утешить? У вас такой расстроенный вид! Хотите, сейчас моторку возьмем. Я тут многих знаю, организую в два счета. Не верите?

Слушать его было просто смешно, но — не противно. А если...

Девушка остановилась, внимательно взглянула на скульптора. С виду, безусловно, молод, несерьезен, бестолков. Но влюбленный, преданный взор все искупает. Не использовать ли мальчика в своих целях?

Тщательно подбирая слова, Таня сказала:

— Дэн, ты, действительно, можешь мне помочь.

И изложила парню облегченную версию — ни слова о сторожевой башне, мамином визите туда и ее сходстве с Глэдис. Просто: мол, моя мамуля

ЕЕ последняя любовь...

познакомилась здесь, на острове, с неким джентльменом и совсем потеряла голову. Сбежала к нему, на звонки не отвечает, вестей о себе не подает... А она, дочка, беспокоится. И очень просит помочь маму найти.

Мальчик слушал внимательно, кивал понимающе, а когда Таня завершила свой спич, выхватил мобильный и начал кому-то звонить.

— Майк? Ты где? Отлично. Можешь через пятнадцать минут подскочить к отелю «Парадиз»? Тот, что у «Моста дьявола»? Да, дело. Очень важное. Давай, жду. — Отключился, радостно потер руки: — Все в порядке! Считаю, маму твою нашли.

Майк, в отличие от Дэна, был очень и очень немолод. Пожалуй, сделала вывод Таня, ее новый знакомый был примерно одного возраста с отцом — однако и весом, и габаритами его превосходил. И еще, если от Валерия Петровича исходила добрая аура, позитивная сила, то в Майке и его манерах чувствовалось нечто угрожающее. Хотя вел он себя естественно и мило. Обратился к ней отеческим тоном:

— Ну, говори. Что у тебя случилось?

Таня уже знала от Дэна, что Майк работает в детективном агентстве, единственном на Антигуа.

— Ему найти хоть кого — вообще раз плюнуть. — уверял скульптор. — Связи везде: в полиции, гостиницах, информаторов полно...

Что ж, отступать поздно. Надо максимально использовать возможности Майка — будем допускать, они у него реально имеются.

— ...Значит, надо найти влюбленную русскую женщину. Здесь, на острове, — подытожил Майк. — Что ж, попробуем. Где сосредотачиваем область поиска? Отели, пансионаты? Дома в аренду?

— Ну, это, наверное, вам решать, — удивилась вопросу Татьяна.

— Я имею в виду: сколько у них денег? Джентльмен шикует или экономит?

— Джентльмен непредсказуем, — буркнула девушка. — А мама за ним хоть в шалаш пойдет... Кстати, проверьте, на всякий случай, больницы. А еще аэропорт, морской порт — вдруг она уехала с острова? У вас есть такая возможность?..

— Я могу все, — пожал плечами детектив. — Но, если, допустим, они наняли катер, паспортов там не просят.

— Разумеется, я оплачу ваши услуги, — поспешно произнесла Татьяна.

— Таня, брось, Майк тебе просто так поможет, — вмешался Дэн.

— Даже не думайте, — улыбнулась Таня. — Меня это не разорит. А найти маму очень важно.

— Я немедленно возьмусь за дело, — заверил ее детектив. — Идите сейчас, спокойно ложитесь спать, отдыхайте. Позвоню вам, — взглянул он на часы, — завтра в девять утра. Надеюсь, с хорошими новостями.

Давно.

Стамбул.

Мирослав Красс

Жизнь Мирослава, казалось, безнадежно пропала и никогда уже не будет такой, как прежде. Даже пива он не пил с того самого дня, когда его выпустили из немецкой тюрьмы. Мысль о самоубийстве все чаще посещала его. Он стоял на Новом Каменном мосту и смотрел на проносающуюся под ним воду. Может, действительно покончить со всем прямо сейчас? Со своей незадавшейся судьбой и жизнью? Быстрый холодный Дунай завертит его, тяжелые ботинки и одежда потянут в глубину...

И вдруг кто-то похлопал его по плечу. Мирослав стремительно обернулся к радушно улыбающемуся мужчине.

— Мир! — воскликнул тот. — Не узнаешь?

Когда незнакомец назвал его по имени, Мирослав сразу узнал неожиданного прохожего. Ну, да, это Стефан, они шесть лет вместе протирали штаны в аудиториях, практиковались в хирургии.

— Как ты здесь? — удивленно спросил он.

— Проездом, — махнул рукой Стефан. — А как ты? До чего же я рад тебя видеть! Пошли, выпьем, воспыснем нашу встречу. Не бойся, я угощаю, деньги имеются.

...Он, не спеша, уничтожал свои сосиски с пивом и рассказывал о себе.

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

А судьба у Стефана оказалась занимательной — если, конечно, не врал.

— Мы эмигрировали из Болгарии — если ты не помнишь, мама у меня турчанка. И теперь у меня в Турции, в самом Стамбуле, своя клиника. Рекламы мы не даем, но пациентов и так хватает. Откуда они берутся? Да ты сам увидишь. Как увидишь? На своем рабочем месте. Да, ты не ошибся, я приглашаю тебя к нам на работу. Наши акционеры дадут тебе подъемные, а тебе надо только собраться, погрузить вещи и переехать. О какой сумме подъемных идет речь? Ну, скажем, две тысячи дойчмарок наличными — идет?

Мирослав еле сдержался, чтобы не закричать: давай, давай, все подпишем, и как можно скорее! Но постарался ответить как можно равнодушнее:

— Да, наверное, этого хватит. А когда приступать к работе?

Хоть и уговаривал Мирослав сам себя не спешить, но в Стамбул прилетел уже на пятый день после встречи со Стефаном.

Клиника, которой заправлял Стефан, оказалась несколько иной, чем те, в которых Мирослав работал в прежней жизни. И к которым привык. Он, разумеется, подозревал, что новое место работы определенным образом связано с криминалом, но не рассчитывал, что эта связь окажется столь очевидной.

Госпиталь специализировался на пластической хирургии.

И мало того, что работал безо всякой рекламы, у него даже не было вывески, а сама клиника была замаскирована под обычную квартиру. Да, она оказалась очень и очень специфической...

Мирослав часто думал: выстрел, прозвучавший тогда в самолетном салоне, словно разделил его жизнь на две половины. В одной, первой,

он был благонадежным и благонамеренным гражданином, уверенно идущим по карьерной лестнице, а вторая часть его судьбы неуклонно катилась под откос: нищий безработный превратился в пластического хирурга, подпольно изменяющего внешность террористам и мафиози.

Зато с деньгами теперь было все в порядке. Он получал от Стефана наличные в конверте, аккуратно, раз в неделю. Денег хватало, чтобы арендовать хоть и односпальную, зато шикарную квартиру. На работу и с работы добирался на такси. Он мог бы позволить себе купить собственную машину — даже «мерседес», однако не хотел самостоятельно лавировать в хаотичном стамбульском трафике. Одним словом, жизнь постепенно налаживалась.

Но однажды... «Мы ожидаем нового пациента, — сказал Стефан. — Завтра. Между прочим, женщину». Мирослав только плечами пожал: женщину и женщину, какая разница. Однако когда на следующее утро вошел в палату, чтобы познакомиться с клиенткой, он обомлел. Потому что на кровати, спиной к нему, сидела, в халатике, та самая русская — Юлия. Та же фигура, цвет волос, поворот головы, руки и плечи... Пораженный, Красс остолбенел, не в силах вымолвить ни слова.

Пациентка, тем не менее, почувствовала его взгляд и обернулась. Нет — лицо, увы, оказалось вовсе не Юлиным. Столь же молодым и свежим, однако, совсем с другими чертами. Нос — крупнее, иные брови и разрез глаз. А вот сами глаза — ужасно похожи, та же бездонная синь. Рот и подбородок — чуть более мелкие, губы — значительно уже и с опущенными уголками. Словом, девушка походила на Юлю, как походила бы на нее сестра.

Но какова природа! Вот это фокусы! Вот это шутки! Она наградила совсем чужую женщину той же самой фигурой и внешностью!

— Здравствуйте, доктор! — проговорила женщина на идеальном английском.

Акцент американский, машинально отметил Миро, можно сказать, она — с восточного побережья, с севера страны. Нет, эта дама никак не может быть русской.

Так как он по-прежнему хранил молчание, девушка насмешливо спросила:

— Со мной что-то не так?

— О, извините, — смутился Мирослав. Надо было как-то объяснить, хоть что-то сказать, но признаваться женщине, что она похожа на другую, тем более при первой встрече, — чистое безумие. И Красс повторил то, что говорил уже множеству пациенток:

— Я просто поражен вашей красотой.

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

Ее глаза потеплели, и в тот самый момент Мирослав уверился: они будут вместе. Он не знал — когда, не понимал, как долго продлится их связь, и насколько тесной будет, но что они однажды лягут вместе в кровать, он не сомневался. Похоже, что-то для себя в тот краткий миг решила и она. Но что — ему пока было неизвестно.

Американка стала первой пациенткой, которую от начала до конца вел Мирослав. Он не позволял себе с нею ничего личного. Никаких вольностей даже в разговорах, все строго по делу. Первым делом обсудили ее будущую внешность. Мирослав показал портрет, выполненный карандашом. Он нарисовал его за один вечер, вдохновенно. Писал по памяти, но получилось похоже, очень похоже. Любой узнал бы в портрете русскую девушку Юлю.

Оставалось убедить американку, что именно эти губы, брови, глаза и рот будут для нее самыми выигрышными. Пациентка, разумеется, внесла в рисунок свои поправки, и Мирослав горячо подержал ее — однако сделал все по-своему.

Операция прошла без осложнений.

И вот — настал момент снятия повязок. Эту процедуру Мирослав никогда не доверял сестричкам, с начала и до конца все делал сам.

Когда, наконец, марля, скрывавшая лицо, была размотана, он протянул пациентке зеркало. И сам стал всматриваться в ее черты — с жадностью и с замиранием сердца, которого ни разу после операций еще не испытывал. Лицо пациентки представляло один сплошной синяк — однако тренированный взгляд хирурга разглядел новые черты и с замиранием сердца понял, что теперь американка как две капли воды похожа на русскую — Юлю Садовникову.

А девушка, рассмотрев себя в зеркало, вдруг заплакала, закрыла лицо руками.

— Ну, что ты? — мягко спросил Мирослав.

Пациентка замотала головой.

— Нет, это не я!

— Но ты же прекрасна!

— Нет, нет!

— Ты очаровательна, восхитительна, великолепна! Жаль, я не смогу поцеловать тебя в губы — тебе будет больно, но дай мне твои руки.

Она оторвала от лица и протянула ему свои измоченные слезами ладони. Он поднес их к губам и стал покрывать поцелуями...

— Уедем! Вместе. Прямо сейчас, — говорила она ему.

— Дорогая, но я же работаю.

— У меня теперь много денег, и я куплю тебе новую клинику.

— Перестань. У меня обязательства перед Стефаном.

— Ты подписывал с ним контракт?

— Нет, но...

— А на нет и суда нет. Пойди к нему и скажи, что увольняешься.

Американка выписалась из клиники и поселилась в отеле. Теперь они встречались там.

Когда Миро озвучил Стефану свое решение уволиться, тот помрачнел, затем сказал:

— Я прибавлю тебе жалованье.

— Нет, я не за деньгами к тебе пришел.

— На двадцать процентов.

— Нет.

— На тридцать.

— Не в деньгах дело.

— А в ком? В той американке?

— Какое это имеет значение!

— Значит, в ней... Послушай, у тебя сейчас хорошее место и хорошая зарплата. А будет еще больше. И ты уйдешь — из-за нее? Где будешь работать? На что жить?

— Это мои проблемы.

— Ну, что ж, неволить не стану. Хочешь уйти — уходи. Только дай мне пару недель, чтобы я нашел тебе замену.

В последующие дни Стефан был с Мирославом ласков. Он, казалось, преодолел и обиду, и неудобство, что причинял ему уход хирурга. В один из дней пригласил их обоих на, как он выразился, отвальную пирушку. Они втроем отправились в ресторан неподалеку от Галатского моста. Им подавали камбалу, тушеную в вине, и баклаву. Обед завершился кальяном и танцем живота.

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

Когда вышли из ресторана на сонные, темные улицы, из подворотни скользнули две тени. Стефан тут же испарился, словно и не было его с ними. А Мирослав с девушкой оказались лицом к лицу с двумя мрачными парнями.

«Дьявол!» — ругнулся про себя Мирослав. Как назло, в бумажнике у него лежало несколько сотен баксов. Специально взял побольше, чтобы на спутницу впечатление произвести.

Однако деньги парней, оказалось, не интересовали.

В их руках сверкнули ножи.

Мирослав крикнул американке: «Беги!», и девушка не заставила себя упрашивать. Она развернулась и помчалась прочь по темной улице.

Численный перевес сослужил дурную службу наемникам. Они расслабились, полагая, что Миро станет легкой добычей. Но он заблокировал первый выпад убийцы, взял его правую руку на болевой и, не жалея, сломал ее: душераздирающий хруст заглушил ужасный вопль, а нож нападавшего оказался у Мирослава. Он ударил им второго — тот успел защититься своим предплечьем, однако лезвие пропоролу ему руку едва ли не насквозь. От ближайшего ресторанчика раздались крики и свистки. В их сторону торопились возбужденные люди. И тогда, чтобы не превратиться в глазах свидетелей и полиции из пострадавшего в обвиняемого, Мирослав отшвырнул финку и побежал.

Его не стали преследовать.

У себя дома он оказался через полчаса.

Однако Миро встретила дверь нараспашку и полный кавардак в квартире. Вещи и книги были разбросаны, матрацы и подушки вспороты, даже разбиты склянки с чаем и кофе. А из вентиляции исчез конверт, со всеми его сбережениями, которые он накопил за время работы в клинике.

Через десять минут снизу в домофон позвонила Глэдис. Она поднялась на этаж, посмотрела на кавардак, коротко спросила:

- Что ты собираешься делать?
- Немедленно уехать.
- Но ты понимаешь, кто это сделал?
- Я догадываюсь.
- И ты собираешься оставить его безнаказанным?
- А что я могу?
- Мстить, — дернула она плечом.
- Это несерьезно. Будет только хуже.
- Слабак! — выпалила она.

...В ту же ночь в подпольной клинике Стефана занялся пожар. Все три квартиры, объединенные в лечебницу, выгорели дотла.

А наутро из аэропорта Ататюрк вылетели рейсом в Париж Мирослав Красс и Глэдис Хэйл.

Наши дни.

Антигуа

Солнечный луч пробился сквозь занавеску, попытался разбить Танины сновиденья. Она отвернулась от окна, закрылась подушкой. Еще хоть немного поспать — заснула лишь под утро... И вдруг яркий свет хлынул потоком, ослепил, накрыл.

Таня в страхе села на кровати, заморгала спросонья и увидела, как над ней нависает вчерашний огромный пожилой детектив. Майк. И лицо его мрачно.

— Что... что вы здесь делаете? — выдохнула она.

Отвернувшись, Майк буркнул:

— Одевайся.

— Я, вообще-то, просила не приходить сюда, а позвонить в случае чего, — хмуро произнесла Татьяна.

Майк снова повернулся к ней.

— Ее арестовали.

— Что?! — ахнула девушка.

— Мамаша твоя, Юлия Садовникова, арестована, — терпеливо повторил детектив.

— Но... — Таня беспомощно хватала ртом воздух. — Почему?!

Он, с удивительной для своих габаритов грациозностью, уселся в соседнее кресло.

— Зря ты не рассказала мне всей правды. Сразу.

ЕЕ последняя любовь...

— Но что случилось?

— Она застрелила своего любовника, Мирослава Красса. Я сожалею.

— Что за бред!.. — Татьяна потерла виски.

— Увы, все улики против нее. Люди видели, как твоя мать входит в дом Мирослава. И, главное, — на оружии отпечатки ее пальцев. Только ее.

— Боже мой...

— Когда ее спросили, зачем она это сделала, Юлия ответила: «Этот мужчина сломал мою жизнь».

— Не-ет! — простонала девушка.

— Можно было бы попробовать доказать состояние аффекта, — вздохнул детектив. — Но, увы, здесь не просто ссора между любовниками. У нас в полиции не совсем дураки работают. Отпечатки пальцев твоей матери обнаружены и в резиденции госпожи Хэйл. Потому будет выдвинуто еще одно обвинение — соучастие в ограблении. И в другом убийстве — слуги.

— Она ничего не знала! Просто была там! В гостях!

— Почему ты мне сразу не рассказала все? Про больное сердце наплела...

— Потому что... потому, что мать моя — вообще ни при чем. Ее подставили! Мирослав ей сказал, что они в гости к его другу едут. Ни про какую Хэйл она даже не знала...

— И про свое удивительное сходство с ней — тоже? — вкрадчиво спросил Майк.

— Конечно, нет! Я вообще не понимаю, как это может быть, — подавленно произнесла Таня.

— В полиции думают, что госпожа Садовникова просто использовала свое удивительное сходство с госпожой Хэйл в корыстных целях.

— Не она использовала — Мирослав!

Майк будто не расслышал и продолжал:

— Юлия Садовникофф как две капли воды похожая на миссис Хэйл, выдала себя за нее, чтобы

проникнуть в дом американки. Вместе со своим сообщником Крассом они убили дворецкого, взломали сейф, а впоследствии между ними произошла ссора. Не смогли награбленное поделить. В результате — господин Красс погиб.

— Вообще нереально! — отрезала Таня. — Чтобы моя мама в ограблении согласилась участвовать?! Она — бессребреница по жизни, и очень законопослушная. Дороги на красный свет не перейдет.

— Но в том, что она убила Красса, — сомнений ни у кого нет. Даже у меня. Если хочешь помочь матери, пожалуйста, расскажи мне все, что знаешь.

— Да не знаю я больше ничего! — выкрикнула девушка. — Только одно — мама никого не могла убить!..

— ...в чем практически всегда уверены любящие родственники любого убийцы, — небрежно заметил детектив. — А улики бесспорные. Она арестована фактически на месте преступления. С оружием в руках.

— Кто-нибудь видел, как мама убивала? — бросилась в наступление Татьяна.

— Видели, как она входила в дом.

— Хотя бы выстрел слышали?

— В особняке прекрасная звукоизоляция. Полиция там оказалась через десять минут после Юлии. Она стояла над мертвым телом, и в руках ее был пистолет.

— Значит, мама пришла туда, когда Мирослава уже убили. А оружие схватила по глупости, машинально.

— Судмедэксперт клянется, что убили его, максимум, за полчаса до того.

— А почему полиция приехала так быстро?

— Им поступил звонок. Анонимный.

— Вот и вся комбинация! Ее просто подставили! — триумфально выкрикнула Татьяна. — Надо, наверное, в наше консульство позвонить. Нет, сначала лучше Валерочке... Скажите, хотя бы увидеться с ней вы мне поможете?..

— Да, — вздохнул частный детектив.

...Это было ужасно. Просто ужасно! Мамочка, всегда такая авторитетная, уверенная в себе, теперь превратилась в перепуганную, согбенную старушку и все повторяла как заклинание:

— Доченька, прости... прости... Я... я всегда учила тебя... вести себя достойно, а сама, сама... — В голосе ее звенело неприкрытое отчаяние.

— Мама... — только и выдохнула Татьяна. — Ты можешь хотя бы объяснить мне — зачем?!

ЕЁ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

— Он... Мирослав... позвонил мне, — горько усмехнулась Юлия Николаевна, — наговорил, напел, убедил. Клялся, что все расскажет, и я пойму. Что хотел объяснить еще там, в сторожевой башне, и я сама виновата, что убежала. — Она снова всхлипнула. — Вот и пошла на его зов, словно под гипнозом...

— Но зачем ты его убила?

— Таня, ты что? — Мать даже отпрянула. — Как тебе такое могло в голову придти?! Ты тоже поверила им?!

— Ты же сама говоришь, что виновата!

— ...лишь в том, что доверилась Мирославу. Но я никогда и никого не смогла бы убить. Даже того, кого по-настоящему ненавижу. Мирослав позвонил мне в отель, уговорил приехать к нему. Когда я пришла, дверь была открыта, я удивилась, что он не встречает, окликнула, но Мирослав не отозвался. Ну, я и зашла. А там он... на полу. Лицом вниз. В крови. Дальше, — она судорожно всхлипнула, — не помню.

— А пистолет? Говорят, у полиции есть пистолет, и на нем твои отпечатки пальцев?!

— Возможно. Оружие валялось рядом, на полу. Наверное, я коснулась его, когда бросилась к Мирославу. Когда пыталась помочь ему... Прости, Танечка, я виновата, кинулась головой в омут. Но я ведь немолода, думала, что последний раз в жизни шанс выпал. Я действительно любила Мирослава...

— Мам, все будет в порядке, — твердо произнесла Татьяна.

И в страхе подумала: «Что же я Валерочке теперь скажу?! Он-то меня сюда отправил, чтобы я за матерью присмотрела. А я...»

Работа плоха хотя бы тем, что требует свежей головы. Шеф их всех пас четко. Только глянет в глаза — и будто просканировал. Но сегодня небеса сжалились. Начальник с самого утра отправился на происшествие, потому удалось сбежать

в патио и сделать пару затяжек, благо «косячок» имелся. Кларк блаженствовал под сенью агав, покуривал в тенечке и наблюдал, как по небу лениво ползут облака, а во дворе полицейского управления мечутся посетители. Он готов был просидеть под агавой хоть вечность. Но разве дадут?.. Шофер в полицейском управлении — работа хлопотная. Вот уже лейтенант орет на весь двор:

— Кларк! Хорхе! Где вы, черт вас дерит?! На выезд!

— Мы тут, господин лейтенант! — откликнулся Кларк. — Уже идем!

И через пару минут оба уже сидели в фургоне. Кларк за рулем, напарник (он считался охранником) рядом. Конвой подвел к джипу какую-то женщину. Белая, приличная на вид, такие в их тюряге — неслыханная редкость.

— Вау! — сразу оживился Хорхе. — А она ничего. Давай ей кондиционер включим!

— Ты сдурел? — лениво прикрикнул на напарника Кларк и, мимолетно взглянув на женщину, фыркнул презрительно: — Ей же лет сто!

— Не сто, а сорок пять-сорок шесть, — авторитетно поправил Хорхе. — Для женщины самый сок!..

— Отвезете ее к сторожевой башне, там уже ждут, будет следственный эксперимент, — приказал лейтенант. — Да побыстрее! И глаз с нее не спускать. Код «А».

Код «А» — это сильно. Убийца, значит. А с виду — будто школьная училка. Чего ей-то спокойно не жилось?

— Та самая, что любовника своего застрелила. — Просвещал, пока выезжали со двора, Хорхе. — Они вместе богатый дом взяли, а потом добычу поделить не смогли. Тетка психанула — и бах! Бах!

— Да, я что-то слышал, — рассеянно бросил Кларк.

Когда выехали за пределы города, он вдруг, громко чертыхнувшись, затормозил — через все шоссе растянулось стадо — нелепые, вислорухие мулы.

— А, чтоб вас!

Хорхе тоже разозлился, открыл окно и заорал на пастуха:

— Куда своих тварей вывел?..

А тот, вместо того, чтоб мулов своих пошевелить, к машине заторопился, приложив руку к уху:

— Чего?!

— Стадо свое, к черту, уводи! — рявкнул Хорхе, высовываясь из окна.

И вдруг голова его исчезла, раздался неприятный хруст. А спустя еще секунду распахнулась дверца водителя, и спорить с огромным мужиком в черной маске и с пистолетом в руках Кларк, конечно, не решился.

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

— Таня, я ведь говорил тебе: все получится! — Юного скульптора переполнял восторг.

Садовникова, на заднем сиденье автомобиля, в обнимку с мамой, тоже была счастлива. И только Майк, сидя за рулем, выглядел мрачным.

— Мы сделали это! Сделали! — продолжал ликовать Дэн.

— Слушай, заткнись, а? — раздосадовано попросил пожилой детектив-гора.

Кажется, его переполняло раскаянье, что пошел у Татьяны на поводу. Или, скорее, он считал, что продешевил.

Когда Таня впервые заикнулась про побег, Майк был непреклонен:

— Бесполезно. Опасно. Глупо.

Она достала из кошелька золотую кредитную карточку.

— Таня, у меня здесь, на острове, легальный бизнес, — поморщился Майк. — Какой мне смысл рисковать?

— Пятьдесят тысяч, — выпалила она.

Сумма явно произвела на него впечатление. Детектив задумался. После паузы медленно произнес:

— Допустим... технически это возможно. Но что дальше? С острова твоей матери все равно не выбраться.

— Пятьдесят тысяч, когда мы окажемся... допустим, в Мексике.

— Ты меня за дурачка держишь? — обиделся Майк. — Один транспорт нам влетит тысяч в тридцать!

— О кей. Тогда я заплачу тебе восемьдесят, — не стала торговаться Таня. — Чтобы покрыть все твои расходы. Не бойся, деньги у меня есть. Можем вместе сходить в банк — ты убедишься.

— Таня, я понимаю, конечно, ты хочешь спасти свою маму. Но, по большому счету, только хуже сделаешь. Даже если ей удастся скрыться, все, не будет больше госпожи Юлии Садовниковой.

Ее объявят в международный розыск. До самой смерти придется прятаться. Тем более, ты говоришь, что мама твоя ни в чем не виновна. Не проще ли нанять ей хорошего адвоката? Получится дешевле. А главное — гораздо разумнее.

— Но я не хочу, чтоб мама оставалась... там! Ни дня, ни минуты!..

— Адвокат может ходатайствовать, чтобы ее выпустили под залог.

— Какой залог, когда ее в двух убийствах обвиняют?! — взвилась Татьяна.

И Дэн тоже начал давить на друга:

— Майк, ты же сам говорил, что с финансами у тебя труба! А тут — полсотни чистыми!

— Или самому в тюрьгу, лет на пять.

— Да ладно, ты же профессионал! Кому в голову придет подозревать тебя? А уж меня, — весело рассмеялся Дэн, — тем более.

— Ничего не будет, не бойтесь, — заверила их Татьяна. — Мы, все трое, — умные люди. Сработаем чисто.

— От вас-то двух какой толк? — пробурчал Майк.

— Значит, ты согласен?! — просияла девушка.

— Не знаю пока, — осторожно ответил Майк. — Сначала мосты наве-сти нужно.

Им повезло. Уже на следующий день, выяснил детектив, был намечен следственный эксперимент. Юлию Николаевну должны были доставить на место преступления, в сторожевую башню. Повезут, естественно, в сопровождении конвоя, в спецмашине.

— Шоферит завтра Кларк, — просвещал их толстяк. — Я его знаю. Парень — пофигист и тупица. Ты, Дэн, сегодня вечером к нему подкатишься, вместе выпьете, угостишь его косячком, с собой обязательно дашь. Лишь бы он только не переборщил.

А уж стадо, нанятое на час, обошлось и вовсе в сто долларов.

— Ты гений, Майк! — с чувством произнесла Таня, когда их джип с тонированными стеклами рванул прочь с места похищения.

— А ты теперь... нет, мы, все четверо — вне закона, — хмуро откликнулся тот.

— Брось! — отмахнулась она. — Мы просто восстановили справедливость.

Девушка пока не задумывалась о последствиях авантюры, не знала, что скажет отчиму, когда, наконец, придется докладывать ему обо всем, что случилось. Главное, мама — пусть бледная, измученная, с опущенными плечами — сидит с нею рядом.

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

Майк, с виду недотепа, предусмотрел, действительно, все нюансы.

Их джип практически сразу свернул с шоссе, петлял на плохоньких грунтовках, пробирался по лесным дорогам. Наконец затормозил у кромки поля. Ни моря поблизости, где бы их ждал катер, ни жилья, ни вообще малейших признаков жизни.

— Куда ты нас привез? — нахмурилась Татьяна.

Майк взглянул на часы и торопливо произнес:

— Выгружайтесь, быстро! Сейчас все будет.

Таня вышла из машины и посмотрела на небо, где парили кондоры, а еще выше, за легкими облаками, тархтел крошечный самолетик.

— Сейчас полетим на Гваделупу, и там я вас познакомлю с одним очень полезным человеком. Старший помощник на круизном судне. Поедете с ним, по чужим документам, естественно. Порт назначения — Фортендейл, Соединенные Штаты Америки, — сказал Майк.

А «кукурузник» уже тархтел над их головами и вскоре лихо приземлился.

— Прошу, поднимайтесь на борт, располагайтесь, отдыхайте! — балагурил скульптор. — Вскоре после взлета вам будут предложены горячительные напитки и ужин!..

— Слушай, заткнись, а? — прикрикнул на него Майк.

Хотя все пока шло удачно, плохое настроение его не покидало. И на Татьяну он поглядывал как-то странно. «Будто догадывается, что авантюра наша добром не кончится, — подумала она. — Или...»

Ее вдруг охватило беспокойство. Как-то очень уж быстро удалось уговорить пожилого детектива совершить ради нее преступление. Восемьдесят тысяч долларов — конечно, здесь, на Антигуа, хорошие деньги, но неужели стоило ради них рисковать? Свободой, может быть, даже жиз-

ню?.. А Дэн — тот вообще непонятно зачем ввязался в историю. Может, у них обоих какой-то собственный интерес? Но отступить уже поздно...

Самолетик взлетел, в иллюминаторах промелькнули городские белые домики, центральная площадь, собор Сен-Джонс, форт, злосчастная сторожевая башня...

— Не кисни, красавица! — сквозь шум мотора раздался голос Дэна. — Жизнь прекрасна, нас ждет Америка! Небоскребы, биг-маки, сабвеи, Голливуд!

Даже мама — и та улыбнулась его энтузиазму.

Только Майк по-прежнему оставался мрачным.

Через полтора часа самолетик приземлился — опять на неприметном поле, где их уже ждала машина — без водителя, ключи в зажигании.

— Слушай, откуда все это? — заинтересовалась Таня. — Кто тебе помогает?

— О-о, наш детектив — большой человек! — дурашливо произнес Дэн.

— Замолчи! — оборвал его Майк, и, повернувшись к Татьяне, бесстрастно проговорил: — Друзья.

— Да, друзей у него полно! — никак не успокаивался скульптор. — Самых разных. Сейчас старпом увидите — вообще обалдеете! Вы, кстати, как насчет рабочих профессий?

— В смысле? — не поняла Таня.

— А вас на теплоход, думаете, пассажирками возьмут? В службу! Горничными, официантками... Или посудомойками.

— Но все-таки я не понимаю, — обратилась к Майку Татьяна. — Ты сказал, мы поедем по чужим документам. Но у американцев — паспорт-контроль строжайший, в базе данных должны быть наши отпечатки пальцев. Они всегда на въезде сверяют.

— Я обещал, что вы с мамой отсюда уедете, значит, уедете, — веско произнес человек-гора.

...Гваделупа оказалась островком ухоженным, аккуратным. Беленые домики, пышные кроны пальм, улыбчивые лица.

— А этот ваш старпом — он здесь живет? — полюбопытствовала Таня.

— Он... — Майк сделал секундную паузу, — он здесь дом снимает. Отдыхает между рейсами.

Старпом (он назвался Ричардом Трэвисом, «можно просто Дик») оказался человеком симпатичным. Приветствовал их широкой улыбкой, провел в гостиную, усадил на диван, предложил коктейли.

— Я бы хотела джин-тоник, — улыбнулась ему в ответ Татьяна.

— А мне... просто воды. — Мама выглядела все хуже, бледно-зеленая, она хватала ртом воздух.

ЕЁ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

— Вам плохо? — забеспокоился старпом.

— Нет-нет, — поспешно откликнулась мамуля. — Просто... устала немного.

— Ну, отдохнете, время будет, — дружелюбно произнес мистер Трэвис и небрежно кивнул Майку с Дэнном: — Все, ребята, свободны. Дайте мамам покой!

Те послушно покинули гостиную. Как только дверь за ними захлопнулась, лицо старпома мигом лишилось добродушной улыбки. Не обращая на Татьяну внимания, он приблизился к Юлии Николаевне и сухо проговорил:

— Все, довольно комедии. Говори. Где они?

Та растерянно взглянула сначала на него, потом на дочь.

— Простите... I don't understand.

— Госпожа Садовникова, не советую вам темнить. Где они?!

Мама напряженно вслушивалась в английскую речь.

— Она, правда, не понимает! — вмешалась Татьяна. — И вообще, что вы себе...

— Заткнись! — оборвал ее мужчина, схватил Юлию Николаевну за плечи и грубо встряхнул: — Где то, что вы взяли в особняке Хэйл?!

— Я...

Таня бросилась к двери.

— Стоять! — рявнул Трэвис.

Девушка дернула ручку — заперто. Кричать? Но кто услышит?

Она решительно вернулась, попыталась стряхнуть с маминых плеч грубые мужские руки и сердито произнесла:

— Послушайте! Она действительно вас не понимает. Хотите с ней пообщаться, я могу перевести. И вообще, что за методы? Давайте поговорим, как цивилизованные люди!

— Что ж, давай, — недобро усмехнулся лжестарпом. — Мне нужно содержимое сейфа Хэйл.

— Но мама даже не знает, что там было!

— Ложь! — оборвал мужчину.

— Таня, объясни мне... — жалобно пискнула мама и вдруг, схватившись за сердце, рухнула на пол.

— Мама! — бросилась к ней девушка.

— Чертов цирк! — прошипел Дик и грубо схватил Юлию Николаевну за руку, пытаясь приподнять ее.

— Идиот! — взъерилась Татьяна. — Она в обмороке! Позовите врача!..

— Ладно, сейчас будет вам врач, — злобно бросил Трэвис и стукнул кулаком в стену.

Дверь тут же распахнулась, и на пороге показались двое, по виду, мексиканцы. Трэвис отдал им короткое приказание на испанском языке, смысла которого Таня не поняла.

Один из мужчин легко подхватил Юлию Николаевну на руки, второй взял Татьяну под локоток. Сопротивляться? Кричать? Но мама — совсем беспомощна... Нет, сейчас — покорность, и только покорность. Лишь бы их не разлучили!..

Сумрачный коридор, лестница... На третьем этаже ее втолкнули в одну из комнат. Юлию Николаевну, к счастью, оставили здесь же — мексиканец небрежно, словно куль, бросил ее на не застеленную кровать, с ужасающим акцентом велел по-английски:

— Сидеть тихо! — и направился к двери.

— Ей нужен врач! — крикнула вслед Татьяна.

Мужчина не ответил. Дверь захлопнулась, щелкнул замок. Мама жалобно застонала, и Таня бросилась к ней. Схватила за руку, нащупала пульс, потрясла за плечо.

Юлия Николаевна открыла глаза, испуганно взглянула на дочь:

— Таня? Что?.. Что случилось? — Нахмурилась, оглядела незнакомую комнату, привстала: — Где мы?

— Ты, правда, сознание потеряла или прикидывалась? — строго произнесла Татьяна.

— Танечка! Ты что?! — Глаза мамы тут же наполнились слезами.

— Ладно, прости, — буркнула Татьяна. Хотя ей показалось, что мама знает куда больше, чем говорит.

Но, в любом случае, влипли они сейчас обе по самые уши. Значит, надо думать, как выбираться отсюда.

Таня подошла к окну. Открылось оно свободно. Девушка с надеждой распахнула створку... М-да, можно даже не пробовать. Третий этаж. А потолки в доме — высоченные. Сделать веревку из простынь? Но постельного белья нет. В комнате вообще ничего не имелось, кроме единственной голой койки. И дверь — заперта. Им остается только покорно ждать, что будет дальше?..

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

— Таня! Ты можешь мне объяснить, чего они от нас хотят? — дрожащим голосом спросила Юлия Николаевна.

— Мистер Трэвис сказал, по-моему, ясно: ему нужно то, что вы с Мирославом украли из сейфа.

— Но я...

— Да. Да. Я уже поняла, в ограблении ты не участвовала и вообще ничего не знаешь, — с раздражением откликнулась дочь.

— Танечка, зачем ты так?

— Да затем! С нас требуют нечто чрезвычайно ценное, иначе бы не стали из тюрьмы тебя вытаскивать. Неужели непонятно: они вовсе не помочь нам хотели, а просто выполняли приказание этого Трэвиса! Вот, небось, хихикали про себя, когда мы в благодарностях рассыпались, деньги им предлагали! А ты клянешься, что даже не знаешь, о чем речь!

— Но я, правда, не знаю!

— Там, в сторожевой башне... ты видела труп дворецкого. А Мирослав, что он делал? У него хотя бы в руках что-нибудь было?

— Н-нет... Сзади, на столе только...

— Что?

— Бархатные коробочки. Вроде как с драгоценностями... И еще, по-моему, холсты. Картины.

— Какие?

— Не видела я! Они свернуты были!

— А дома у него?

— Нет, ничего.

— Ладно, — вздохнула Таня, — примем твою версию. Что в особняк явился кто-то до тебя. Прикончил Мирослава и прихватил драгоценности, картины — или что там еще в сейфе было. Но тогда возникает вопрос: Мирослав — грабитель номер один. Некто — тот, кто его убил и добычу забрал, — второй. А эти ребята, что нас здесь держат... Они — кто?.. — Она насупилась и, что-то вспомнив, продолжила: — Получается, что тебя прямо от сторожевой башни пасли. Зна-

чит, выяснили, что ты находишься у меня в номере. Со мной познакомились, выходит, тоже из-за тебя. Они все знали, все! И, наверное, проследили, как ты к любимому своему из гостиницы помчалась... Но тогда они должны понимать, что у тебя и ворованного ничего нет. Бр-р... — помотала головой Татьяна. — Вообще ничего не понимаю... — подошла к окну, выглянула в пустынный двор, начала размышлять: — А как они, интересно, будут действовать дальше?

— Поймут, что мы ни при чем, — поспешно отозвалась мама, — и отпустят нас.

— Ага, — злорадно закончила Таня. — Поймут, что зря старались, зря вытаскивали тебя из тюрьмы. А ты, на самом деле, абсолютно не в курсе. И чего тогда?

Мама испуганно помотала головой:

— Не знаю...

— Да просто сдадут нас — властям. Нас обеих. А сами скроются. Или другой вариант. Они по-прежнему будут думать, что ты все знаешь, и начнут вытягивать из тебя информацию. Догадываешься, каким образом?

— Таня, пожалуйста! Перестань! — взмолилась Юлия Николаевна.

— Так и сяк — перспективы нерадостные, — подытожила Татьяна. И решительно произнесла: — Значит, нужно литься отсюда.

— Но каким образом?

— Жди, — велела дочь. — И только попробуй пискнуть. — Решительно распахнула окно, вскочила на подоконник.

— Таня! — тихо ахнула мама.

— Я сказала тебе: молчи! Не волнуйся. Я знаю, что делаю.

...Еще когда во дворе находились, Таня обратила внимание: в месте перекрытий между этажами имеется выступ, не очень широкий, но удержаться можно. Она еще раз оглядела двор — пусто. Осторожно спустила с подоконника ноги, нащупала стопой выступ... Ох, страшно!.. Преодолеть ей надо — всего-то четыре метра. До соседнего окна. Главное, чтобы в той комнате никого не оказалось. И чтобы со двора никто не заметил...

...Вернулась Татьяна минут через семь. Руки тряслись, на ногти вообще лучше не смотреть, но зато с добычей — удалось снять бельевую веревку, протянутую между домом и высоченной кокосовой пальмой.

— Т-теперь вообще ерунда, — чуть заикаясь после пережитого, объявила она и надежным морским узлом привязала веревку к водопроводной трубе — очень кстати находившейся рядом с подоконником.

— Танечка... — Юлия Николаевна, конечно, поняла ее план, но смотрела со страхом. — Я... я никогда этого не сумею.

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

— Тогда оставайся. Жди, когда мистер Трэвис тебя расспрашивать начнет. Давай, лучше, пошевеливайся!

Мать повиновалась. С лицом страдальцы ступила на подоконник...

И в этот момент дверь в комнату распахнулась. На пороге стояли Дэн и Майк.

Давно.

Мирослав Красс

и Глэдис Хэйл

Когда Красс впоследствии вспоминал совместную с Глэдис, псевдо-Юлей, жизнь, он пришел к выводу, что его постепенное разочарование в ней стало началом конца в их отношениях. Впрочем, до окончательного разрыва оказалось еще очень далеко. Секс с Глэдис по-прежнему был восхитительным. Девушка была умна, красива, целеустремленна, амбициозна. И она любила его. А еще — у нее было много денег.

Об истоках своего богатства Глэдис ничего не говорила. Как не рассказала ему, зачем ей понадобилось в свои двадцать шесть лет столь радикально изменять внешность. Миро не докучал ей расспросами. Он чувствовал: когда-нибудь она ему все расскажет. Однажды девушка доверила ему свое лицо. Потом — тело. И настанет момент, когда она доверит ему душу. Просто время еще не пришло.

Мирослав завидовал Глэдис. Она могла себе позволить работать не за деньги, а в свое удовольствие. Устроилась — для удовольствия! — простой смотрительницей в художественную галерею. И записалась на курсы живописи.

А Мирославу понадобилось все начинать с нуля. Снова! Уже в четвертый раз! И только самый

первый случай — дома, в Чехии — был обычным становлением профессиональной карьеры. Второй раз он попытался выбиться в люди в Германии, после тюрьмы (и не преуспел). В третий — ему, наконец, удалось подняться в Стамбуле. Но вскоре все потерять (но обрести Глэдис). И вот опять предстояло карабкаться вверх. Сначала подтверждать свой диплом, потом дежурить по тридцать шесть, а то и сорок восемь часов напролет...

Будь у него талант, настоящий врачебный талант! Но он знал, что всего лишь крепкий (да еще не слишком усидчивый) ремесленник. Руки неплохие, но вот врачебной интуиции недостает. Потому, в свое время, еще в Чехословакии, пациенты у него умирали. Лечил их — вроде по всем канонам. А предвидеть осложнения — и противостоять им! — не сумел...

... Не раз и не два Мирославу хотелось сказать Глэдис: послушай, ведь ты обеспечена. Ты сможешь своим состоянием прокормить нас обоих. Так почему я должен так пахать? Пробиваться? Бороться с собой? Почему бы и мне, как тебе, не пожить в свое удовольствие? Но чутьем он понимал: разговор на эту тему явно не понравится Глэдис. А он не хотел ее потерять. Тем более, она часто мечтала вслух, как Мирослав станет главврачом космологической клиники — самой дорогой и модной в мире.

Его бесило, что у Глэдис оставались от него тайны. Временами она исчезала — на несколько дней, а то и на неделю. И когда он пытался расспросить ее, требовал ответа, девушка со смехом отвечала:

— Кто платит по счетам, тот и босс. И ни перед кем не отчитывается.

Или:

— Маленькие тайны друг от друга делают отношения острее, разве нет?

Он по-прежнему понятия не имел о ее прошлом. Откуда, к примеру, взялось ее богатство, и почему ей понадобились в самом цветущем возрасте пластические операции?

А однажды решил, что просто обязан это выяснить.

Изначально задача казалась непосильно трудной: прочитать все главные информационные ленты, просмотреть ведущие газеты мира... Хорошо хоть, время поиска можно было сузить.

Мирослав и сам не мог понять, что он искал. Весьма вероятно, нечто криминальное. Но что конкретно, он не знал, только предполагал, когда это событие могло произойти. За точку отсчета он принял день появления Глэдис в их стамбульской клинике. От той даты отсчитал назад один месяц. Вряд ли что-то, в чем была замешана Глэдис, произошло раньше.

ЕЕ последняя любовь...

Для начала решил поработать с прессой на тех языках, которыми худо-бедно владел: чешском, словацком, русском, немецком, английском. Если ничего не найдется, придется заказывать переводы с китайского, французского, испанского, и так далее.

Однако... О том деле сообщили абсолютно все мировые информагентства, включая даже советское ТАСС и китайское Синьхуа.

Давно.

Бостон, США

Этих полисменов Джордж никогда не видел, поэтому спросил по интеркому: «Вы откуда, ребята?»

— Сорок второй участок. У вас сигнализация сработала.

Сорок второй участок и впрямь курировал их музей. Именно оттуда приезжал патруль, если вдруг в галерее срабатывала сигнализация. Но сейчас, во-первых, никакая тревожная кнопка не звенела, во-вторых, дежурить сегодня должны были Толстый Хуан и Матильда. А вместо них вдруг явился совсем другой полицейский — еще более внушительных размеров, чем Хуан, и девица, молодая, немало нескладная, в очках в золотой оправе. С ним он точно никогда раньше не встречался.

Поэтому отнюдь не спешил впустить блюстителей порядка, только спросил через интерком:

— А где Хуан? И как здоровье лейтенанта Нильсена?

— Хуан попросил поменяться. Он отправился сегодня со своей кралей на матч «Брюингзов». Сыночек подарил ему билет. А лейтенанту уже лучше, может, в начале недели выпишут.

Мужчина в форме копа оказался в курсе самых тонких и интимных дел, творящихся в сорок

втором участке. К тому же, рации на поясах визитеров были настроены на полицейскую волну, причем в разговорах слышались знакомые Джорджу голоса.

И тогда он принял роковое решение.

— Входите, ребята. — И двери бокового входа в музей растворились.

А еще через три минуты копы появились в комнате охраны. Девчонка в золотых очках была симпатичной, но очень молодой и слегка нескладной. А здоровенный коп, казалось, излучал доброту и спокойную уверенность. Они познакомились. Девчонку звали Бриджит, мужчину — Марк.

— А где твой напарник? — спросил Марк у Джорджа.

— Обходит территорию.

— Попроси его подняться сюда. Похоже, или датчики, или центральный компьютер слегка взбесились. Во всяком случае, они срабатывают на его движения.

И тут рация у полицейских взорвалась громовым голосом сержанта Сорвино: «Внимание всем патрулям! Перестрелка на углу шестой и сорок четвертой. Всем срочно выдвинуться на место происшествия. Прошу всех патрульных сообщить, где вы находитесь и когда сможете прибыть?» Оба полисмена напряглись, обменялись незаметными взглядами, и Марк еле заметно мотнул головой.

На эти жесты музейный охранник Джордж не обратил внимания. Он по своей рации запрашивал напарника:

— Финни, прерви обход и срочно поднимись сюда, есть дело. Как понял меня?

— Понял тебя хорошо. Иду.

Уголкем глаза охранник все же следил за происходящим. Он обратил внимание на общий сбор, что объявила полицейская рация, и ему показалось слегка странным, что никто из этих двоих полицейских даже не попытались связаться с участком.

Джордж не успел додумать эту мысль до конца. Мужчина-коп резким движением заломил обе руки охранника за спину, и, пока тот пытался сопротивиться, что происходит, девчонка ловко заклеила рот Джорджа клейкой лентой. «Полицейский» крепко связал скотчем его руки за спиной, потом поставил его на колени и, вытащив из кобуры пистолет, проговорил: «Если будешь вести себя тихо, все для тебя закончится хорошо. Станешь строить героя — умрешь героем».

Тут в комнату вошел второй охранник, Финни, и замер на пороге при виде двух незнакомых копов и напарника, который стоял на коленях со связанными за спиной руками, а в висок ему упирался ствол. Другой пистолет, что дер-

ЕЕ последняя любовь...

жала женщина-полисмен, сразу же нацелился Финни прямо в лоб.

— Не орать, вести себя тихо, — прошептала она. — Руки поднять. Опуститься на колени.

В тот же момент мужчина-коп пихнул в плечо связанного Джорджа, и тот завалился, словно куль. Затем подошел к Финни и проделал с ним ту же операцию, что и с напарником: заклеил рот, завязал за спиной руки, ударил в плечо так, что тот боком свалился на пол.

— Отдыхайте, ребята, не волнуйтесь, не рыпайтесь — это вредно.

Затем подошел к пульту. Он явно разбирался в музейной сигнализации. Отключил датчики движения во всех залах, а в двух, центральных, — вдобавок те датчики, что находились на оборотной стороне картин и реагировали на любое к ним прикосновение. После вырубил камеры видеонаблюдения и вытащил из рекордера пару кассет, на которые записывалось в режиме реального времени все, что происходило в залах, а также вокруг галереи и на самом пульте охраны.

Волоком подтащил сначала Джорджа, а затем Финни в дальний угол комнаты и приковал каждого к батарее наручником. Затем оба «копа» вышли из штаба охраны, надвинув на глаза приборы ночного видения...

...На телевидении и в газетах происшествие называют ограблением века. Если считать страховую сумму похищенного — более двухсот миллионов долларов. Но самое главное — ни грабителей, ни награбленное до сих пор не нашли.

Давно.

Мирослав Красс

«Бостон, Бостон... — думал Мирослав. — Не оттуда ли у нее акцент американского восточного

побережья? К тому же, среди двоих злоумышленников одна была девушкой. В американских газетах приводился ее портрет, нарисованный полицейскими художниками со слов охранников музея».

Он внимательно рассмотрел его. Да, весьма похоже на особу, с которой он познакомился в Стамбуле, — на Глэдис до операции. И время совпадает: новая пациентка, получившая лицо Юлии Николаевны, прибыла в Стамбул через пять дней после кражи...

То, что ограбление и пластическая операция совпали по времени, могло быть случайностью. Да и похожесть полицейского рисунка на Глэдис — тоже. Но чтобы к ним прибавился акцент восточного побережья, такого — случайно! — не бывает.

Наши дни.

Гваделупа

Майк буквально втолкнул их обеих в кабинет.

Трэвис, казалось, был даже удивлен появлением Тани с мамой.

— Что такое? — спросил он, удивленно приподняв бровь.

— Бежать пытались, — буркнул человек-гора.

— Вы? Хотели сбежать? Даже не поговорив? По меньшей мере, невоспитанно с вашей стороны. Давайте, мои дорогие, все же с вами побеседуем. А чтобы наш разговор оказался конструктивным, я попрошу моих помощников подготовиться. И подготовить — вас. — Трэвис кивнул своим подручным. Те, видать, давно находились у хозяина в услужении, потому как поняли его без слов.

Приготовления к «разговору» начались, самые что ни на есть отвратительные. Точнее сказать — страшные.

Майк силой усадил Юлию Николаевну в кресло. Скотчем плотно привязал ее руки к подлокотникам. Мама не сопротивлялась, покорившись превосходящей силе. Потом повернулся к Татьяне, чтобы и с ней проделать те же манипуляции. Вдобавок щиколотки притянули к ножкам кресла, а чтобы не слышать возмущенных криков девушки, залепили скотчем и рот.

— Пленку постели, — будничным тоном приказал Трэвис.

Майк достал из шкафа полиэтиленовое покрытие, широкое и плотное. Они с Дэном вдвоем легко оторвали от земли кресло вместе со связанной Таней, расстелили на полу пленку и поставили его посередине импрови-

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

зированного ковра. Трэвис охотно пояснил, адресуясь женщинам, причем довольно любезным тоном:

— Чтобы кровушкой паркет не запачкать. Отмывается плохо.

Глаза Татьяны расширились от ужаса, а Юлия Николаевна, выйдя, наконец, из ступора, закричала:

— Бандиты! Мерзавцы! Что вы творите?! Я — пожилая женщина! Моя дочь — еще ребенок! Неужели у вас даже капли совести нет?!

— Заткните пасть и этой, — раздосадовано бросил Трэвис, и его подручные, тут же переключившись на Юлию Николаевну, заклеили и ей рот скотчем.

— Значит, так, — повернулся он к Татьяне, — ты английский понимаешь. Будешь переводить своей мамашке. И не близко к тексту, а дословно — все, что я скажу. Дословно, поняла? Рот девчонке освободите, и инструмент сюда давайте.

Его приказание было мгновенно выполнено. Дэн и Майк сорвали пластырь с губ Садовниковой, а еще появились огромный тесак-мачете, а также хирургический скальпель и плотницкие кусачки. Пыточные инструменты доставали из того же шкафчика, что и полиэтилен. Обе женщины следили за приготовлениями бандитов расширившимися от ужаса глазами. Тане, хоть ей и освободили рот, тоже стало не до возмущения и угроз.

— Итак, — обратился Трэвис к Юлии Николаевне, а потом кивнул Садовниковой: — Переводи дословно! — И снова маме: — У меня к вам один вопрос. Первый, он же второй и последний. Где ценности, похищенные вами у Глэдис Хэйл? За каждый неправильный ответ, а также отзывы «не знаю», «не скажу» и тому подобные, ваша дочь будет лишаться пальца, а, может быть, и глаза. Зубы удалять без наркоза тоже несладко, вы уж поверьте.

Едва до матери дошел смысл сказанного, она подалась вперед, к Трэвису, забормотала, как в бреду:

— Я ничего не знаю, слышите! Не знаю я ничего! — и лишилась чувств.

Одно движение бровей главаря — и Майк оказался рядом с Таниным креслом. Грубо сжал и вывернул ее правую руку и раскрыл кусачки над мизинцем.

— Моя мать ничего не знает, разве вы не видите! — возмущенно воскликнула девушка по-английски.

— Приведите ее в чувство, — повернулся главарь в сторону своих помощников.

Дэн беспрекословно взял графин с водой, стоящий на столе, и выплеснул его весь в лицо Юлии Николаевне. Та ахнула, дернулась, открыла глаза. А человек-гора буквально прошелестел над Таниным ухом: «... и правда, не знает».

— Переводи, — ровным голосом обратился к ней Трэвис. — Когда твоя мать сговорилась с Мирославом обокрасть Глэдис?

Майк убрал, слава богу, свои кошмарные кусачки от Таниной руки и сделал шаг назад.

Татьяна покорно повторила эту фразу по-русски, и мама прокричала:

— Не сговаривалась я ни с кем, слышите!? Не знала я ничего! Мирослав сказал, что мы в гости к его другу в башню идем! — По ее щекам катились обильные слезы.

Таня, в каком-то оцепенении, перевела:

— Она говорит, что ни с кем не сговаривалась и ничего не знает. — А затем, не в силах сдерживаться, воскликнула: — Да разве вы не видите!? Не замечаете, какая она?! Она, что, похожа на воровку? Ну, что она у кого может украсть? С кем сговориться?

Не обращая внимания на ее горячность, главарь бесстрастно продолжал допрос:

— Куда вы направились вместе с Мирославом непосредственно после ограбления дома-башни?

Таня быстро перевела, и Юлия Николаевна в отчаянии прокричала:

— Никуда я с Мирославом не направлялась! Я убежала от него! И не видела я с ним больше!

— Но все-таки пришла к нему в дом и убила его?

— Не я, не я его убила!! Ну почему вы мне не верите?? Я приехала домой, когда он был уже мертвый!!

— Где картины? — монотонно, словно робот, говорил Трэвис.

— Не знаю я, где они! Не видела никаких картин!

ЕЁ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

— Клянусь, босс, Мирослав использовал эту русскую старуху втемную, — снова прошептал Майк.

Трэвис раздраженным жестом отмахнулся от него, однако допрос прекратил. Поднялся и, не прощаясь ни с кем, вышел из комнаты. А двое его прислужников занялись пленницами. Толстяк Майк вытащил из-за пояса пистолет, приставил его к виску Тани и сказал: «Двинешься — убью сразу». Второй, Дэн, в это время разрезал скотч, которым девушка была притянута к креслу, и велел ей подняться. После оба приступили к Юлии Николаевне и проделали с нею ту же операцию. Затем подтолкнули обеих: вперед! В молчании все четверо вышли на лестницу: женщины — впереди, мужчины — сзади. Они спустились, оказались во дворе и проследовали за ворота особняка.

Юлия Николаевна шла первой, Татьяна — второй. Девушка чувствовала холодок оттого, что сзади шествуют два вооруженных бандита. «Сейчас бабахнут нам обеим в затылок, и поминай, как звали, — думала она. — Или для начала могилу самим себе заставят рыть. А, может, куда-нибудь к морскому обрыву приведут. Похоже, главарь велел этим мерзавцам нас обеих кончить. И вывели нас из дома только для того, чтобы потом с телами меньше возни было. Господи, что же нам делать? Рвануться бежать? Подстрелят. Да и мама далеко не убежит».

И тогда Татьяна резко развернулась и бросилась на колени, прямо в ноги Дэну (он шел первым).

— Дэн! Пожалуйста, Дэн! Не убивай меня! Прошу тебя, не надо! Ведь я же нравилась тебе — ведь правда, Дэн? Хочешь, я буду с тобой? Хочешь, Дэн? И сейчас, и завтра, и всегда!

Когда-то Валерий Петрович говорил ей, что для установления человеческого контакта — неважно с кем: агентом, противником, подслед-

ственным, — надо чаще называть его по имени. Вот и теперь Таня все приговаривала: «Дэн, Дэн!» И сулила все, что только могла в данной ситуации, хотя понимала, что шансы на удачу ничтожно малы.

И все же ее мольбы произвели впечатление на парня. Но оставался второй: далеко не юный человек-гора Майк. Вот тот к страданиям и просьбам Татьяны оставался крайне равнодушным.

— Вставай, давай, пошли! А то пристрелю тебя тут же. Да так, что мучиться для начала придется. Хочешь?! — Он отстранил молодого помощника, схватил Татьяну под мышки, поднял на ноги, хорошенько встряхнул: — Вперед! — Потом пихнул в спину Юлию Николаевну с такой силой, что та споткнулась, пролетела по инерции несколько метров и с трудом удержалась на ногах.

Дэн только рукой махнул в сторону своего сурового напарника и разочарованно похлопал Татьяну по плечу: жаль, мол, но что уж тут попишешь...

Конвоиры слегка приотстали и горячо продолжали говорить между собой, но, как Татьяна ни напрягала слух, ей не удавалось ни слова расслышать из бандитского диалога, только монотонное «бу-бу-бу» Дэна и отрывистые реплики Майка. Она вдруг почувствовала смертельную усталость. Ею овладело полное равнодушие — к своей, да и к маминой дальнейшей судьбе. «Сил больше нет сопротивляться... — пронеслись трусливые мысли. — Будь, что будет, все равно... Пожила я пусть мало, зато интересно... Как говорится, сколько веревочке ни виться... Вот и на меня, оказывается, нашлась управа...»

И вдруг за ее спиной раздался резкий окрик Дэна:

— Бегите! Обе! Быстро!

Единственным возможным направлением для бегства была еле заметная тропа, которая подходила к краю обрыва и зигзагом уходила вниз, к морю. Татьяна не заставила себя долго упрашивать. Она схватила мать за руку, доволокла ее до начала тропы и бросилась бежать вниз. В тот момент, когда обе скрылись за гребнем обрыва, наверху, от того места, где оставались бандиты, бабахнул выстрел, а через секунду — второй. Потом воцарилась тишина, и Тане почему-то показалось, что бандиты оба раза палили не им вслед, а в воздух. Но предаваться мыслям, почему да отчего надсмотрщики их вдруг помиловали, даже не попытавшись получить контрибуцию ни в какой форме, было явно некогда. Девушка неслась вниз и даже не оглядывалась на Юлию Николаевну. И только когда преодолела, как минимум, половину тропы, повернулась: мама тоже бежала, точнее, изо всех сил ковыляла, все больше и больше отставая от дочери.

ЕЁ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

Но бандитов на краю обрыва видно не было. Они не преследовали их, только откуда-то сверху ударили еще два выстрела с промежутком в пару-тройку секунд, и оба — Таня почувствовала это — были снова сделаны для отвода глаз. «Типа, двумя первыми они нас убили, — пронеслось у нее, — а теперь, вроде, два контрольных сделали».

Как бы то ни было, размышлять, почему Дэн с Майком все-таки решили отпустить женщин, явно не время. Татьяна только умерила бег, чтобы маме удалось к ней подтянуться. Однако Юлия Николаевна, задыхаясь и спотыкаясь, только прохрипела:

— Беги, доченька... Беги... Не жди...

Но Таня все же дождалась Садовникову-старшую, подала ей руку и потащила за собой. Скала нависала прямо над их головами и даже вдавалась вперед, образуя над головами беглянок естественный базальтовый козырек. Теперь женщин сверху не было видно — даже если бы кто-то попытался их разглядеть.

— Не останавливайся! — прошептала Татьяна срывающимся голосом. А у Юлии Николаевны не было даже сил говорить. Она прерывисто дышала, лицо ее болезненно покраснело, а на глазах выступили слезы...

Давно.

Мирослав Красс

Если у тебя имеются данные, компрометирующие близкого человека, ты получаешь над ним определенную власть. Даже если он не подозревает, что ты — знаешь. К тому же, новая информация всегда рисует партнера в ином, неожиданном свете.

Когда Мирослав видел довольно хрупкую Глэдис, мирно переодевающуюся перед сном, ему почему-то всякий раз вспоминались показания охранника бостонского музея, которые цитировали газеты: «Девушка в форме копа поставила пистолет к моему виску». Ему вторил второй пострадавший: «У меня не было ни малейшего сомнения, что эта женщина сможет, если посчитает нужным, убить меня». Понятно, что эти два парня, Джордж и Финни, в своих интервью отчасти сгущали краски — им нужно было оправдаться за собственное бездарное и трусливое поведение во время ограбления музея. Однако обозреватели и криминальные репортеры наперебой отмечали: ума и решительности бандитам не занимать. Интересно, кто они, и что с ними стало?

Информация об ограблении заставила Мирослава задуматься. И первое, что пришло в голову: каким образом он может использовать знания о прошлом Глэдис? Работа в муниципальных больницах за гроши давно его утомила. Да и с какой стати он должен пахать как вол, когда его Глэдис так богата?!

До того, как Мирослав узнал о тайной стороне ее жизни, он полагал, что личное состояние девушки — миллиона два, может, три. Но, оказывается, сумма, на которую были застрахованы картины, составила более двухсот зеленых «лимонов»! Раз госпожа Хэйл эти деньги не проживает — значит, они лежат в банке? Или Глэдис держит где-то в тайнике до сих пор не проданные шедевры?

...Прежде Мирослав тщетно ломал голову: куда его возлюбленная периодически исчезает? А уезжала она регулярно — несколько раз в месяц. И никогда не объясняла, как и с кем проводит время, просто обрывала Мирослава: «Не твое дело!»

И он не мог ей препятствовать.

Теперь же Красс был уверен: отлучки Глэдис связаны с тем самым ограблением. Может, она встречается с сообщником?

Или общается с покупателем коллекции?

Или — перепрятывает украденное?

Или — планирует новую акцию?

Он твердо решил разобраться. И, когда Глэдис в очередной раз позволила ему в больницу и в телеграфном стиле выдала, что ей надо срочно отъехать на пару дней, Миро немедленно помчался к заведующему отделением и попросил отпустить его с дежурства: вопрос жизни и смерти! Зав отделением давно устал от не слишком компетентного и не особо рьяного в работе сотрудника, и только рукой махнул: ступай, мол! А про себя, наконец, определенно решил: на ставку он Красса не возьмет. Скоро за-

ЕЕ последняя любовь...

кончится срок его интернатуры — и места в клинике молодому врачу не предложат.

Красс позвонил домой из автомата — слава богу, Глэдис оказалась на месте и сняла трубку. Он нажал на рычаг. Помчался к коттеджу, который они снимали на окраине Монреаля, припарковался неподалеку от дома и, не отрывая глаз, стал следить за входной дверью. Через десять минут Глэдис вырулила из гаража на своем «мондео» (ничего бросающегося в глаза, никаких дорогих или экстравагантных покупок — таковы были ее принципы). Да, теперь Миро понимал, что на самом деле крылось за столь навязчивым желанием оставаться малозаметной.

Особо опытным шпионом Мирослав не был. Ехал на своем пикапе, держась на пару машин позади Глэдис. Судя по курсу, она следовала в аэропорт.

Так оно и оказалось: девушка приехала в международный аэропорт Пьер Трюдо. И там, на парковке, в сутолоке авто, он ее потерял.

Тогда Мирослав бросился в зал вылета. Производилась регистрация на несколько рейсов. Он прошелся вдоль стоек, стараясь не привлекать к себе внимания. Сердце бешено колотилось. Решил: «Если Глэдис меня вдруг заметит — скажу, заревновал. Поехал проверять, с кем едет».

Наконец он ее увидел. Глэдис с другими пассажирами уже направлялась к самолету. Рейс, заметил Мирослав, международный. Маршрут Монреаль — Сент-Джонс, столица карибского острова Антигуа.

Карибы, Карибы!.. Подходящее местечко для темных делишек. Центр интернационального туризма и офшоров, разврата и «левых банков», продажной любви и налогового рая! За каким разделом в ассортименте услуг, предлагаемых карибскими островами, отправляется туда Глэдис?

У Мирослава хватило ума не броситься вслед за ней. Он поехал обратно домой и стал ждать ее возвращения.

Она вернулась через два дня — посвежевшее лицо, а взгляд, наоборот, усталый. Мирослав вел себя с ней сухо и неприязненно — в точности, как поступал бы обманутый муж, а Глэдис ластилась к нему и говорила, что он у нее единственный, что ей очень жаль, но она пока не может рассказать ему о причинах своих отлучек. Однако он сам скоро узнает, что за ними не крылось ровным счетом ничего плохого, а только забота о дальнейшем процветании их обоих.

Мирослав кивал, соглашался, потихоньку вроде бы оттаивал — а внутри билось: погоди, штучка, я еще выведу тебя на чистую воду!

На Антигуа из Монреаля летали два рейса в неделю. Самолет маленький, там каждый пассажир на виду. Стало быть, если она вдруг снова отправится туда, вместе с ней одним бортом не полетишь. Тогда Мирослав прилежно изучил расписание, составил маршрут и даже купил себе билет — Монреаль-Санто-Доминго (столица Доминиканы), а затем пересадка, и местным самолетом на Антигуа. Билет был с открытой датой. И получалось, что его самолет,двигающийся круглым путем, должен вылететь на три часа раньше ее прямого рейса, а прибыть в Сент-Джонс раньше на час.

Теперь следовало раскрутить Глэдис, чтобы она заранее сказала, когда собирается отлучиться. Как-то вечером Глэдис небрежно бросила во время ужина: «Я завтра уеду, меня не будет два дня. Не спрашивай, куда я еду, пока не могу ответить, однако, рано или поздно, все тебе расскажу».

У Мирослава последовало очередное объяснение с заведующим отделением в госпитале — тот, чертыхаясь, отпустил его, сухо заметив, что идет ему навстречу в последний раз.

И вот Мирослав уже летел на Карибы. Рейс, по счастью, не задержали — на Антигуа он прибыл на час раньше того самолета, которым в прошлый раз летела Глэдис. «Вот будет забавно (и обидно), если на сей раз она отправилась не сюда», — подумал он.

Но нет — совершил посадку прямой рейс из Монреаля, и Глэдис деловито сошла с трапа, миновала таможенный контроль, радушно раскланявшись с офицерами. Чувствовалось: она на острове далеко не в первый раз. Во всяком случае, все и все вокруг ей знакомо.

Она вышла из здания и села за руль припаркованной на стоянке «тойоты». Нечто подобное Мирослав предвидел, поэтому заранее, еще из Монреаля, заказал напрокат «пежо».

ЕЁ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

«Тойота» сорвалась с места. «Пежо» последовало за ней.

Вскоре они подъехали к морскому порту. В бухте стоял на рейде круизный лайнер. Туристы ждали в очереди, чтобы сфотографироваться у таблички: «Добро пожаловать на Антигуа!» В воду с диким плеском пикировали пеликаны и выныривали с добычей. Девушка, кажется, ничего не замечала.

«Тойота» припарковалась у кафе на открытом воздухе. Глэдис вышла и села за столик, заказала сок. Буквально через пару минут к ней подвалил европеец в белом льняном костюме. Похоже, раньше они были незнакомы. Глэдис внимательно и оценивающе рассматривала его. Они обменялись парой фраз, и мужчина присел рядом. Девушка допила сок, бросила на столик пару долларов, и оба встали.

Картину встречи Мирослав наблюдал, не выходя из своего «пежо». Но что означала эта встреча? Деловой разговор или любовное свидание?

Парочка подошла к машине — девушка заняла место водителя, а европеец сел рядом в пассажирское кресло. «Тойота» двинулась — Миро поехал за ними.

Они выехали из города, и вскоре Глэдис довезла мужчину до необычного особняка. За высокими воротами виднелось нечто вроде древней башни — впрочем, ухоженный сад и аккуратные дорожки свидетельствовали, что дом, несмотря на свой старинный вид, скорее всего, тщательно реконструирован и по-современному отделан.

Ворота открылись не автоматически, их отворил слуга, который глубоко, чуть не в пояс, поклонился женщине и радушно приветствовал гостя, сидевшего на пассажирском сиденье. Впрочем, дальнейшее происходило явно не по заведенному протоколу. Глэдис вышла из машины, что-то сказа-

ла слуге и протянула ему ключ от авто. Тот снова поклонился, уселся на ее место и дал по газам. Машина умчалась в глубь парка, а девушка скорым шагом бросилась к Мирославу, сидящему в «пежо», и сразу налетела на него, когда он опустил стекло:

— Если ты, ублюдок, будешь совать нос в мои дела и ломать мне бизнес... Если не бросишь эту глупую слежку, я — тебя...

— Ну, что, ты — меня? — начал хорохориться Мирослав. — Что?!

— Сначала я уйду от тебя, — спокойно проговорила она, — и ты меня никогда больше не увидишь. А потом... Потом — ты просто однажды утром не проснешься. Неужели еще не понял — ты уже узнал столько, что тебе придется навсегда оставаться со мной — или умереть! А теперь — вали отсюда!

В ее голосе звучала столь непреклонная уверенность в себе и собственной правоте, что Миро беспрекословно развернулся и поехал в аэропорт.

Вернулась Глэдис через два дня.

Вела она себя с ним так, словно не было никакой встречи на Карибском острове, никаких разборок и никаких жестких слов.

А на следующее утро Мирослав потерпел очередное свое профессиональное поражение: в госпитале поблагодарили за упорство и выдержку, но сказали, что в его услугах больше не нуждаются.

И в тот же вечер Глэдис сказала любовнику, что у нее появилась новая идея для прекрасного бизнеса.

Наши дни.

Москва.

Валерий Петрович Ходасевич

Новая ссылка на Мирослава Красса датировалась тысяча девятьсот девяносто третьим годом.

Оказывается, и он, и Глэдис находились в то время в Москве.

Дело начиналось спецдонесением агента ФСБ, работавшим в ту пору под прикрытием в ГУВД Санкт-Петербурга. Агент сообщал, что отдел антиквариата питерской милиции разрабатывает хорошо организованную банду, промышленяющую кражами из Эрмитажа, Русского музея и других музеев города и области. А во главе банды стоят, по оперативным данным, гражданин Германии Мирослав Красс и гражданка Канады Глэдис Хэйл.

ЕЕ последняя любовь...

Давно.

Санкт-Петербург.

Мирослав Красс

Если можно идти коротким путем — зачем следовать длинным? Если можно купить — зачем соблазнять, или угрожать, или шантажировать?

Так говорила Глэдис, и Мирослав, в принципе, был с нею согласен.

В ту пору мало-мальски обеспеченный иностранец мог купить в России все. Десять долларов или двадцать дойчмарок были здесь большими деньгами. Еще бы! Средняя месячная зарплата составляла восемь долларов.

Потому и бросились сюда, на историческую родину Мирослава, авантюристы и мошенники всех мастей. И он с Глэдис — в том числе.

Конечно, идея принадлежала Глэдис.

Мирослав в их дуэте олицетворял знания, уверенность и организованность. Госпожа Хэйл — решала, чем, собственно, они будут заниматься.

Она была — мотор, он — органы управления.

Единственное, о чем Мирослав все время спрашивал себя: почему любовница затеяла криминальный бизнес именно в России? Потому что он оказался по происхождению русским? Или, не будь его, Глэдис наняла бы любого другого русскоговорящего авантюриста?

КраССу хотелось, чтобы верным оказалось первое, и чаще всего он отвечал себе именно так. Но порой ему казалось: она им просто играет. Но, в любом случае, оба понимали: они нуждаются друг в друге. Однако он все-таки нуждался в ней больше.

И для того, чтобы самоутвердиться, несчастных музейных хранительниц Мирослав не только покупал, но еще и соблазнял.

Вот очередная его жертва — Людмила К***. Хранительница Эрмитажа. Тридцать пять лет. Разведена. Воспитывает десятилетнего сына. Живет с ним и мамой в коммунальной квартире.

Сегодня ему надо серьезно поговорить с Людмилой, поэтому он устроил ей праздник: собственноручно накрыл стол в своей съемной квартире на канале Грибоедова, подал «Вдову Клико» в ведерке со льдом, клубнику, сливки, швейцарский шоколад. Женщина была в восхищении. А когда она прошептала: «О, боже! Фантастика! Ты прекрасен», Мирослав приступил к важному разговору, к которому обиняками подбирался уже давно.

— Ты мечтаешь уехать. Уехать из России очень сложно, но я увезу тебя хоть завтра. И тебя, и Костю, и маму. Но ведь на Западе не любят бедных. Там уважают только деньги. А я, к сожалению, тоже не миллионер. Поэтому нам с тобой за границей нужно быть при деньгах.

— Я могу продать свою квартиру.

— Ох, много ли дадут за твои две комнаты в коммуналке!.. А ведь ты буквально ходишь по деньгам. Спишь на них.

— Что ты имеешь в виду?

— Твой музей.

— О чем ты?

— У меня на Западе большие связи. Много друзей-коллекционеров, богатых людей. За настоящий антиквариат или картины они дадут хорошие деньги. А у тебя есть то, что им нужно. Ты ведь в запасниках, как я понимаю, работаешь. Там наверняка полно раритетов. Вот и приноси их мне. Вас, служителей, даже не досматривают, когда вы с работы выходите, ты мне сама рассказывала. А о том, как вещи вывезти за кордон, можешь не думать. Я все возьму на себя.

— Но ведь это же не мое! — потрясенно прошептала она.

— А чье? — с иронической полуулыбкой проговорил он.

— Музейное. Государственное. Народное. — Людмила отвечала неуверенно, как бы заранее признавая шаткость своей аргументации.

— Народное? Послушай, мы говорим не об экспозиции, а о запасниках. Народ эти экспонаты никогда не видел. И еще сто лет не увидит. Будут валяться там, у вас, в пыли, пока мыши не съедят.

— У нас на довольстве кошки имеются, — со слабой улыбкой проговорила Людмила.

— Ох, не убегай от разговора. Неужели ты не видишь: Россию ваши правители и новые русские на клочки сейчас рвут. Оглянись: все только

ЕЕ последняя любовь...

личным обогащением заняты, а на народ и культуру — всем наплевать! А на ваш музей — тем более.

— Бог нас накажет, — прошептала она.

— Бог накажет тех, — убежденно сказал Мирослав, — кто вам пять долларов в месяц платит. Вот их — точно накажет. А ты — ты просто спасаешь свою маму и своего ребенка.

В тот вечер он подарил ей «Кодак», и договорился, что она для начала сфотографирует самые, на ее взгляд, интересные экспонаты. Они оделись, Мирослав спустился вниз, поймал машину и отправил женщину домой. А после этого позвонил в Москву, Глэдис.

— Ну, поздравь, она — наша. Я думаю, будет работать для нас даже бесплатно.

Глэдис рассмеялась в ответ:

— В отличие от моих клиентов. Они — капиталистические акулы. Поэтому мне приходится с ними не только спать, как тебе, но и платить.

Наши дни.

Москва.

Валерий Петрович Ходасевич

Из дальнейших донесений агента в питерском ГУВД становилось ясно, что речь идет о целой сети охотников за антиквариатом, картинами и предметами старины. Пользуясь бедственным материальным положением музейных работников, руководители банды, иностранные граждане Красс и Хэйл, наладили постоянно действующий канал хищений из десятка московских, санкт-петербургских и провинциальных музеев: Третьяковки, Пушкинского, усадьбы Кусково, Эрмитажа, Русского, музеев Царского Села, Ломоносова

и Гатчины... Из запасников расхищались уникальные раритеты. Служители музеев, пользуясь своим служебным положением, выносили бесценные реликвии. Получали «несуны» гроши — особенно в сопоставлении с истинной ценностью раритетов: двести, пятьсот, максимум, тысячу долларов. На связи со всеми служителями был один человек: упомянутый гражданин Германии Мирослав Красс. Он находил и вербовал работников музеев. Порой на него в одной и той же галерее работали двое, не связанных друг с другом и не подозревающих друг о друге, лиц. Получив от них предметы искусства, он затем передавал их своей сожительнице, канадской гражданке Глэдис Хэйл. А та налаживала каналы переправки награбленного за границу, а также его сбыта за кордоном. В основном, на нее работали дипломаты, действующие в столице России. Они злоупотребляли дипломатической неприкосновенностью и вывозили похищенные ценности за рубеж. Здесь расценки за услуги были уже иными. Дипломатам выплачивалось, порой, четверть, а то и треть от стоимости вещи.

В итоге разработка банды российскими правоохранительными органами поднялась, писал агент, с городского, санкт-петербургского, уровня на всероссийский и даже международный. Готовилась масштабная операция по одновременному задержанию и обыскам в разных городах страны. Планировалось схватить и расхитителей, и перевозчиков, и организаторов. Некоторых — с поличным, в момент совершения преступления. Грабители ни о чем не подозревали, однако питерские оперативники в открытых разговорах между собой высказывали опасение: чем больше людей узнает об операции, тем больше шансов, что кто-то может выдать эту информацию ...

Давно.

Москва.

Глэдис Хэйл

Глэдис с огромным трудом выучила несколько элементарных фраз по-русски. Поэтому основные переговоры с майором, работающим на Петровке, вел Мирослав (специально приехавший ради этого из Питера). Он его завербовал. Глэдис, жившей в Москве, оставалось передавать майору деньги — по тысяче долларов каждый месяц. По тем временам — сумма огромная. Мирослав не раз и не два бунтовал против подобного прикор-

ЕЕ последняя любовь...

ма: «Да этот майор нас просто кинет! Он ведь не дает никаких гарантий!» Однако Глэдис была, как кремь. Говорила: нам нужна «крыша» в спецслужбе, и все тут. Почему-то была уверена: майор не подставит.

И вот однажды днем майор позвонил ей из автомата, установленного на перекрестке Петровки с бульваром. Набрал домашний номер. Телефон не отвечал. Позвонил на аппарат, установленный у Глэдис в машине. Все равно длинные гудки.

Мгновенно оперативника прошиб холодный пот: а вдруг операцию перенесли на более ранний срок — а он и не знает? Вдруг Глэдис и ее подельника уже задержали, и они всюю дают показания — в том числе и на него?

Не надо нервничать, сказал он себе. Время сейчас обеденное. Госпожа Хэйл, видимо, где-то перекусывает. Операция запланирована на вечер, и время у него еще есть.

Майор уже хорошо знал привычки Глэдис. Обедала она обычно на Чистых прудах, в ресторане «Ностальжи». На машине проскочить — пять минут. Майор плюхнулся в свою новенькую «девятку» и через пять минут был уже у ресторана. Войдя, внимательно оглядел зал. Ресторан почти пуст, только за двумя столиками сидели посетители. Мало кто из москвичей мог тогда ходить по злочным местам. За одним из них с каким-то мужчиной разговаривала Глэдис. Она посмотрела на вошедшего, поймала его взгляд, и, кажется, догадалась, зачем он здесь. Глэдис была умньейкой девочкой.

Майор прошел в туалетную комнату, а когда выходил оттуда, она стояла рядом с дверью, разглядывая себя в зеркале, и делала вид, что правляет макияж. Он бросил мимоходом: «Бегите! Прямо сейчас! — И, на всякий случай, повторил по-английски: — Run!»

Наши дни.

Москва, Хранилище.

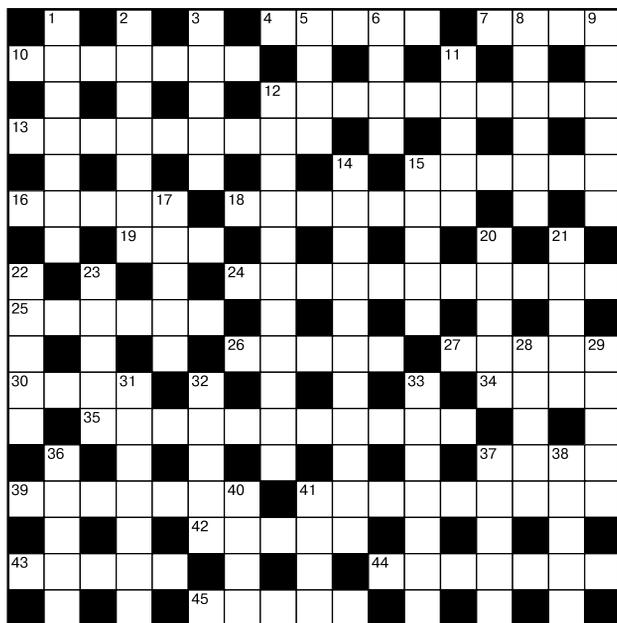
Валерий Петрович Ходасевич

Как справедливо опасались питерские оперативники, кто-то слил организаторам информацию о готовящихся мероприятиях. В результате, тщательно проработанная операция завершилась практически ничем. Удалось задержать лишь несколько человек — хранителей музеев, которые немедленно стали давать признательные показания. Однако ни одного из курьеров, перевозивших награбленное, взять с поличным не удалось. А, самое главное, в тот же день, незадолго до «часа X», выехали из страны организаторы многочисленных краж: Мирослав ближайшим самолетом в Хельсинки, Глэдис — в Лондон.

Больше ни одного упоминания о господине Крассе и госпоже Хэйл в файлах Хранилища не нашлось.

Окончание следует. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Какой шекспировский герой объединяет Сергея Прокофьева с Франко Дзеффирелли? **7.** Что накладывают, когда берут кровь из вены? **10.** Что, согласно народной примете, предвещает чихание в понедельник? **12.** Девушка, которой платят, чтобы она училась печатать, пока найдет себе мужа. **13.** Древнегреческий комедиограф, слывущий первым автором, выступившим под псевдонимом. **15.** Убийственная для индустрии моды идеология. **16.** В честь какого штата называли американские подводные лодки? **18.** Во время съемок фильма «Полицейская ...» Джекки

Чан сломал себе два позвонка и едва не стал паралитиком. **19.** «Живые деньги». **24.** Профессия «литературного отца» Шерлока Холмса. **25.** Каждый из тех, кто торгует на Золотом мосту во Флоренции. **26.** Какая мера используется при взвешивании теннисных ракеток? **27.** Мальроме, где окончилась земная юдоль французского художника Анри де Тулуз-Лотрека. **30.** «Слышу ... бубенцов издаലെка — это тройки знакомый разбег». **34.** Культовая колода из книги «Брида» Паоло Коэльо. **35.** Изъятие из Уголовного кодекса. **37.** «Заповедный напев, заповедная ...». **39.** Кто

втиснулся между двумя Бушами? **41.** Какое заведение работает «до 27 лет»? **42.** Однажды нижегородский губернатор издал приказ, согласно которому огнеборцы были обязаны явиться на ... за час до его начала. **43.** Подставка для пушкинского Золотого петушка. **44.** «А чем болтать, взяла бы, Зин, в ... сгоняла в магазин». **45.** Какой художник, несмотря на свою фамилию, не шел пешком, а плыл по жизни?

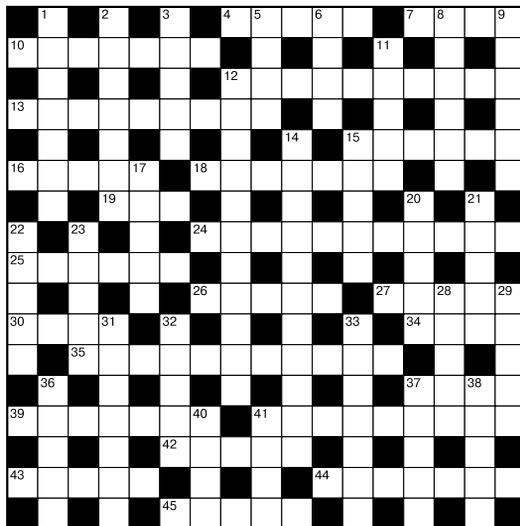
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Самое большое счастье стать женой того, за кого хотела выйти твоя ...». **2.** Стадион с жидкими дорожками. **3.** «Акустическое оружие» Кентервильского привидения из сказки англичанина Оскара Уайльда. **5.** Какой знак Зодиака покровительствует голливудской звезде Квентину Тарантино? **6.** «Шенгенская валюта». **8.** Какую из героинь повести «А зори здесь тихие...» Борис Васильев написал со своей жены? **9.** Что в боксе служит поводом для «технического нокаута»? **11.** Что бьет из брендспойта? **12.** Музыкальное

амплуа американского джазмена Чарли Паркера. **14.** Введение этого новшества на Московском ипподроме в 1877 году заметно повысило интерес публики к бегам. **15.** На каком судне Христофор Колумб вернулся из Америки? **17.** «Цветущий рай» в пустыне. **20.** Овощ, чей сок слывет единственным средством, чтобы быстро уничтожить зловонные последствия общения со скунсом. **21.** Патруль с оттенком старины. **22.** Самая большая гадюка в фауне бывшего СССР. **23.** Не толькоzybучий, но и сахарный. **28.** Подруга жизни для месье. **29.** Вестерн «... пропел о смерти» с Франко Неро в главной роли. **31.** Какой предмет амазонским аборигенам заменяют зубы пираньи? **32.** Житель страны, слывущей родиной кофе. **33.** «Экономичный рояль». **36.** Что улетело за борт у героя новеллы «Линии судьбы» О. Генри? **37.** «Делай ... для того, чтобы стало лучше другому, а не тебе». **38.** Морозоустойчивая собака. **40.** «Толчковая ...» у прыгуна. **41.** Напольная ... в комнате.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Улика. **6.** Ростов. **10.** Время. **12.** Автоответчик. **13.** Ангел. **15.** Резерфорд. **17.** Игла. **20.** Муж. **21.** Ковбой. **22.** Ярд. **24.** Анна. **26.** Дедал. **28.** Рассудок. **29.** Куатчи. **30.** Мох. **31.** Суд. **33.** Гашиш. **34.** Акула. **37.** Венок. **39.** Альба. **40.** Усердие. **41.** Тиара. **42.** Андре. **43.** Свадьба. **44.** Гестапо. **45.** Аврал. **46.** Ртуть.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Принц. **2.** Ампер. **4.** Ливрея. **5.** Кроуфорд. **7.** Обед. **8.** Тучегонитель. **9.** Вакханалия. **11.** Шторм. **14.** Ледоруб. **16.** Дурак. **18.** Шкура. **19.** Хвостун. **23.** Дебош. **25.** Богатство. **27.** Лунка. **30.** Митридат. **31.** Селигер. **32.** Доброта. **35.** Уланова. **36.** Абордаж. **38.** Диабет. **43.** Спа.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Единственная рыба, способная моргать обоими глазами сразу. **7.** Титул, пожалованный Карлом V великому живописцу Тициану. **10.** Какой десерт Казанова считал «незаменимым в любовных играх»? **12.** Архипелаг с хранилищем «Судного дня». **13.** Заведение, где арестовали предполагаемого убийцу Джона Кеннеди — Ли Харви Освальда. **15.** Кто взимал штрафы, налагавшиеся по «Русской правде»? **16.** Каждый из тех, кому в Парагвае можно легально участвовать в дуэли. **18.** Размышления о том, какой бы могла стать Европа, если, скажем, битву при Ватерлоо выиграл бы Наполеон. **19.** Вопреки фантастическим фильмам, ... лазера абсолютно не видим в вакууме. **24.** Господство духовенства. **25.** Что японцы покупают к

Новому году, чтобы собрать побольше счастья? **26.** Второй по старшинству и самый сильный из Пандавов. **27.** Гималаи для древних греков. **30.** Любимый армянский коньяк английского премьер-министра Уинстона Черчилля. **34.** «Лучший возраст человеческой жизни» в психоанализе. **35.** Что блаженный Августин уподоблял «разбойничьей шайке» при отсутствии справедливости в нем? **37.** Резиденция нашего президента в национальном парке Завидово. **39.** Первый американец, кто удостоен Нобелевской премии по химии. **41.** «Диагноз» хронического холостяка. **42.** Дверной проем в ногайской юрте. **43.** Какую картину великий Питер Рубенс завещал своей жене — Елене Фурмент? **44.** Музыкальный инструмент, «ведущий» партию маль-

чика из симфонической сказки «Петя и Волк» Сергея Прокофьева. **45.** Славянский почерк для особо важных грамот.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кто из наших великих теноров возглавлял Большой театр в Москве? **2.** Насекомое, чья самка съедает ухажера сразу после «брачных игр». **3.** «Light Amplification by Stimulated Emission of Radiation» одним словом. **5.** Остров, купленный тамплиерами у Ричарда Львиное сердце. **6.** Великая Коко Шанель считала, что «ваше ... в двадцать лет дано вам природой; каким оно будет в пятьдесят, зависит от вас». **8.** Главная шекспировская роль Галины Волчек. **9.** Какая птица помогла Гарри Поттеру победить василиска? **11.** Кто из наркомов руководил операцией по ликвидации Льва Троцкого? **12.** Немецкая легавая с усами. **14.** Антагонист злоумия прежде на Руси. **15.** В самом начале золотой лихорадки стоимость стакана ... в Сан-Франциско могла доходить до 7 долларов. **17.** Валюта с

персональным памятником в Томске. **20.** Итальянская команда, с какой играл «Спартак» в прощальном матче Федора Черенкова. **21.** Копье римского легионера. **22.** Афоризмы из Талмуда. **23.** В каком из своих произведений Вольтер утверждает, что вслед за «медовым месяцем» наступает «полынный»? **28.** Эфиопский город с церковью, где, как говорят, хранят ковчег Завета со скрижалями. **29.** «Для одних ... — убежище от житейских неурядиц, для других — театр военных действий». **31.** Чулок для скакуна. **32.** «Молельное колесо» в дацане. **33.** «Снежный человек» из Нижегородской области. **36.** Как называли складку тоги, шедшую изпод правой руки к левому плечу? **37.** Какое электронное СМИ своим развитием спасло Эйфелеву башню от демонтажа в начале XX века? **38.** Бенгальская рупия. **40.** Какой табак шведы любят закладывать за щеку? **41.** «Растут невнятно розовые тени, высок и внятен колокольный зов, ложится ... на старые ступени».

Ответы на эрудит, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Алжир. **6.** Крокус. **10.** Гюрза. **12.** Аденогипофиз. **13.** Щеник. **15.** Крановщик. **17.** Кодр. **20.** Йод. **21.** Бриджи. **22.** Коб. **24.** Чаша. **26.** Нураг. **28.** Сулавеси. **29.** Кантри. **30.** Рай. **31.** Озе. **33.** Чоккой. **34.** Рейсс. **37.** Эсаки. **39.** Мотал. **40.** Уфимцев. **41.** Сосед. **42.** «Челси». **43.** Толстой. **44.** Экситон. **45.** Труба. **46.** Гранд.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Дюрер. **2.** Язык. **4.** Ладонь. **5.** Ихневмон. **7.** Рапе. **8.** Кофрокартист. **9.** Созерцание. **11.** Огмий. **14.** Кружево. **16.** «Кодак». **18.** Обыск. **19.** Циклоза. **23.** Бугай. **25.** Эскоффон. **27.** Гарем. **30.** Ротмистр. **31.** «Осколки». **32.** Ектения. **35.** Йоменри. **36.** Сассаби. **38.** Героин. **43.** Тот.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 1-е полугодие 2012 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на «журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту:

sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 71 руб. 50 коп., на 3 месяца — 214 руб. 50 коп., на 6 месяцев — 429 руб. 00 коп.

КУПОН

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С октября открыта подписка на журнал «Смена» на 1-е полугодие 2012 года по каталогам через любое почтовое отделение связи.

Образцы каталогов:

<p>КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»</p>		<p>Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов</p> <p>Индекс 70820 — для остальных подписчиков</p>
<p>КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 99406 — для всех подписчиков</p>
<p>ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 88998 — для всех подписчиков</p>

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

«Имя Александра Невского известно далеко за пределами нашей Родины. Не напрасно его причислили к лику святых, строили в его честь лавры и храмы и учредили орден его имени. В жизни его было много деяний помимо «Ледового побоища», поэтому память об этом удивительном человеке оказалась прочнее, чем можно было ожидать. Его и сегодня почитают как святого заступника Руси.

Светлана **Бестужева-Лада** «Защитник рубежей российских»

«Мало найдется в истории ранней средневековой Европы женщин с такой блистательной и такой трагической судьбой. Красавица, дочь герцога и сама герцогиня, она дважды стала королевой двух враждующих между собой стран, любила и ненавидела так, что история ее жизни превратилась в настоящий рыцарский роман. И все это — Элинора Аквитанская.

Денис **Логинов** «Королева Божьим гневом...»

«Трудно найти в нашей стране квартиру, где бы на одной из полок не стояли четыре увесистых тома «Толкового словаря живого великорусского языка» под редакцией Владимира Ивановича Даля, за который он получил престижную по тем временам Ломоносовскую премию. Этот словарь не потерял своей актуальности и сегодня, хотя со дня рождения автора прошло уже 210 лет...

Евгения **Гордиенко** «Четыре тома трудолюбия»

«Александр Бурлаков совершил настоящую революцию в науке. Его опыты на рыбах позволят в будущем корректировать с помощью природы нарушения генетических программ человека, лечить рак и другие сложные заболевания. По сути, появилась новая отрасль медицины — биофотонная инженерия.

Татьяна **Жарламова** «Куда плывут рыбы-монстры?»

«Окончание детективного романа Анны и Сергея **Литвиновых** «Ее последняя любовь...»